

Московская школа политических исследований

Alexander J. Motyl
IMPERIAL ENDS:
The Decay, Collapse,
and Revival of Empires

Александр Мотыль
ПУТИ ИМПЕРИЙ:
Упадок, крах и возрождение
имперских государств

Москва 2004
Московская школа
политических исследований

ББК 66.1

М 85

Перевод с английского А. Захарова

Мотыль А.

М 85 Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. — М.: «Московская школа политических исследований». 2004. — 248 с. / Перевод осуществлен по изданию: Alexander J. Motyl. Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires. New York: Columbia University Press, 2001

Империя снова в моде,— замечает автор этой книги, профессор политологии Университета Рутгара (США). Не только потому, что она интересна в качестве исторической реальности, концептуальной категории и аналитического инструмента, но и выступает вполне допустимой альтернативой общественного развития. Постсоветской России, например, если рассматривать как «не лишенный основательности» вариант «ползучей реставрации» империи.

Исследуя траекторию этой особой политической системы от зарождения до краха с позиций структурной методологии, автор не исключает имперской реинкарнации России, что представляется актуальным сейчас, когда в стране то и дело возникает полемика по поводу такого сценария. Поэтому не лишенное оригинальности исследование жизненного цикла империй профессора А.Мотыля также представляет, по меньшей мере, теоретическую ценность.

Моим родителям

ББК 66.1

© «Московская школа
политических исследований»,
перевод, 2004

Copyright © Columbia University Press,
2001

ISBN 5-93895-056-2

Введение Определение империи

*Ей казалось, будто она скользит вниз
по бесконечному склону.*

Моника Витти
в фильме Микеланджело Антониони
"Красная пустыня"

Империя снова в моде¹. Столь пристального внимания эта «весьма деликатная материя» (определение С.Н. Эйзенштадта²) не удостоивалась с самого завершения Второй мировой войны, когда европейскому правлению в Африке и Азии пришел конец. Разумеется, историки, по крайней мере со времен Эдуарда Гиббона, всегда сохраняли устойчивый интерес к конкретным империям³. Археологи и антропологи, со своей стороны, исследовали разнообразие исчезнувших древних цивилизаций⁴. А специалисты в области международных отношений много писали об империализме⁵. Но империи как особой политической системе почти не уделялось внимания: на протяжении последних четырех десятилетий XX века в свет вышло крайне скудное количество книг и статей по данной теме. Известная работа Майкла Дойля до недавних пор оставалась чем-то вроде «гласа вопиющего в пустыне»⁶.

Наличие подобного пробела объясняется несколькими причинами. Одна из них носит концептуальный характер. Дать точное определение империи невероятно сложно. Как правило, ученые единодушны в том, что она многонациональна и политически централизована. Но много ли государств, к которым такие характеристики неприменимы? Возможно, империи — это многонациональные государства репрессивного типа? Или просто многонациональные государства? Или же — репрессивные и многонациональные государства? А может быть, это все великие державы⁷? На ум не приходит (да и не может прийти) какой-то очевидный ответ, ибо этимология слова «империя» содержит сведения только о применении термина, но не о его значении* — до тех пор, пока мы не предпримем понятийный рывок к его сути⁸.

Другая причина — теоретическая — обусловлена гибридной природой империи. Будучи политией, которая одновременно выступает и активным участником международных отношений, и обособленной, самобытно структурированной системой с собственным ядром и периферийными зонами, империя с трудом поддается всестороннему научному исследованию. Специалисты в области международных отношений определяют империю как великую державу, но не как систему⁹. Кто-то, подобно, например, Йелу Фергюсону и Ричарду Мансбаху, подводит империи под категорию «политии», тем самым относя их к одному из видов одного большого

* Толковый словарь русского языка С. Ожегова и Н. Шведовой (М.: Азбуковник. — 1999. С.245) дает такое определение слова «империя»: «...государство, состоящее из территорий, лишенных экономической и политической самостоятельности и управляемых из единого центра». — Здесь и далее — *прим. ред.*

рода¹⁰. Для любителей сравнительного анализа это еще более трудный орешек, поскольку международные отношения не входят в сферу их интересов, в то время как гибридные образования, обладающие ядром и периферией, также не особенно похожи на изучаемые ими государства.

Третья причина — историческая. Последние оставшиеся в мире самобытные империи — британская, голландская, французская и португальская — исчезли после Второй мировой войны. Процесс деколонизации не только обострил интерес к империям, но и по понятным причинам сфокусировал внимание на таких задачах независимого политического развития, как гражданское участие, формирование новой системы власти и ее легитимация, а также на тех кризисах, которые они обуславливали¹¹. По сравнению с довольно скромным массивом политических публикаций на тему крушения империй, литература, посвященная этим вторичным явлениям, была более обширной и основательной. Даже сейчас возрождающийся интерес к империям существенно уступает тому вниманию, которое уделяется проблематике политической реконструкции — переходу к демократии, рыночным отношениям, гражданскому обществу, правовому государству¹².

Четвертая причина носит политический характер. Хотя большая часть ученых игнорировала империю, сторонники правых или левых политических взглядов не разделяли такую позицию. Нерусские националисты обличали Советский Союз как империю — история создания «антибольшевистского союза наций» представляет особенно яркий пример подобной риторики, — но при этом их политические устремления искажали само понятие империи, прочно связывая ее с «пещерным

антикоммунизмом» и «мессианизмом холодной войны»¹³. Предложенная президентом Рейганом характеристика Советского Союза как «империи зла» лишь усугубляла эту опасность. Наряду с понятием тоталитаризма, также страдавшим от подобных ассоциаций, империя превратилась в своеобразную «лакмусовую бумажку», позволяющую проверить политические убеждения в целом и отношение к социализму и капитализму в частности¹⁴.

Левые тоже внесли свой вклад в политизацию понятия империи, прилагая его исключительно к Соединенным Штатам и к зачастую агрессивному, эксплуататорскому и империалистическому поведению этой страны за рубежом. Их критика американского империализма была вполне справедливой, но левые, безусловно, ошибались, отождествляя империю и империализм исключительно с капитализмом. Из построений такого рода, прослеживаемых, по меньшей мере, со времен Дж.А. Хобсона, Р. Гильфердинга и В.И. Ленина, следовало, что капитализм, и только капитализм, порождает империализм, являвшийся его высшей стадией¹⁵. С помощью подобного маневра Советский Союз превращался просто в многонациональное государство, а докапиталистические империи из рассмотрения вовсе исключались или интерпретировались в качестве «подлинно» капиталистических. Другое злополучное следствие концептуальной небрежности левых состояло в том, что с кончиной СССР и посмертным признанием за ним статуса империи левая критика Соединенных Штатов оказалась неактуальной и даже нелепой.

Несмотря на всю убедительность перечисленных доводов, способствующих игнорированию империй, мы не можем поддаться их влиянию. Сохраняя свое значение в

качестве исторической реальности, концептуальной категории и аналитического инструмента, империи отказываются сдавать свои позиции. К счастью, мы вполне в состоянии постичь этот феномен. Определение империи дается с трудом, но оно все же возможно. Теоретические размышления, касающиеся империй, содержат в себе несомненный вызов, но с ним можно справиться. История не задает повестку научных изысканий и не отменяет ее. А политика, которая неизбежно пропитывает все, что делают и говорят ученые, должна беспокоить нас не более чем воздух, которым, невзирая на его загрязненность, мы продолжаем дышать.

Падение империи

Весьма озадачивший исследователей распад СССР вновь оживил интерес к имперской проблематике. Несомненно, внезапный и мирный крах столь мощной державы объяснялся особенностями внутреннего устройства Советского Союза. Но хотя советологи давно знали о многонациональном составе населения и избыточной централизации этого государства, оно редко рассматривалось в имперском контексте¹⁶. Исследование, опубликованное в 1979 году Элен Каррер д'Анкос, вызвало небольшую бурю, поскольку его автор решила предположить, что «ахиллесовой пятой» СССР был именно национальный вопрос и что политике такого рода необходимо считать империями¹⁷.

Для того чтобы очистить этот термин от уничижительных коннотаций, потребовалось вмешательство нерусских «народных фронтов», которые в годы перестройки активно обличали имперский характер советской

государственности¹⁸. После этого к империям вернулась былая политическая респектабельность. И как только «берлинская стена» рухнула, а Советский Союз прекратил свое существование, терминология времен «холодной войны» вновь показалась если не убедительной, то вполне допустимой. Момент для этого был в высшей степени подходящий: в центре драматических событий оказалось образование, которое теперь можно было назвать империей, не опасаясь нарушить общепринятые академические нормы словоупотребления.

Ирония заключается в том, что Советский Союз «стал» империей в тот самый миг, когда исчез с политической карты мира¹⁹. По замечанию Марка Бессинджера, в настоящее время именовать СССР империей считается столь же обязательным, сколь прежде считалось неосторожным²⁰. Подобные терминологические шарханья довольно примечательны (особенно когда мы начинаем исследовать социологию группы, использующей тот или иной термин), но они не должны отвлекать нас от подлинной сути понятий и их применимости в имперском контексте. Сообщества людей не становятся нациями только потому, что мы воображаем их таковыми; режимы не делаются демократическими из-за того, что их можно приукрасить; политические образования не превращаются в империи (и не перестают быть ими) исключительно в силу терминологической моды. Приложение понятий к реальности приносит пользу лишь в том случае, если нам удастся наметить их ключевые признаки и найти соответствующие эмпирические аналоги. В сравнении с тем, на что способны разгулявшееся воображение и творческий каприз, это куда более серьезная задача²¹.

Основные понятия

«Империя», «разложение», «ветшание», «крах», «возрождение» — центральные понятия этой книги. В работе используются и другие понятия (например, «устойчивость», «формальность», «упадок», «демонтаж»), которые выводятся из пяти вышеперечисленных.

- Под *империей* я понимаю иерархически организованную политическую систему, которую можно уподобить колесу — колесу без обода. Внутри этой системы элита ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников в их важнейших взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно (подробнее об этом см. в главе «Конструкция империй»).
- *Целостные империи*, как правило, жестко централизованы и территориально монолитны; разорванные империи слабо структурированы и зачастую включают в себя заморские владения.
- Правление элиты ядра на периферии может быть *формальным*, предполагающим значительную степень вмешательства в кадровые и политические вопросы, или *неформальным*, не предусматривающим серьезного внешнего контроля.
- *Разложение* означает ослабление влияния ядра на периферии.
- Под *упадком* имеется в виду сокращение мощи имперского государства в целом и ее военной составляющей в частности.
- *Демонтаж* влечет за собой становление значимых взаимоотношений между различными частями пери-

ферии и означает конец империи как специфически структурированной политической системы.

- *Ветшание* — это ускоряющаяся утрата фрагментов периферийных территорий.
- Под *крахом* понимается быстрый и полный слом всей имперской структуры.
- *Возрождением* (реимпериализацией) является реконструкция империи, то есть восстановление колесообразной структуры, связывающей бывшее ядро и бывшую периферию или ее фрагменты.

Подобно прочим понятиям такого типа, целостное и разорванное, неформальное и формальное и т.д. не знают иных границ размежевания, кроме чисто семантических²².

Несмотря на всю пространность ее подзаголовка, данная книга отнюдь не претендует на то, чтобы стать *последним словом* по всем аспектам имперской проблематики. Ее задача — прояснить смысл той траектории, которую империи проходят в своем развитии. Я сторонник структурного подхода, и не столько из-за очарованности им, сколько потому, что его альтернатива — ориентация на конкретные действия, предпочтения или намерения — привлекает меня еще меньше. Поскольку неполнота и несовершенство отличают научную теорию от религиозной веры, структурные теории, подобно всем прочим теориям, избилуют изъянами. Структурная основа, используемая в этой книге, также не идеальна, и я не пытаюсь скрывать ее слабые места. Напротив, я собираюсь продвигать свою теорию настолько далеко, насколько это возможно, намеренно изобличая ее слабости и показывая те точки, в которых она, подобно упрямому мулу, отказывается идти дальше или, измученная собственной тяжестью, просто падает

наземь. Это упражнение в самокритичном теоретизировании либо убедит моих читателей, либо не преуспеет в этом; но, по крайней мере, позиция, которую они займут, не останется безосновательной.

Я начну свое повествование с анализа империи как специфически структурированной политической системы. Я собираюсь задаться вопросом, почему такие системы склонны к разложению, и поразмышлять над тем, отчего некоторые разлагающиеся империи переживают стадию ветшания, а другие минуют ее. Меня будет также интересовать вопрос о том, по какой причине одни империи разваливаются быстро и до основания, в то время как некоторые прежде рухнувшие, включая, по-видимому, бывшую советскую империю, впоследствии возрождаются. По моему убеждению, сама структура империй способствует разложению, а это разложение, в свою очередь, оборачивается прогрессирующей утратой территорий. В любой точке данной траектории может произойти шок, провоцирующий коллапс. На страницах этой книги я пытаюсь выделить необходимые и сопутствующие — но не достаточные — условия рассматриваемых здесь процессов и явлений. При этом я бесстыдно заимствую фактический материал — прежде всего у историков, которые обладают большим опытом постижения конкретных империй, нежели автор этих строк, — и не претендую на ошеломляющую оригинальность.

Отдавая себе отчет в том, что полное изъятие нормативных вопросов из компетенции социальных наук невозможно, хотел бы подчеркнуть, что, невзирая на широко используемую мною терминологию декаданса, я не склонен разделять пессимизм, скажем, Освальда Шпенглера²³. «Совершенное» общество, будь то им-

перское или неимперское, отнюдь не обречено на упадок из-за того, что делает его совершенным. По той же причине я не разделяю оптимизма Фрэнсиса Фукуямы и не считаю, что совершенное общество добьется триумфа исключительно в силу того, что оно столь совершенно²⁴. Упаднические теории представляют собой оборотную сторону веры в прогресс²⁵. Поскольку подобные верования невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, опыт двадцатого столетия — с одной стороны, права человека, демократия и международные институты, с другой стороны, мировые войны, геноцид и тоталитарные системы — дает достаточно оснований для того, чтобы скептически относиться и к тому и к другому²⁶.

Признательность

Эта книга на редкость старомодна. В процессе ее подготовки автор черпал вдохновение не в новейших теоретических разработках в области международных отношений, сравнительной политики или других направлений политологии, но в собрании полузабытых статей, которые были написаны много лет назад. У меня имелось несколько причин, чтобы презреть нынешнюю моду. *Во-первых*, политическая наука, как уже отмечалось, почти не интересуется империями. *Во-вторых*, многие из наиболее свежих публикаций поразили меня наличием фатальных просчетов. Наиболее выдающимся среди них можно считать склонность к «универсальному теоретизированию», то есть попытку создать концептуальный инструментарий для объяснения гораздо большего числа фактов, нежели способна объяснить любая теория.

Сюда следует отнести теории, которые стремятся трактовать реальность, ставя во главу угла те или иные действия, предпочтения или намерения²⁷. *В-третьих*, литература по международным отношениям зачастую очеловечивает «государство», впадая тем самым в наихудшую форму реификации* и, в силу использования предикатов** типа «государство делает то-то и то-то», допуская семантическую бессмыслицу. Боюсь, что у теорий, основанных на столь рискованных предпосылках, немногому можно научиться²⁸. И наконец, *в-четвертых*: меня слишком восхищает вклад, внесенный в исследование империй тремя специалистами.

В концептуальном отношении я весьма обязан Йохану Гальтунгу, чья «структурная теория империализма» послужила основой для моего определения империи и, рассуждая более широко, обусловила сделанный мною выбор в пользу структурного подхода к этому феномену. И хотя теория Гальтунга также не лишена недостатков, — достаточно сказать, что это вообще не вполне теория, — она по-прежнему остается (по крайней мере, для меня) той концептуальной моделью, которая позволяет воспринимать империю в нужном свете²⁹.

В теоретическом отношении я опираюсь на выдвинутую Карлом Дойчем теорию «дезинтеграции в тоталитарных системах»³⁰. Блестящий анализ этого ученого, как будет показано ниже, применим и к империям, причем не потому, что империи — тоталитарные государства, но оттого, что Дойч пользовался структурным мето-

* От лат. *Res* — вещь. Т.е. овеществление.

** От лат. *Predicatum* — сказуемое. В логике — выражение с неопределенными (переменными) терминами; при выборе конкретных значений для этих терминов выражение преобразуется в осмысленное (истинное или ложное) высказывание.

дом, а структуры империй и тоталитарных государств изоморфны. Этот изоморфизм означает, что структурная теория тоталитарной дезинтеграции *ipso facto* (в силу самого факта; в силу одного этого. — *Лат.*) является структурной теорией разложения империи.

Наконец, с эмпирической точки зрения, я не могу переоценить важность той попытки осмысления подъема, расцвета и последующего краха практически всех исторических империй, которую предпринял Рейн Таагепера³¹. В серии статей, написанных на протяжении двух десятилетий, этот автор обобщил опыт более ста империй и великих держав. И хотя главное внимание Таагепера уделял соотношению территориальной экспансии империи и продолжительности ее жизненного цикла, его основное открытие, по моему мнению, заключается в том, что ему удалось продемонстрировать фундаментальное сходство всех имперских траекторий, а также показать, что идеальная траектория напоминает параболу³². Поскольку я занимаюсь в первую очередь интерпретацией, богатая информация, содержащаяся в параболах Таагеперы, обеспечила данное исследование фактической базой. Иными словами, мои рассуждения о конкретных империях представляют собой иллюстрацию эмпирических тенденций, отмеченных этим ученым.

Коль скоро имперские траектории имеют строго определенную геометрическую форму, изыскания Таагеперы позволяют мне заявить, что именно параболы могут рассматриваться в качестве геометрического эквивалента алгоритмически «сжимаемых» данных; следовательно, они вносят в исследование тот элемент закономерности, который допускается социальными науками³³. Гальтунг и Дойч, в свою очередь, дают мне

возможность настаивать на том, что стадия разложения является естественным следствием внутренних особенностей, присущих империям как специфически структурированным системам. Если параболические траектории, подчиняющиеся логике упадка, считать нормой, тогда отсутствие ветшания или краха предстают аномалиями, производными от внешних (экзогенных) переменных.

Заявлять о том, что жизненный цикл всех империй, при прочих равных условиях, должен походить на параболу, — значит вторгаться в область контрфактуального знания. Поскольку в этой книге я намерен довольно часто обращаться к переменным подобного типа, важно понять, какую роль контрфактуалы играют в целом и в моем проекте в частности. Джеймс Фирсон полагает, что компаративисты должны обращаться к контрфактуалам для того, чтобы увеличить число примеров, которые подкрепляли бы их теории, в противном случае остающиеся эмпирически неосновательными³⁴. Иначе говоря, предполагается, что контрфактуальная методика способствует убедительности наших построений. Но это, увы, абсолютно неверно. Контрфактуальные переменные не могут участвовать в подкреплении некоей теории *T*, поскольку, как показал Нельсон Гудмэн, сам факт наличия контрфактуалов предполагает существование законов или, в случае общественных наук, теорий. Мы обращаемся к сценариям типа «что если» не потому, что они создают дополнительные возможности для подтверждения или опровержения теории *T*. Мы делаем это из-за того, что другая теория (*T'*) позволяет нам поразмышлять над тем, что случилось бы, если бы та или иная предпосылка оказалась иной, нежели в действительности³⁵.

Таким образом, использование принципа *ceteris paribus* (при прочих равных [условиях]. — *Лат.*) основывается на притязании некой теории, а именно T' , разорвать причинно-следственные отношения между двумя или большим числом факторов. Вместе с тем, если представить себе, что все прочие условия неизменны, можно сохранить целостность всей теоретической конструкции. В данном отношении предлагаемый здесь метод позволяет видеть дальше и четче. Приводимая мной аргументация будет основываться на имплицитном использовании принципа *ceteris paribus*. Я утверждаю, что параболические построения Таагеперы, отражающие взлет и крушение империй, были бы нормой для всех империй, если бы не вмешательство иных факторов. Подобный тезис станет убедительным только в том случае, если существуют эмпирические свидетельства, доказывающие его состоятельность. По моему мнению, параболы Таагеперы дают нам необходимые доказательства, так как они констатируют единообразие изучаемых им процессов, а концептуально когерентная объясняющая теория — в данном случае теория Дойча — подкрепляет его. Несомненно, там, где один исследователь увидит однотипность, другой обнаружит разнообразие. Траектории империй, как заявляю я, *действительно* могут напоминать параболы или же, напротив, параболическая форма может оказаться исключением из правила, которым является хаотичный зигзаг. Оба подхода *a priori* («из предыдущего» (*лат.*)), на основании ранее известного, принимаемого за истину. — *Прим. ред.*) допустимы, хотя бытующая в общественных науках склонность к поиску тенденций и закономерностей (едва ли разделяемая постмодернистами) заставляет выбрать первый из них.

Обзор книги

В **главе 1** я исследую понятие империи, определяя ее как политическую систему, которая характеризуется, как заметил много лет назад Гальтунг, совершенно особой структурой. Отношения доминирования, связывающие элиту ядра и периферийные элиты, можно уподобить колесу без обода: иначе говоря, политические и экономические контакты различных участков периферии между собой осуществляются только через центр. В этом и только в этом смысле империи структурно уподобляются тоталитарным государствам. Далее идут общие рассуждения о политических системах, их теоретическом упорядочении, а также о том, что могут и чего не могут структурные теории. Завершает главу критика наиболее распространенных постулатов, касающихся империй и теоретизирования об этом предмете; все они ориентированы на конкретные действия, ставят во главу угла тот или иной выбор, абсолютизируют определенные намерения. Если все эти подходы, а также вдохновляющая их теория рационального выбора бесполезны именно в той степени, в какой мне представляется, то структурный взгляд на империю окажется более предпочтительным.

Глава 2 начинается с обсуждения парабол Таагеперы, причем, по моему мнению, они представляют собой алгоритм, свойственный большинству империй. Исходя из структурного изоморфизма между империями и тоталитарными государствами и опираясь на предложенное Дойчем структурное объяснение тоталитарной дезинтеграции, я утверждаю, что имперская структура содержит внутренние предпосылки к тому, чтобы отношения ядра и периферии постепенно слабели, а потом

и вовсе прерывались. Еще тверже я настаиваю на том, что Дойч в своих построениях дает теоретическое обоснование той алгоритмической регулярности, которая зафиксирована в параболических схемах Таагеперы. По сути, теория Дойча представляет собой что-то вроде универсального закона разложения империй³⁶. В главе 2 также разъясняется, каким образом и почему происходит «ветшание» империй из-за войн и освободительных революций.

В **главе 3** сначала рассматривается одно исключение из упомянутого правила — отсутствие ветшания у явно разлагающихся империй. Эта аномалия трактуется с помощью ссылок на внешние переменные, на те незаменимые теоретические приспособления, которые отводят социальную науку от просчетов в предвидении и, как в нашем случае, «подпирают» имперскую структуру и придают ей целостность³⁷. Затем анализируется другое исключение — крах империй. Я предполагаю, что империи оказываются на грани выживания в силу такого рокового стечения обстоятельств, предвидеть которое не может никакая теория. Самое лучшее, что здесь можно сделать, — это попытаться понять, перед каким шоком наиболее уязвима та или иная империя и при каких условиях подобные потрясения возникают.

В **главе 4** изучаются последствия краха империи, а также высказывается предположение о том, что ее воссоздание по большей части представляет собой производную от четырех структурных переменных: глубины упадка, его равномерности, относительного могущества бывшего ядра и монолитности прежней империи. Одна их комбинация пресекает имперское возрождение, как это было, например, с империями Габсбургов и

Османов после 1918 года. Другая, напротив, способствует реконструкции по подобию той, что наблюдалась в России после Романовых. Наконец, третья может повлечь за собой попытку восстановления имперской государственности; именно это происходило в Германии в период между мировыми войнами³⁸. Затем я применяю эти аргументы в постсоветском контексте. Политики Восточной и Центральной Европы сумели, по-видимому, навсегда покинуть зону влияния постсоветской России, в то время как республики бывшего СССР все еще неуверенно балансируют между независимостью, гегемонией соседа и империей. Так или иначе, но вариант «ползучей реставрации» империи не лишен основательности. Данному процессу будут содействовать несколько внешних факторов. Расширение НАТО и Европейского союза, с одной стороны, и глобализация, с другой, усугубят изоляцию России и ее соседей, делая их зависимость друг от друга все более прочной и способствуя повторному освоению периферии прежним ядром.

Наконец, **в заключении** кратко анализируются последствия русского имперского возрождения. Структурное сходство постсоветской России с распадающейся империей способно, в конечном счете, погубить любой имперский проект и, быть может, даже саму Россию. Хотя восстановление империи — всего лишь возможность, последующее крушение возрожденной Российской империи выглядит вполне вероятным. Следовательно, постсоветское пространство в какое-то время вновь может стать ареной нестабильности и конфликтов. Структурные теории, таким образом, отнюдь не избавлены от политического контекста.

Вместо предисловия

Вернув изучению империй былую легитимность, крах Советского Союза обострил мой личный интерес к имперской проблематике. Ведь СССР рассыпался оттого, что являлся империей, и более пристальный исторический и теоретический взгляд на государственные образования этого типа обещал углубить наше понимание советского феномена. Проницательные читатели без труда убедятся в том, что размышления о Советском Союзе повлияли на мои представления об империях не меньше, чем размышления об империях на советологические изыскания.

Осмысление имперской проблематики, как и работа над этой книгой, давались мне нелегко. В середине 1980-х и в 1990-х годах я посвятил феномену империи целый ряд статей (некоторые из них были опубликованы, другие остались в рукописи) и к концу 1996 года почувствовал в себе силы взяться за книгу на эту тему³⁹. Вскоре

мне стало ясно, что в то время как мои статьи были более или менее созвучны друг с другом, в моих аргументах такого соответствия не наблюдалось. Сглаживание острых углов и снятие противоречий оказалось благодарным занятием — отчасти потому, что я узнал о сложности имперских систем, а в основном из-за погружения в простое дело, называемое теоретизированием.

В процессе работы я вновь был поражен преувеличением роли фактов и недооценкой теории⁴⁰. Хорошо это или плохо, но мы живем в мире теоретического плюрализма, и отрицание этого (к чему нас побуждает положение профессионалов в области общественных наук) не идет на пользу ни научной карьере, ни политической деятельности, ни личной целостности. С другой стороны, следование той моде, которая путает концептуальный хаос с концептуальным плюрализмом, столь же пагубно. Понятия представляют собой прекрасные инструменты для освоения коварных вод теории. Поскольку понятийный аппарат, используемый в теории, должен быть внятным, смутные и неясные понятия, подобно слабому фундаменту, не могут поддерживать даже эмпирически насыщенные и теоретически изощренные конструкции. Данный тезис едва ли нов, недаром Джованни Сартори отстаивал его на протяжении многих лет, но, увы, его приходится повторять вновь и вновь⁴¹.

Читатели не должны удивляться тому, что, несмотря на использование в этой книге таких слов, как «алгоритм», «закономерный» и «контрфактуальный», она не тестирует теорию и не доказывает то, что не смогли доказать другие теории. Я подозреваю, что вообще нет таких тестов, которые могли бы полностью опровергнуть хотя бы минимально логичную теорию, за исключением случая ее концептуальной несостоятельности⁴². Каковы бы ни

были причины увлечения общественных наук позитивистскими процедурами, я их не разделяю. И, насколько можно судить по необычайной живучести хороших, плохих и ужасных теорий и их способности даже добиваться гегемонии, для этого есть весьма веские основания⁴³.

Множество коллег критиковали, комментировали и наставляли меня в ходе работы над настоящим проектом. По моему убеждению, именно они полностью ответственны за наиболее удачные фрагменты этой книги. Среди тех, кого я сердечно благодарю, Доминик Арел, Джон А. Армстронг, Карен Баллентайн, Карен Баркли, Марк Бессинджер, Марк Блайт, Йен Бреммер, Майкл Браун, Роджерс Брубакер, Ицхак Брудный, Уолтер Клеменс, Александр Кули, Иштван Деак, Овед Эран, Валентина Федотова, Стивен Хандельман, Леонид Герец, Эрзин Калайсиоглу, Йозас Казлас, Пол Колстоэ, Виктория Коротева, Тарас Куцио, Дэвид Лэйтин, Аллен Линч, Майкл Мандельбаум, Уоррен Мэйсон, Раджан Менон, Густав Мольнар, Эндрю Натан, Ласло Неменьи, Барнетт Рубин, Золтан Ростас, Николай Руденский, Надя Шэдлоу, Олег Шамшур, Коринна Снайдер, Джек Снайдер, Рональд Григор Сани, Рафаэль Ваго, Марк фон Хаген и Велько Вуячич. Особое спасибо Северину Билеру, Ирвину Сельнику, Ричарду Рудольфу, Дэвиду Гуду и Уильяму Маккэггу, которые первыми побудили меня к сравнению Советского Союза с Австро-Венгрией и другими империями.

Я признателен Фонду Смита Ричардсона, который оплатил мой научный отпуск осенью 1998 года. Без его великодушной поддержки эта книга, подобно столь многим империям, слишком долго дождалась бы своего финала.

I

Начала империй

Поскольку структурная теория империализма Йохана Гальтунга занимает центральное место в моем осмыслении империи, было бы полезно начать обсуждение имперских систем с пристального анализа сделанного им вклада. «Если говорить кратко, — пишет Гальтунг, — то империализм представляет собой систему, разъединяющую социальные общности, части которых соотносятся друг с другом в соответствии с гармонией интересов, в то время как другие — исходя из дисгармонии, или конфликта интересов»¹. Затем Гальтунг предлагает дефиницию:

«Империализмом называется такое соотношение между центральной нацией и периферийной нацией, для которого характерны следующие признаки. Во-первых, наличествует гармония интересов между ядром центральной нации и ядром периферийной нации (под «ядром», как замечает Гальтунг, понимается правитель-

ство в широком смысле. — А.М.). Во-вторых, степень несовпадения интересов внутри периферийной нации заметно превышает аналогичный показатель центральной нации. В-третьих, существует дисгармония интересов между периферией центральной нации и периферией периферийной нации»².

Это определение представляется мне неадекватным в нескольких аспектах. Во-первых, я предпочел бы называть подобный тип взаимоотношений *империей*: империализм — это определенный тип политики, в то время как политические отношения конституируют не политику, но политику. Во-вторых, отождествляя ядро и правительство, Гальтунг дает слишком узкое его толкование (империям присуща множественность политических и экономических элит) и совершенно ошибочно трактует периферию (понятие «правительство» предполагает, что периферия обладает суверенитетом). Наконец, в-третьих, использование им термина «нация» либо некорректно в тех случаях, когда оно применяется к стране или государству, либо примитивно, когда относится к культурно очерченным группам или сообществам.

Тем не менее, Гальтунг внес исключительно важный вклад в наше понимание империи. Во-первых, он утверждает, что империя — это определенный тип взаимоотношений. Во-вторых, по его мнению, сам факт существования империи с необходимостью предполагает наличие обособленного ядра в «периферийной нации»: «Там, где центральная нация не имеет опоры внутри периферийной нации, ни о каком империализме не может быть и речи»³. Иными словами, то, что я называю «центральной элитой», должно иметь партнера на периферии в лице *периферийной элиты*. В-третьих, этот автор понимает, что существование империи выгодно обоим

центрам (или элитам, в моей терминологии); империя просто не может быть улицей с односторонним движением или игрой с нулевой ставкой. В-четвертых, предлагаемая им схема постулирует различные способы возникновения империй — как через неприкрытую агрессию, так и эволюционно, исподтишка⁴. В-пятых, хотя Гальтунг уверен, что империализм возможен и «в мире двух наций» (как будет показано ниже, лично я такую возможность решительно отвергаю), он отмечает, что в рамках имперских отношений «взаимодействие между центром и периферией выстраивается вертикальным образом», а «взаимосвязь между различными областями периферии вовсе отсутствует»⁵. Из последующего изложения станет ясно, что все эти пункты используются в моем анализе империй.

Оси и спицы

Я начну с общего утверждения о том, что империя, как минимум, предполагает доминирование чужеродного государства над местным обществом. Обе ее части располагаются в территориально различных регионах, в которых проживает культурно разнородное население (коренное и некоренное), отличающееся совокупностью реальных или воображаемых характеристик. Эти особенности позволяют противопоставить население доминирующей части жителям иных регионов⁶. Регион, дающий прибежище чужеродному государству, можно именовать «ядром» (или метрополией), в то время как местные регионы составляют периферию (или, точнее, периферию)⁷. Д.В. Мейниг не без основания подразделяет то, что он называет «центром» и «периферией», на

различные категории. Среди них «столицы» (места расположения власти), «ядра» (зоны, непосредственно примыкающие к столицам и населенные неместными), а также «домены» (зоны, окружающие каждое ядро и не столь густо населенные неместными)⁸. Упомянутые им различия важны, но бинарная оппозиция между центром и периферией, а также местным и неместным населением наиболее важна для наших целей. (При этом, возможно, мы удостоимся одобрительных кивков со стороны постколониальных теоретиков.)

Основательность нашего отправного пункта можно проиллюстрировать с помощью нескольких примеров.

- Ассирийская империя сосредотачивалась вокруг городов Ашшур, Ниневия и Калах, располагавшихся в Северной Месопотамии, в то время как имперские владения простирались от Средиземного моря до Персидского залива.
- Ядром империи Ахеменидов была Персия со столицами в Пасаргады и Персеполе, а ее периферию (после административной реформы царя Дария) составляли двадцать провинций, управляемых сатрапами.
- Центр Римской империи находился в Италии, а территории простирались по всему Средиземноморью.
- Ядром Османской империи (а также Византии) был Константинополь и его земли, лежащие на побережье, а ее центральные районы находились в Румелии и Анатолии (как и в Византии); периферийные территории Османов включали в себя Балканы, Ближний Восток, Аравийский полуостров и Северную Африку.
- Исторические земли Габсбургов с Венной посередине в культурном отношении выступали немецким

центром империи, а прочие территории составляли ненемецкую периферию.

- Санкт-Петербург и Москва составляли ядро Российской империи, в то время как провинции, дугообразно располагавшиеся от Финляндии и до Дальнего Востока через Украину, Закавказье и Туркестан, выступали в роли периферии.
- Европейская Россия в целом и, в частности, области, проходящие по оси Москва — Ленинград, служили ядром Советской империи. Именно здесь располагался центральный аппарат тоталитарного государства и проживала верхушка русской (или русифицированной) элиты. Советская периферия включала три составляющих: нерусские регионы РСФСР, четырнадцать нерусских советских социалистических республик и народные демократии Центральной и Восточной Европы.
- Различие между ядром и периферией наиболее явным было во французской, британской, испанской, голландской, германской и португальской империях. Ядром каждой из них выступало соответствующее национальное государство, а периферией — большей частью заморские владения.

Можно предположить, что элиты ядра должны управлять службами, организациями и институтами имперского государства, а периферийные элиты — руководить их периферийными филиалами или ответвлениями. Римская империя служит хорошим примером такого разделения труда. «Римская практика предполагала управление при посредничестве органов, создаваемых формально конституированными сообществами, — пишет Гарри Б. Майлс. — Ответственность, налагаемая на ме-

стных лидеров, предоставляла им возможность как от- правлять власть, так и укреплять собственное влияние через взимание налогов, отправление правосудия и под- держание гражданского мира, набор солдат, а также ор- ганизацию принудительного труда в тех случаях, когда Риму требовались местные дороги, почтовое сообще- ние» и тому подобное⁹. Такие «властные элиты», исполь- зуя удачную формулу Ч. Райта Миллса, не являются мо- нолитными или, как доказывает Джон Армстронг, даже этнически гомогенными¹⁰. Центральная элита Османской империи, например, состояла из султана и его семьи, «диванов, или советов, рассматривавших государствен- ные вопросы, религиозных судов, руководства религи- озных учебных заведений, пехоты янычар, а также управ- ляющего класса, в состав которого входили “люди меча”, “люди веры”, дворцовая обслуга и “люди пера”»¹¹. В Ки- тае династии Хань «люди пера», или книжники, представ- ляли особо важный компонент элиты на уровне как ядра, так и периферии¹². В Советском Союзе элита ядра состо- яла из тех представителей номенклатуры, которые зани- мали властные позиции — будь то в коммунистической партии, правительстве, армии или тайной полиции — в Москве и ее окрестностях¹³.

Элита ядра определяет внешнюю и оборонную поли- тiku, а также контролирует вооруженные силы, эконо- мическое развитие, распространение информации, поддержание законности, распределение ресурсов, принятие законов, охрану границ. Периферийные эли- ты, в свою очередь, осуществляют внутреннюю полити- ку. Словом, разделение труда между центральной и пе- риферийными элитами в империях не слишком отлича- ется от разделения труда между центральной и региональной элитой во всех остальных государствах.

Хотя имперские элиты неравноправны (центр домини- рует, а периферия подчиняется), в этом они также вос- производят тип центрально-периферийных отношений, присущий многим многонациональным диктаторским или, более обобщенно, иерархически организованным государствам.

Конструкция империй

Где же пролегает граница между империей и не-им- перией? Я предлагаю не задерживаться на функциональ- ном разделении труда, складывающемся между элитой ядра и периферийными элитами, но рассмотреть их вза- имоотношения с точки зрения всего имперского целого и его частей. Брюс Пэррот определяет империю как «си- стему контроля пользующегося подлинным суверените- том доминирующего общества над двумя или нескольки- ми подчиненными обществами, концентрирующимися в отдельных районах или зонах государства»¹⁴. Теперь нам понятно, почему здесь должно быть как минимум две пе- риферии. До тех пор пока элита «ядра» доминирует толь- ко над одним периферийным сегментом, нам не удастся преодолеть рамки функционального разделения труда и конкретизировать понятие империи. Но как только таких фрагментов становится два или более, появляется воз- можность соотнести составные части империи с систем- ным целым (см. рис. 1.1) и поговорить о ее определяю- щей структуре.

Отношения ядра и периферии в империи можно упо- добить несовершенному колесу, у которого есть ось и спицы, но нет обода. Наиболее любопытным моментом оказывается не наличие оси и спиц, ибо они есть в каж-

дой политической системе, но именно отсутствие обода, или, используя не столь метафорический язык, дефицит политических и экономических отношений между периферийными фрагментами, а также между ними и политиями, не входящими в состав империи. (На рис. 1.1 последние обозначены буквой Z.) Рассуждая о «структуре взаимодействий» внутри империй, Гальтунг отмечает, что центр и периферия соединяются здесь по вертикали, а связь между различными сегментами периферии вообще отсутствует¹⁵. Исходя из этой логики, коммунистическая Чехословакия не могла быть империей, так как чешские регионы управляли только Словакией; Югославия эпохи Тито тоже не была империей, поскольку ее национальные республики поддерживали тесные отношения и между собой, и с внешним миром. Испанская империя, напротив, откровенно являлась таковой по своей структуре: здесь все провинции пользовались прямыми политическими и экономическими контактами с метрополией, но не друг с другом. Как указывает Герхард Мазур, «американским товарам, отправляемым из одной части Америки в другую, приходилось путешествовать вкруговую, через испанские порты, а испанский флот обладал монополией на торговлю с колониями»¹⁶. Аналогичным образом Мейниг полагает, что Британская империя в конце XVIII века представляла собой «два сектора огромной концентрической структуры — центральную зону и лучеобразно расходящийся от нее веер провинций, охватывающий большую часть Северной Атлантики»¹⁷.

Так как все в этом мире взаимосвязано, полная изоляция сегментов периферии даже в самых иерархично организованных империях невозможна. Как минимум, неизбежны нелегальные торговые связи, каждодневные человеческие контакты, а также разного рода случайные

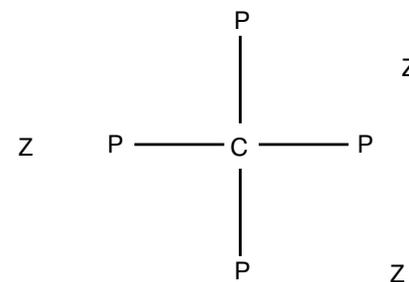

Рис. 1.1. Структура империи

C — ядро; P — периферии; Z — неимперские политии

взаимодействия. Говоря об отсутствии обода, я, следовательно, должен иметь в виду тот факт, что даже самые незначительные взаимоотношения между сегментами периферии, а также между периферией в целом и другими политиями не могут осуществляться без посредничества ядра. «Незначительный», разумеется, — весьма расплывчатое понятие, особенно если попытаться наметить концептуальную середину между очевидно значительным и очевидно незначительным¹⁸. Но даже с учетом этого замечания мы вправе ожидать, что в любой империи политические консультации, военное сотрудничество и совместное обеспечение безопасности, связывающие различные составляющие периферии, могут иметь место только (или по большей части) благодаря инициативе и руководству ядра. Сходным образом ресурсный обмен — деньги, товары, информация, люди — также идет через имперский центр. Уместно заметить, что разновидности ресурсов, циркулирующих внутри империи, можно определить лишь относительно, в понятиях конкретной имперской экономики¹⁹. В древних империях, по-видимому, это были потоки материальных благ, а для современных империй более характерны финансовые потоки. В част-

ности, по замечанию Арнольда Тойнби, «коммуникации являются тем ключевым институтом, от которого зависит само существование универсального государства (т.е. империи. — А.М.). С их помощью осуществляется не только военное управление зависимыми территориями, но и политический контроль над ними»²⁰.

Транспортные сети империй (шоссе, железные дороги, морские пути, трубопроводы и тому подобное), являющиеся физическими каналами, по которым циркулируют ресурсы, в основном соответствуют описанной выше осевой структуре. В морских империях Великобритании, Франции, Германии, Голландии и Португалии естественные ресурсы транспортировались из глубинных районов на побережье колоний, где их грузили на корабли и отправляли в Европу, которая затем обеспечивала заморские владения промышленными товарами. Более сложной схемой представляется трехсторонняя трансатлантическая работоторговля, в процессе которой промышленные товары доставлялись из Англии в Африку, снабжавшую рабами американские колонии, а те в свою очередь обеспечивали английских производителей сырьевыми материалами. За сотни лет до этого товары, люди и финансы перемещались по дорогам и морским трассам, связывавшим такие имперские столицы, как Рим и Константинополь, с их владениями. В качестве оси романовской России выступала железная дорога Санкт-Петербург — Москва. В Австро-Венгрии исходными точками шоссе, железных дорог и телеграфных линий являлись Вена, а также — правда, в меньшей степени — Будапешт и Прага, что вполне соответствовало распадающейся империи. Центральным пунктом советской транспортной системы была Москва, и даже в 1980-е годы наиболее удобный маршрут, связывающий различные союзные республики,

пролегал через столицу СССР. Дорожная система инков не была, строго говоря, организована вокруг единой оси, ибо их империя теснилась между Тихим океаном и Андами, но, тем не менее, столичный город Куско был тем центром, через который пролегли все дороги²¹.

Существенно то, что империи, как я определял их, обнаруживают структурное сходство с тоталитарными государствами²². Политии обоих типов состоят из центральной и периферийной частей, объединяемых взаимоотношениями доминирования, контроля и надзора первой над второй. В империях рассматриваемые составляющие разграничены географически — «ядро» против территориальной периферии, в то время как в тоталитарных государствах их разграничение носит функциональный характер — государство «ядра» противостоит периферийному обществу, периферийной экономике и периферийной культуре. Бесспорно, тоталитарные государства изначально гораздо жестче, нежели империи, но при этом и те и другие имеют сходную колесообразную структуру: в каждом из них концептуально обособленное «ядро» доминирует над концептуально отличными периферийными зонами, почти не связанными между собой. Как мы убедимся в главе 2, из этого изоморфизма можно извлечь важные теоретические уроки.

Типы империй

Хотя всем имперским политиям присущи одни и те же определяющие характеристики (прежде всего, структурного плана), позволяющие нам отнести их к общему политическому виду независимо от времени, места или обстоятельств, в которых они существуют, они все же делят-

ся на различные типы. Поскольку самой фундаментальной характеристикой мы считаем структуру, главным критерием имперской типологии можно было бы сделать структурную вариацию. Одной из наиболее очевидных структурных черт выступает длина спиц. Некоторые империи территориально концентрированы, в то время как другие состоят из разбросанных (порой даже заморских) владений. Иначе говоря, имперское колесо может быть маленьким, имея короткие спицы, или большим — при наличии длинных спиц. Причем весьма вероятно, что оно не будет круглым, ибо в конкретных империях часто сочетаются как длинные, так и короткие спицы.

Во-вторых, столь же очевидной особенностью выступает число спиц, то есть разновидностей взаимоотношений, складывающихся между ядром и периферией. Указанное число варьирует от 2 до N , где N — некоторое число, которое меньше общей численности потенциальных участков периферии, имеющих в мире в определенный момент времени. Империи с несколькими короткими спицами я называю *целостными*, а те, которые отличает множество длинных спиц — *разорванными* (см. рис. 1.2). Вообще континентальные или территориально монолитные империи тяготеют к целостности (хотя среди очень протяженных континентальных империй могут быть исключения), в то время как морские или прибрежные империи почти всегда разорваны. Империи могут также сочетать целостность и прерывистость, представляя собой *гибрид*, который напоминает «некруглое» колесо. С этой точки зрения империя Габсбургов была весьма целостной, Британская империя — разорванной, а германский рейх с его колониальными владениями в Европе, Африке и в Тихом океане представлял собой комбинацию того и другого.

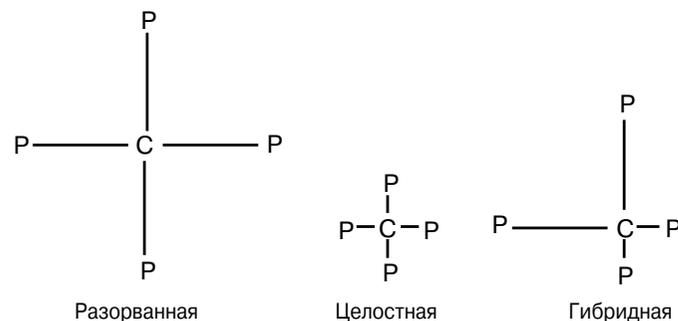

Рис. 1.2. Типы империй

Многие ученые классифицируют империи в соответствии со степенью власти, которую элита ядра может применять в отношении периферийных элит. По мнению Дэвида Лэйка, периферийные элиты, пользующиеся минимальным авторитетом, можно называть причастными к формальной империи; элиты же, располагающие более существенным влиянием, — например, руководство бывших восточноевропейских сателлитов СССР — принадлежат к неформальной империи²³. Таблица 1.1 детализирует эти и другие различия. В формально управляемых империях элита ядра назначает и смещает периферийные элиты, намечает внутривнутриполитическую программу и контролирует осуществление внутренней политики. В неформально управляемых империях элита ядра влияет на назначение и смещение периферийных элит, намечает внешнеполитическую программу, воздействует на выработку внутривнутриполитической программы. Она полностью определяет реализацию внешнеполитической линии, лишь отчасти влияя на внутреннюю политику. В рамках гегемонии неимперского типа, связывающей, например, США с многими страна-

ми Латинской Америки, доминирующая полития практически не располагает правом голоса в отношении назначения или смещения местных элит и в осуществлении внутренней политики²⁴. В основном она оказывает влияние на внешнеполитическую линию зависимых стран.

Таблица 1.1.

Типы правления ядра

	<i>Гегемония</i>	<i>Неформальный</i>	<i>Формальный</i>
Периферийная элита	—	(назначение/ смещение)	назначение/ смещение
Политическая программа	внешняя	внешняя (внутренняя)	[внешняя]/ внутренняя
Политическая практика	(внешняя)	внешняя/ (внутренняя)	[внешняя]/ внутренняя

Примечание: Круглые скобки обозначают наличие слабой формы контроля над действием внутри империи; квадратные скобки — его отсутствие.

Хотя противопоставление формального и неформального имеет отношение к прояснению имперских траекторий, оно характеризует скорее не империи как таковые, но особенности правления, как имперского, так и какого-нибудь иного. Управление одними периферийными зонами империи может быть формальным, а другими — неформальным, но ведь и любые региональные элиты во всех без исключения государствах также ощущают на себе ту или иную степень контроля со стороны центральных властей. В недемократических государствах, например, правление гораздо более формально, чем в демократических. Таким образом, разведение формального и неформального говорит об

особенностях империи гораздо меньше, чем описание ее структуры: подчиняясь ядру тем или иным образом и в той или иной степени, имперские периферии практически не могут сообщаться друг с другом или с внешним миром.

Использование мною бинарных оппозиций («непрерывное — разорванное» и «формальное — неформальное») предполагает, что империи с необходимостью делятся на тщательно выверенные категории. Разумеется, в большинстве своем империи чаще всего оказываются сочетанием крайностей со всевозможными средними типами. В качестве примера уместно сослаться на Британскую империю. Как полагает Джон Дарвин, она была «конституционным, но при этом довольно хаотичным смешением независимых, полузависимых и зависимых стран, удерживаемых не столько формальной лояльностью родине-матери, сколько экономическими, стратегическими, политическими или культурными узами, сильно различавшимися по своей силе и характеру»²⁵. Реальность порой может быть неупорядоченной; тем больше у нас оснований пользоваться понятиями куда более строгими.

Системы империй

Уподобляя имперское устройство колесу без обода, оригинальным образом скрепляющему ядро и периферийные зоны, мы подразумеваем, что империи — это особые *политические системы*. Эйзенштадт еще много лет назад обращал внимание на данный факт²⁶. Империи состоят из отличающихся друг от друга частей — государства и элиты ядра, а также периферийных элит и об-

ществ, составляющих элементы строго очерченного и когерентного имперского целого. Каждая из этих частей занимает в империи свое особое место; их характеристики поддаются рациональному определению; взаимоотношения ядра и периферии структурированы таким образом, что это позволяет определить систему как целое. Иначе говоря, империи представляют собой структурно централизованные политические системы, в рамках которых элиты ядра доминируют над периферийными обществами, выступают посредниками в их взаимодействии между собой и регулируют потоки ресурсов, идущие от периферии к ядру и назад к периферии²⁷. Метрополии, позволяющие своим перифериям свободно контактировать друг с другом, можно не считать империями. Следовательно, империи умирают не в тот момент, когда ядро прекращает управлять перифериями, но когда имперское доминирование перестает препятствовать взаимодействию периферийных зон между собой. Таким образом, отношения *P-C-P* могут быть сколь угодно жесткими или свободными, но империи все равно просуществуют лишь до тех пор, пока отношения *P-P-P* или *Z-P-Z* будут оставаться слабыми, несущественными или вовсе ничтожными. (Отсюда, кстати, проистекает предпочтение, которое я отдаю термину «*disassemblage*»* в сопоставлении с более простым, элегантным, но менее точным термином «*dissolution*»**.)

Будучи особой системой, империя предполагает наличие взаимосвязанных, интерактивных и взаимозависимых частей²⁸. Системы могут быть биологическими, экологическими, культурными, лингвистическими, со-

* Демонтаж (англ.)

** Распад (англ.)

циальными, экономическими, политическими²⁹. Озера, тропические леса, племена, языки, рынки, политики — все они могут обладать системными характеристиками и вести себя как системы³⁰. Иммануил Валлерстайн и Джеймс Розенау интерпретировали в качестве системы весь мир. Валлерстайн сосредотачивается на ядре и периферии капиталистической мировой системы, в то время как Розенау включает в свою системную модель государства, коллективы, неправительственные организации, фирмы и даже отдельных индивидов³¹.

Заявления о том, что империи, подобно многим другим феноменам, полезно трактовать в качестве систем, отнюдь не означают поддержки каждого аспекта системного теоретизирования и (или) структурного функционализма, связанного с именами Толкотта Парсонса, Никласа Лумана, Клода Леви-Стросса и Дэвида Истона³². Разумеется, системам нельзя приписывать все что угодно. Рассмотрение империй в качестве систем обязывает нас воспринимать как данность системное функционирование, или стабильность (Розенау говорит о «системном порядке»), и различать «внутреннюю» и «внешнюю» сторону в любой системе³³. Кроме того, указанный подход может принудить нас перенести некоторые каузальные факторы, преобразующие систему, вовне, за ее пределы. (Чуть ниже я остановлюсь на этом предположении подробнее.) Каждый подход имеет свои потенциально опасные последствия, но ни один не является фатальным; или, выражаясь точнее, он не более фатален, нежели прочие, проистекающие из иных способов концептуализации.

Другими словами, полностью оправданной выглядит критика, основанная на присущей системным теориям склонности брать за основу именно стабильность и воспринимать изменения как нечто загадочное и необъяс-

нимое³⁴. Но вот с чем здесь абсолютно нельзя согласиться, так это с полным отказом от системного теоретизирования. Все теории принимают за основу некоторые аксиомы, и, делая это, одно признают рациональным, а другое иррациональным. Теория рационального выбора, например, берет за основу разумное и отвергает неразумное в человеческом поведении. «Теория иррационального выбора», которую вполне можно было бы сконструировать, поступала бы прямо противоположным образом³⁵. Рассуждая о системах, в принципе можно поставить во главу угла не стабильность, а изменчивость. И хотя найти чисто теоретическое основание для подобной рокировки довольно сложно, нормативных или практических причин для этого более чем достаточно.

Между тем различие внутреннего и внешнего столь же распространено и в несистемных подходах. Любая теория, любой анализ, любой набор понятий имеют специфическую сферу приложения. Они не могут и не должны прилагаться ко всему подряд (и в той мере, в какой это делают Валлерстайн и Розенау, их справедливо можно критиковать за попытку сконструировать универсальную «теорию всего»). В этом смысле все, что находится за пределами интересующей нас области, выпадает также и из системы мысли. Аналогичным образом, хотя каждая теория рассчитывает на учет всех причин, производящих некий эффект, а также всех возможных следствий, проистекающих из той или иной причины, она не в состоянии достичь своих целей в полном объеме, ибо теоретическое мышление основано на понятиях, укорененных, в свою очередь, в языке. Иными словами, *nolens volens* (волей-неволей, хочешь — не хочешь. — *Лат.*), всегда остаются причины и следствия, не учитываемые теорией.

Стабильность империй

Поскольку нашей базовой линией выступает системная стабильность, идеально функционирующая имперская система могла бы, что вполне логично, существовать неопределенно долго. Из-за сходства империй с гигантскими машинами, состоящими из взаимосвязанных и взаимозависимых шестеренок, находящихся, по словам Эйзенштадта, в «довольно хрупком равновесии», они способны функционировать до тех пор, пока работают их составные части. Приятно убедиться в том, что это ожидание «долгожительства» в отношении империй вполне подтверждается. Многим империям присуща удивительная устойчивость. Римляне поддерживали имперское правление на протяжении пяти веков, византийцы почти тысячелетие, Османы более пятисот лет, а Габсбурги и русские — более четырехсот лет. Персидская, монгольская, французская, британская и голландская империи менее преуспели, продержавшись около двух столетий, а советский режим оставался у власти около восьмидесяти лет. Тем не менее, Эйзенштадт был, несомненно, прав, отмечая, что империи «являли собой наиболее устойчивую и продолжительную форму осуществления власти из всех известных человеку до наступления Нового времени»³⁶.

Полностью осознавая серьезную опасность, исходящую от «теорий всего», я полагаю, что колесообразная структура империи способствует ее стабильности — и, следовательно, долговечности — по меньшей мере, на двух уровнях.

Во-первых, империя представляет собой эффективный механизм перераспределения ресурсов и обеспечения безопасности. Канал *P-C-P* позволяет инвести-

циям, товарам и людям перемещаться в сложной системе, управляемой элитами и институтами ядра. Перераспределяя ресурсы богатых регионов в пользу бедных и прочно связывая отдаленные провинции с метрополией, империи похожи на федеральные системы³⁷. Аналогичным образом целостные империи оказываются великолепными механизмами по обеспечению общей защиты (при этом, правда, предполагается, что элиты не настроены на хищническую эксплуатацию). Мобилизация и размещение вооруженных сил и военных ресурсов, необходимых для обороны большого государства, осуществляются ядром точно так же, как проводятся аккумуляция и распределение экономических ресурсов. В частности, ядро целостной империи может эффективно противостоять внешним угрозам, используя внутренние пути сообщения и коммуникации. Как полагает Эдвард Люттвак, Римская империя, будучи разорванным государством, окруженным обширными водными пространствами, не располагала этим преимуществом и потому была вынуждена постоянно держать гарнизоны вдоль собственных границ³⁸.

Во-вторых, колесообразная структура одновременно обеспечивает и доминирование элиты ядра, и подчинение ему периферийных элит. Элита ядра, по определению, располагает ресурсами и властью в большем объеме, чем любая из периферийных элит. При прочих равных условиях периферийные элиты способны бросить вызов господству ядра только в том случае, если объединятся. Реализации такой угрозы препятствуют довольно простые структурные особенности, присущие империям. *Во-первых*, тот факт, что периферийные элиты (в идеальном варианте) взаимодействуют сугубо при посредничестве ядра, означает, что они едва ли способ-

ны вступить в сговор, направленный против центра. Например, ни одна периферийная элита не в состоянии воспрепятствовать потоку ресурсов и информации от периферии к ядру и обратно. *Во-вторых*, поскольку все периферии в одно и то же время выступают и донорами и реципиентами ресурсов, то их элиты в структурном смысле являются конкурентами, а не партнерами. Зависимость от ядра и конечная независимость друг от друга заставляют их блокироваться с центром против остальной части периферии. *В-третьих*, для периферийных элит империи зачастую весьма удобны. И хотя картины, предлагаемые Францем Фаноном и прочими националистами, изображают периферийные элиты подавленными и униженными, мы, благодаря Гальтунгу, знаем, что на самом деле имперская структура повышает их статус, гарантируя устойчивое господство над традиционными вотчинами³⁹.

Майлс показывает, каким образом эти факторы обеспечивали отсутствие «националистических выступлений» против имперского правления Рима. «Опора на местную аристократию, — отмечает он, — привязывала к Риму тех, кто уже располагал властью и влиянием среди местного населения»⁴⁰. Вопреки отсутствию горизонтальных связей между различными участками периферии, «традиционные лидеры вполне могли доносить общие идеи, разделяемые с другими сообществами или племенами, до своих последователей. Но при этом сама структура политической ситуации оказывалась таковой, что индивидам, поднявшимся на общее дело, приходилось участвовать в нем в качестве представителей отдельных и автономных общин. ... Древние альянсы, следовательно, заключались с необычайной осторожностью»⁴¹.

Изменение систем

Но если системам надлежит быть стабильными, как и почему они меняются? Подобно прочим загадкам общественных наук, эта частная головоломка трудна лишь на первый взгляд. Мы едва ли ошибемся, если будем искать источники трансформаций как внутри системы, так и за ее пределами. Экзогенно генерируемые изменения вызывают шоковые реакции; к важнейшему в данном контексте понятию шока я вернусь позже. Что же касается эндогенных изменений, то они должны быть внутренне согласованными с самой системой. Но каким образом эндогенно обусловленное изменение может, с одной стороны, порождаться системой, а с другой — сочетаться с ее устойчивостью? Опираясь на понятие структуры, мы можем попробовать разобраться в этом.

Давайте взглянем на внутреннее устройство системы более пристально. Как отмечает Роберт Джарвис, поскольку трансформация одной части системы с необходимостью влияет на все остальные части, так что об устойчивости чего бы то ни было говорить в принципе нельзя, детерминистские заявления типа «*A* влечет за собой *B*» оказываются недостоверными⁴². Но если линейные причинно-следственные связи в рамках систем не действуют, то системный анализ принесет не слишком много пользы ученым, озабоченным исключительно причинностью. Таким образом, по мнению Джарвиса, можно говорить только о том, что одни взаимосвязи занимают в системе более важное место, нежели другие, и происходит это из-за того, что бывают изменения, которые не затрагивают все элементы системы в равной мере⁴³. Именно такие более значимые взаимосвязи при-

дают системе структурные свойства. (По словам Лумана, системы «не могли бы существовать без структуры»⁴⁴.) Верно оценив структурные отношения, мы можем постулировать наличие причин и следствий, которые, в свою очередь, обеспечат нас инструментом для объяснения изменений. Стабильность все еще может характеризовать системы как таковые, но их главная особенность — наличие структуры — теперь способна выступить источником изменений.

Как полагает Истон, структуры способны либо ограничивать спектр реализации тех или иных системных возможностей, либо вызывать конкретные последствия, либо способствовать реализации определенных тенденций⁴⁵. Легче всего представить первый из упомянутых вариантов. Если систему отличает некая структура, то она по определению не может иметь другую структуру. Иначе говоря, можно утверждать, что структура ограничивает спектр системных сценариев. Система *A* не способна нести в себе ключевые признаки системы *B*, причем обратное столь же верно; исключения, справедливо упоминаемые Джарвисом, будут чрезвычайно редкими и чисто случайными. Этот вывод кажется тривиальным лишь на первый взгляд. По моему мнению, отнюдь небезынтересно узнать о том, что структура может сузить рамки возможного⁴⁶.

Второе из упомянутых выше следствий с наибольшим трудом поддается постижению. Ибо даже если признать, что структуры способны генерировать специфические системные последствия, весьма сложно, учитывая относительную нелинейность, «встроенную» в системы, уяснить себе, почему конкретный результат был обусловлен именно структурой, а не какими-то другими факторами. Или, рассуждая более широко, я не пони-

маю, как структуры, будучи системными характеристиками, могут порождать конкретные последствия. Из-за структурного просчета здание может накрениться, что увеличивает вероятность крушения, но отнюдь не вызывает его непосредственно. Организационная структура способна повысить эффективность и поднять моральный дух, но она никогда не станет главной причиной преуспевания. Исходя из той же логики, Кеннет Уолтс предполагает, что биполярным международным системам присуща большая стабильность — под стабильностью здесь понимается отсутствие войны, — нежели мультиполярным системам, причем независимо от уровня устойчивости составляющих их государств⁴⁷. Высокий рост, по аналогии, может способствовать одному занятию (например, игре в баскетбол) и препятствовать другому (скажем, участию в скачках), а для баскетбольной звезды он станет просто необходимым условием успеха, но достаточным условием его нельзя считать даже в этом крайнем случае. Таким образом, способствуя определенным тенденциям, структуры могут оказывать лишь вероятностное, но не жестко детерминирующее воздействие.

Иначе говоря, наибольшая важность присуща третьей ипостаси структуры. Реализация некоторых системных тенденций кажется более вероятной, поскольку тип взаимоотношений, которые связывают элементы системы, может благоприятствовать именно этим, а не каким-либо иным тенденциям. Там, где упомянутые отношения комплиментарны, системы будут «работать». И, напротив, там, где комплиментарность сменяется противоречием, системы «не работают». На эту особенность обращает внимание Жанет Л. Абу-Лугход: «Во всякой системе нужно изучать *связи* между ее составными частями.

Когда они крепки и многообразны, системы переживают расцвет, а когда они слабы и эпизодичны, системы разваливаются»⁴⁸. В частности, одни системы могут совершенствоваться благодаря тому, что их структура обеспечивает эффективное использование ресурсов. Другие, наоборот, будут испытывать трудности по причине того, что не умеют рационально пользоваться собственной ресурсной базой. Будучи долгосрочной тенденцией, а не случайным следствием, способность или неспособность системы «работать» должна сопоставляться с исходной точкой наших рассуждений — с системной стабильностью.

Предлагаемая Карлом Марксом трактовка капиталистического разложения является прекрасным примером «неработающей» системы. Созданная им идеальная версия капитализма с необходимостью должна приходиться в упадок по мере устойчивого снижения нормы прибыли. Но в то время как ее угасание и в самом деле кажется неизбежным, коллапс системы, также представляющийся логически необратимым, происходит лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Поэтому, отстаивая свой подход, Маркс вынужден обращаться к метафорам: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»⁴⁹. С другой стороны, марксист по духу Баррингтон Мур, исследуя «социальные корни диктатуры и демократии», предполагает, что именно социальная структура ответственна за возникновение различных типов режимов, но при этом он и не пытается доказывать, будто та или иная структура

с необходимостью влечет только один, заранее предопределенный финал⁵⁰.

Столь же показательны рассуждения Платона об упадке государства, в котором торжествует справедливость. Справедливыми он называет такие отношения между различными группами людей и внутри этих групп, в рамках которых каждый человек и каждая группа занимаются только тем, к чему они наиболее приспособлены, не вмешиваясь в сферу деятельности остальных. Так как поддерживать такую структуру взаимоотношений очень трудно, постепенно наступает деградация: «Хотя и мудры те, кого вы воспитали как руководителей государства, однако и они ничуть не больше других людей будут способны установить путем рассуждения, основанного на ощущении, наилучшую пору плодоношения и, напротив, время бесплодия для вашего рода: этого им не постичь, и они станут рожать детей в неурочное время»⁵¹. Неурочное деторождение влечет за собой появление на свет детей со слабыми природными задатками и, тем самым, подрывает саму основу республики. «Мусические искусства, а вслед за тем и гимнастические они не оценят как должно; от этого юноши у нас будут менее образованны и из их среды выйдут правители, не слишком способные блюсти и испытывать Гесиодовы поколения, — ведь и у вас они те же, то есть золотое, серебряное, медное и железное. Когда железо примешается к серебру, а медь к золоту, возникнут несоответствия и нелепые отклонения, а это, где бы оно ни случилось, сразу порождает вражду и раздор»⁵². В итоге государство вырождается, неудержимо скатываясь от тимократии и олигархии к демократии и заканчивая диктатурой.

Структура

Структурные теории, изучающие надлом и разрушение систем, сами имеют, как указывает Марк Агопян, определенную структуру⁵³. *Во-первых*, все они выявляют структурные противоречия, то есть фундаментальную несовместимость в ряду взаимоотношений, скрепляющих элементы системы воедино. Для истинного структуралиста Маркса в роли такого противоречия выступает конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Для Чалмерса Джонсона разбалансировка системы оказывается результатом, с одной стороны, системного упадка, а с другой — бескомпромиссного отказа элит от реформ. Для Теды Скокпол главным представляется столкновение императивов международной анархии, выливающееся в конкуренцию и войну, и ограниченности государственного суверенитета. Для Джозефа Тэйнтера центральное значение имеет напряжение между сложностью системы и ее эффективностью. Для Франца Фанона первейшее место занимает конфликт между гуманизмом дикаря и бесчеловечностью колонизатора⁵⁴. В каждом из этих случаев, как и во множестве других, структурное противоречие ослабляет существующую систему и, в конце концов, расшатывает ее. Капиталистические общества страдают от растущего обнищания и снижения нормы прибыли; предреволюционные общества еще более дестабилизируются или же неудовлетворительно модернизируются; сложные общества делаются неэффективными; в колониальных обществах вызревает глубокий антагонизм между правителями и управляемыми.

Во-вторых, все подобные теории постулируют необходимость цепной реакции, толчка, вспышки или шока,

которые сталкивают рассыпающуюся систему в небытие⁵⁵. Поскольку структуры лишь способствуют определенным тенденциям, логически нет никаких оснований для того, чтобы противоречия обязательно превращались в фатальные; их воздействие вполне может ограничиваться повышением вероятности того или иного исхода. Следовательно, драматические всплески типа революций, надломов и крахов должны быть обусловлены каким-то внезапным прерыванием естественного процесса. У Маркса взрывается «капиталистическая оболочка»; у Джонсона в дело вступают ускорители; у Скокпол слабые государства проигрывают войны; у Тэйнтера происходят «стрессовые обострения»; у Фанона «пушки стреляют сами»⁵⁶. Излагаемая Робертом Канном трактовка краха Австро-Венгерской империи идеально подходит под эту кальку: «Ответ на вопрос о том, каковы особые обстоятельства и условия, сделавшие возможной дезинтеграцию монархии Габсбургов, довольно прост: это мировая война....Нет ни малейших свидетельств того, что без внешнего давления Австро-Венгрия, несмотря на все несовершенство реализуемой этим государством интеграции народов и дефекты ее административного устройства, была обречена на гибель. Напротив, вполне обоснованно можно утверждать, что в соответствии с чем-то вроде закона исторической инерции система власти, державшаяся в течение многих веков, могла бы существовать и далее — если бы не сторонние факторы»⁵⁷.

В свою очередь, Чоюн Су обращает внимание на то, что сеть социальных взаимодействий, сложившаяся в Китае эпохи Хань, «была довольно тонко сбалансирована и в силу этого исключительно уязвима перед лицом войн или естественных бедствий, которые могли разорвать ее на региональные фрагменты»⁵⁸.

Несомненно, как настаивает Карло Чиполла, «далеко не всегда внешние неурядицы могут считаться достаточными причинами упадка цивилизации». Столь же справедливо и его суждение о том, что «подобные ситуации слишком часто осложняются отсутствием адекватной реакции на вызов, и такое отсутствие нуждается в объяснении»⁵⁹. Но при этом никак нельзя утверждать, будто наличие шока может быть обусловлено исключительно отсутствием адекватного ответа. Мощный шок способен разрушить все что угодно, а слабый шок проверяет только слабые или ослабленные объекты, но в обоих случаях сам шок и состояние подвергшегося его действию объекта остаются аналитически и эмпирически различными феноменами.

Таким образом, для того чтобы тенденция вылилась в тот или иной конкретный итог, структурные противоречия должны быть поддержаны каким-то внешним шоком. Было бы, конечно, неплохо, если бы противоречия всегда порождали, возвращали или стимулировали только соответствующие им шоковые реакции, но приходится согласиться, что и теоретически и логически такое происходит далеко не всегда⁶⁰. Невозможно игнорировать тот фактор, который Герберт Кауфман называет «ролью шанса», а Макиавелли именовал *фортуной*⁶¹. Разумеется, мы можем предпочитать закрытые теоретические системы открытым системам, но у социальной науки нет никаких оснований для того, чтобы отказываться принимать во внимание теоретически экзогенные причинные факторы. На самом деле, признание важности экзогенных факторов равнозначно утверждению, что «теории всего» невозможны и что некоторая степень непредсказуемости, на чем настаивает Джеймс Фирон, принципиально неустранима⁶². Чарльз Доран идет еще дальше; по его словам, «про-

гнозы оказываются несбыточными из-за того, что пока еще нет техники, которая позволяла бы прорицателю предсказывать — до наступления самого события, — когда именно произойдет разрыв постепенности, то есть тотальная ломка предшествующей традиции»⁶³.

Не менее важно и то, что потрясения являются неотъемлемой составляющей эвристического аппарата естественных и общественных наук. Ход эволюции, как напоминает нам Стивен Джей Гулд, может определяться не столько какой-то имманентной логикой, сколько природными случайностями⁶⁴. Согласно Джорджу Соросу, вновь формирующиеся рынки оказываются особо восприимчивыми к финансовым шокам, возникновение которых совершенно не поддается их контролю⁶⁵. Вильям Макнейл показывает, сколь коренным образом чума и более распространенные болезни способны разрушать общества⁶⁶. И хотя опустошения, произведенные в индейских обществах европейскими бактериями, необходимо также рассматривать, как указал бы нам Чиполла, в перспективе иммунологической изоляции и гигиенических условий этих социумов, не вызывает сомнения тот факт, что крушение империи ацтеков оказалось результатом, прежде всего, внешних инфекционных воздействий, которые этот народ абсолютно не контролировал. Брайен Фэган применяет данный аргумент и в отношении «климатических аномалий»⁶⁷.

Безусловно, с историческими персонажами дело обстоит гораздо сложнее. С одной стороны, даже экстраординарные мужчины и женщины являются продуктами своих обществ, а их восхождение к власти и влиятельности нельзя вырывать из общего контекста. И все же трудно отрицать, что исторические личности, даже будучи порождением своей эпохи, сами оказывали мощ-

ное системное влияние на ту среду, из которой вышли. Тут вполне уместно вспомнить Наполеона Бонапарта и Адольфа Гитлера. Столь же показательны размышления Сиднея Хука о Ленине. Согласно этому автору, «без Ленина деятельность большевистской партии с апреля по октябрь 1917 года невозможно себе представить. Всякий знакомящийся с внутренней историей этой партии без труда обнаружит, что ее цели, политика, лозунги, стратегия, повседневная тактика определялись именно Лениным. Иногда он вел себя как учитель, наставляющий способного, но взбалмошного ученика; иногда ему приходилось командовать, подобно неутомимому сержанту, орущему на новоиспеченного рекрута. Но от начала до конца все делал именно Ленин. Без него Октябрьской революции просто не было бы»⁶⁸.

Способен ли Хук аргументированно доказать свой тезис, в данном случае не важно, но он вполне правдоподобен: то, что Ленин сыграл критическую и далеко не случайную роль в революции, не вызывает сомнений. В этой связи предпринятое Александром Рабиновичем детальное исследование решающего значения ленинской позиции на заседании центрального комитета большевистской партии, которое состоялось непосредственно перед ноябрьским захватом власти, подкрепляет доводы Хука⁶⁹.

Подобным же образом Роберт Вессон рассматривает «единоличного и всевластного правителя, личность которого превыше прочих смертных», в качестве главной определяющей характеристики империи⁷⁰. Однако, в отличие от героев Хука, правители Вессона гораздо легче вписываются в рамки институциональной системы власти: они, помимо всего прочего, подчиняются «ключевой аксиоме империи, господству ради господства», и таким образом органично сочетаются с ее структурой⁷¹. Едва ли

кто-нибудь решился бы спорить с тем, что структурные особенности империи вполне подходят для императоров в целом и для императоров-харизматиков в частности.

Экстраординарные обстоятельства и типовые структуры образуют эклектичную связь лишь в том случае, если первые явно противоречат предпосылкам вторых. Обращение к внесистемным факторам действительно является ударом по теоретической целостности, но оно не будет фатальным до тех пор, пока указанные факторы не вступят в коренное противоречие с концептуальными основаниями теории⁷². В подобную теорию невозможно вписать только настоящих героев, которые с необходимостью ориентированы на принятие спонтанных решений. А вот эпидемии, ураганы, засухи и их социальные эквиваленты — вторжения, войны, экономические коллапсы и т.д. — в данный список не входят. В главе 3 я намереваюсь показать, что структурная теория имперского упадка вполне совместима со структурно (или, по меньшей мере, ненамеренно) генерируемыми шоковыми воздействиями. Это означает, что и динамика системы, и непосредственная причина ее надлома лежат за пределами человеческих решений и, таким образом, сосуществуют внутри одного и того же семантического поля.

Maxima culpa*

Помимо упрека в неспособности определять точное время тех или иных частных событий, структурным теориям часто предъявляют и другие обвинения. Одно из них состоит в том, что теории такого типа принижают

* Величайшая вина (лат.)

или вообще игнорируют значение человеческого поведения. Но, будучи справедливой по существу, эта претензия упускает главное. *Во-первых*, все теоретические конструкции — если, конечно, речь не идет о «теориях всего» — упускают или игнорируют те или иные моменты, поскольку любая теория может объяснить лишь то, что она в состоянии объяснить⁷³. *Во-вторых*, хотя кто-то и может настаивать, *à la* Энтони Гидденс, на равном теоретическом статусе тех, кто старается сочетать методологический холизм* с методологическим индивидуализмом, а структуру с действием, целенаправленная эклектика такого типа либо базируется на несовместимых предпосылках, либо же равносильна тривиальной онтологической констатации реальности людей⁷⁴.

У нас нет иной альтернативы, кроме как прекратить поиск «теорий всего» и сделать свой выбор — выбор между противоречивыми и несовместимыми предпосылками в целом и между структурой и действием — в частности⁷⁵. Причем здесь вполне легитимна любая альтернатива, поскольку и структура и действие в равной мере способны самостоятельно генерировать когерентные теоретические подходы. «Методологический социализм», как свидетельствует Артур Данто, не менее достоверен, чем «методологический индивидуализм». Так как, согласно этому автору, структурные установки можно низвести до уровня частных особенностей, в индивидуальной самобытности можно усмотреть структуру. Но если структурные принципы не сводимы к частностям, то и из индивидуальных особенностей невозможно выстроить структуру. В итоге у нас нет оснований, позволяющих предпочесть один из описанных подходов дру-

* Философия целостности (от греч. *h los* - весь, целый)

гому⁷⁶. Они просто различны. Таким образом, если исключить персональную склонность нетеоретического свойства, нам следует видеть в таком выборе лишь промежуточный шаг, абсолютно не способный повлиять на причинное воздействие структуры на систему⁷⁷. И, как иронично указывает Габриэл Алмонд, теория рационального выбора делает именно это. Принимая предпочтения людей за нечто заранее данное и трансформируя совершаемый человеком выбор в логически неизбежное поведение, теория рационального выбора вообще устраняет сколько-нибудь осмысленное понятие выбора⁷⁸.

Столь же неуместны заявления о том, что структурные подходы игнорируют идеологию и культуру. Именно этим вопросом занимаются Джек Голдстоун, Теда Скокпол и их критики, такие как Никки Кедди и Саид Амир Аржоман⁷⁹. В ответ на подобные обвинения сказать практически нечего — за исключением того, что они оправданны. Таким же образом мы могли бы, в духе Данто, с полным основанием указать и на то, что не только структура игнорирует идеологию и культуру и не может транслироваться в них, но и сами идеологические и культурные постулаты «не переводятся» в структурные формы. Оба подхода представляют собой различные методы расчленения реальности, и констатация этого равнозначна заявлению о том, что оба связаны с теориями, которые, подобно всем теориям, грешат грубыми упрощениями.

Иначе говоря, структурные теории, как это ни прискорбно, неполны. Но таковы все теории. С их помощью невозможно ни раскрыть «всю историю вопроса», ни обеспечить правдоподобные трактовки того аспекта «истории», на который они непосредственно ориенти-

рованы. (Впрочем, в конечном счете, их задача вовсе не в том, чтобы рассказывать «историю целиком», ибо это просто невозможно.) Структурные теории, подобно рыболовной сети, улавливают какие-то отдельные фрагменты реальности, упуская все остальные. Как и прочие сети, они ловят гораздо меньше того, что могли бы поймать. Но так получается со всеми теориями.

Подводные камни

Я начал эту главу, осознанно поставив телегу впереди лошади. Я подходил к империям как к системам отчасти потому, что так они легче поддаются концептуализации, а отчасти из-за того, что предлагаемое мной разъяснение имперских траекторий является, по сути, структурным, в то время как структура предполагает наличие системы. Но структурная теория империи была выбрана мной отнюдь не оттого, что структурные подходы совершенны. Разумеется, нет; просто из всех имеющихся они наименее плохие. Их недостатки кажутся мне не столь разительными, как изъяны их основного конкурента — теорий, ориентированных на действие, интенцию и выбор. В самом деле, структурные принципы помогают нам избежать наиболее распространенных ошибок, встречающихся в изучении империи.

1. Смещение империализма с империей

Империализм — это политика, в то время как империя — форма политики, и хотя разница между этими понятиями очевидна, примечательно, сколь многие ученые, включая, к сожалению, и Йохана Гальтунга, упускают это из виду⁸⁰. Еще более важно то, что политику

зачастую выбирают, а вот политику выбирать, как правило, не приходится⁸¹. По словам Йела Фергюсона и Ричарда Мансбаха, «одни политики процветают, в то время как другие теряют силу или переживают упадок. В столкновениях между собой и «победители» и «побежденные» модифицируются и усваивают какие-то характеристики друг друга. Благодаря внутренней динамике, а также более широким экономическим и социальным тенденциям, политики постоянно пребывают в процессе становления»⁸². И хотя главной целью экспансии может быть создание империи, в корне неверно утверждение Имануила Гейсса о том, что «основная цель империи — это экспансия»⁸³.

2. Отнесение образования империй только к империализму

Следует признать бессосновательными утверждения, согласно которым отношения доминирования должны быть продуктом исключительно военной экспансии, направленной на создание империи. Рейнхольд Нибур убедительно доказывает это: «Для современного сознания слово «империализм» означает агрессивную экспансию. Эта коннотация остается вполне справедливой в том смысле, что империя, понимаемая предельно широко, представляет собой результат доминирования силы над слабостью. Но власть выражается не только в терминах военной мощи. Властью может быть и преобладание более высокой формы социальной организации или культуры»⁸⁴. Империя появляется там, где присущие ей характеристики сочетаются во времени и пространстве⁸⁵. Иными словами, имперские отношения могут вызревать незримо, как результат малозаметных временных сдвигов в отношениях власти, благосостояния, статуса. Исто-

рия свидетельствует о многочисленных династических союзах между могущественными и слабыми монархами, которые вели к преобразованию государств последних в империалистическом духе. «Готовую к использованию» периферию можно купить или приобрести каким-то другим способом — путем кражи, нечестной сделки или воровства⁸⁶. Гейр Лундестад даже рассуждает об «империи по приглашению»⁸⁷. И, как замечает Джеффри Паркер, «было бы анахронизмом... считать, что Запад обрел мировое господство благодаря путешествию Васко да Гамы. На деле европейцы первоначально явились в Азию торговать, а не завоевывать»⁸⁸.

3. Интерпретация образования и упадка империй в качестве результата целенаправленного выбора

Хотя государственные лидеры могут порой желать утверждения империи, глупо говорить о том, что они «выбирают» империю со всеми ее последующими траекториями, включая укрепление, надлом или коллапс. В большинстве случаев образования империй невозможно найти ту точку, когда о таком выборе размышляют или даже совершают его. Элиты порой готовы пойти на покупку, кражу или присоединение к уже готовым империям — точнее, на те варианты становления империй, которые обычно не принимаются во внимание учеными, ориентированными на рациональный выбор, — но они, безусловно, не выбирают имперский путь развития, если решаются напасть на то или иное государство. Иногда агрессия может означать империализм, но если не смешивать империю с империализмом, это также не означает целенаправленного выбора империи. Даже если допустить, что элиты способны выбирать империю, трудно представить себе, что когда-нибудь они смогут

«выбрать» ее крах (который эквивалентен коллективно-му самоубийству), стагнацию или упадок. Поскольку империи переживают кризис столетиями, в течение которых совершается великое множество всевозможных выборов, трудно предположить, что какой-то один из них оказался решающим, а остальные практически ничего не значили. Наконец, если процедура выбора действительно столь важна, трудно согласиться с тем, что «государства», в соответствии с языком и логикой теории международных отношений, вообще могут что-либо «выбирать». Настаивать на ином — значит, впадать в антропоморфизм наихудшего свойства⁸⁹.

4. Объяснение формирования и упадка империй как продукта сознательного анализа возможных плюсов и минусов

У нас нет причин полагать, что имперские элиты в состоянии точно измерить или хотя бы приблизительно оценить «реальные» плюсы и минусы империи⁹⁰. Элиты могут быть ослеплены мифами, идеологиями и стратегическими культурами (о них речь пойдет ниже). Что еще более важно, сопоставление сильных и слабых сторон империи может оказаться просто невозможным, за исключением наиболее грубого и конкретного способа, когда, скажем, бесконечная череда унижительных поражений на поле боя явно указывает, что дело идет не так. Каким образом, к примеру, современники — или, в данном случае, ученые — могут знать, принесет ли приобретение или утрата некоей территории ущерб или, напротив, выгоду той или иной империи?⁹¹ Какой временной рубеж тут действительно важен? Какие критерии потерь и приобретений мы должны применять? Чьи конкретно плюсы и чьи конкретно минусы следует считать

наиболее существенными? (Аналогичным образом, чей интерес можно считать «национальным интересом»?) Если территориальные приобретения выгодны элитам, то для самой империи это хорошо или плохо? А вдруг в выигрыше от этого окажутся массы? Множество безответных вопросов позволяет предположить, что обращение к анализу плюсов и минусов может предстать пустой тратой времени. Неудивительно, что Д.К. Филдхауз в своем исследовании «экономики и империи» настаивает на том, что связь между этими понятиями оказывается хотя и прочной, но «случайной и косвенной»⁹².

5. Объяснение присущей элитам неспособности адекватно оценивать «реальные» плюсы и минусы империи ссылками на элитарные мифы, идеологии или политические стратегии, созданные в свое время для продвижения империалистических программ

Такие мифы, соответственно, обладают взрывной силой, а элиты взмывают ввысь на петарде, которую сами запустили. Но почему подобное происходит? Ведь элиты не создают убеждений *ex nigilo*. Им приходится переосмысливать, развивать или модернизировать уже существующие ценности, верования и нормы. Но если это удастся в какой-то момент времени t , почему нельзя повторить то же самое в момент $t + n$, когда опыт и зрелость позволяют им более эффективно воздействовать на процесс идеологического обновления? Заявления о том, что мифы и культура живут своей собственной жизнью и постепенно становятся невосприимчивыми к попыткам элит изменить их, отнюдь не решают проблему, но лишь переформулируют ее⁹³. Сказанное не означает, что идеи не могут способствовать экспансии. Вера ин-

ков в то, что их мертвые императоры должны наследовать земли, которыми управляли при жизни, заставляя их преемников, как полагают Джеффри Конрад и Артур Демарест, искать для себя новые территории⁹⁴. Но такого рода аргументы вовсе не равнозначны заявлениям, согласно которым целенаправленно конструируемые империалистические мифы продвигают империализм.

б. Обращение к понятиям избыточной протяженности для предположения о том, что империи, подобно любым другим государствам, имеют некий идеальный размер, который направляет или определяет политический выбор элит

По моему мнению, оптимальный размер государства не известен никому, это великая тайна⁹⁵. Исторически, как и сегодня, государства отличались разнообразными размерами, запасами ресурсов, численностью населения и так далее. Если мир вмещает в себя, с одной стороны, Бутан, Эстонию и Бруней, а с другой, США, Китай и Россию, то это, естественно, никак не стимулирует мысли о том, что какой-то размер является наилучшим. Причем в каждом конкретном случае ущербность подобных рассуждений еще более очевидна. В каком случае территорию Китая можно считать оптимальной — с Тибетом или без Тибета? С Макао или без Макао? Когда Соединенные Штаты чувствовали бы себя лучше — со штатом Род-Айленд или без него? С Калифорнией или без нее? Выиграет ли Канада от прощания с Квебеком? Пострадала ли Чешская Республика от отделения Словакии? Конечно, определенный размер — «большой» в противопоставление «малому» — может быть более оптимальным в экономическом смысле; но незначительные размеры сокращают транзакционные издержки, а миниатюрность социума, по мнению

Жан-Жака Руссо, поощряет дух коллективизма⁹⁶. Но могут ли все эти размеры — и множество других — быть наложенными друг на друга? Бесспорно, нет. Даже если предположить, что такое возможно в некий момент t , трудно ожидать сохранения подобного положения в момент времени $t + n$. А если определить оптимальный размер государств нельзя, то невозможно и говорить о том, что какое-то государство является (или, напротив, не является) слишком большим или слишком маленьким в тот или иной момент времени⁹⁷.

«Теории всего»

С одной стороны, как мне представляется, все шесть упомянутых выше опасностей являются, прямо или косвенно, продуктами мышления, которое ориентировано на действие, интенцию, выбор. С другой стороны, они — порождение соблазнительных попыток создать «теории всего». Такие предпосылки непригодны для постижения империи по двум причинам. Во-первых, империи как единицы анализа, производимого на макроуровне, составляют совершенно иной уровень абстракции, нежели столь же отвлеченные, но микроаналитические конструкции типа интенции и выбора. Вторая причина еще глубже; она обусловлена сущностной связью действия, интенции, выбора с теорией рационального выбора (РВ). Выше я уже намекал, что теории РВ при более пристальном рассмотрении оказываются внутренне противоречивыми⁹⁸. Их фатальный порок обусловлен представлением о том, что человеческая рациональность выражается, прежде всего, в максимизации пользы и минимизации риска. (Разновидностью такого взгляда являются концепции, в кото-

рых польза и риск определяются в терминах предпочтений.) Исходя из этой фундаментальной предпосылки, теории РВ могут следовать по одному из двух в равной степени пагубных путей. Если теория РВ настаивает на том, что все человеческие предпочтения во все времена и повсеместно идентичны — например, имеют материальную природу, то она впадает в бесспорное и легко опровергаемое заблуждение. Случаи, перечеркивающие подобное утверждение, бесчисленны. Здесь важно обратить внимание на то, что ложные предпосылки позволяют таким теориям доказывать все что угодно и, тем самым, трансформироваться в «теории всего». Если же вместо этого теория РВ принимает за основу разнообразие предпочтений, то тогда она объясняет их происхождение лишь в терминах культуры, идеологии, институтов. Но соглашаться на это — значит отдавать эвристический приоритет не выбору (здесь, собственно, выбирать не приходится), а самой культуре, идеологии, институтам.

Что еще хуже, принятие за основу разнообразия возможных предпочтений, в том числе и в отношении структуры, влечет за собой признание теориями РВ априорной возможности множества «максимальных» и «минимальных» стратегий. Двигаясь в подобном направлении, теории РВ замыкают себя в рамках культуры, идеологии и институтов. Но если культура, идеология и институты и есть «самое важное», то теория РВ оказывается не теорией, но в лучшем случае формулой, позволяющей просчитывать воздействие культуры, идеологии и институтов на человеческое поведение, а в худшем — беспорядочным набором ценностей и методов. Иными словами, само действие исчезает с картины. Но раз рациональный выбор не имеет отношения к действию, он не затрагивает и самих делателей с их предпочтениями. Рассматриваемая

в таком свете, теория РВ сводится к грубой форме детерминизма в лучшем случае и к мистификации — в худшем.

Почему же тогда, если приведенный анализ хотя бы отчасти достоверен, теория РВ пользуется безграничной гегемонией в социальных науках? В какой-то мере это объясняется общим отсутствием интереса к методологическим и концептуальным вопросам, присущим специалистам в этой сфере и делающим такие теории бессодержательными. Кроме того, здесь следует сослаться и на способность теории РВ генерировать формулы и активно пользоваться цифрами, которая, по идее, должна свидетельствовать о ее научности и свободе от ценностных суждений. Наконец, можно вспомнить и о культуре, породившей теорию РВ. По-видимому, не случайно понятия рациональности и стремления к максимальной выгоде привились в основном (или даже исключительно) в стране, заявляющей о поощрении именно этих ценностей⁹⁹. Определенная ирония заключается в том, что третий из указанных пунктов наиболее соответствует используемым теорией РВ способам учета предпочтений, упомянутым в начале данного раздела.

Разумеется, теория рационального выбора — это «теория всего» *par excellence*^{*}, и данный порок оказался бы фатальным, даже если бы она не была внутренне противоречивой. Проблема, как уже отмечалось, состоит в том, что «теории всего» вообще не являются теориями. Если мы заинтересованы в теории, а не в космической вере, нам следует признать, что любая теория ограничена — в конце концов, все они предполагают наличие базовых постулатов, ограничивающих сферу применения. Иначе говоря, теория упадка империй не

^{*} Преимущественно (*фр.*)

может привлекаться для объяснения их образования, и наоборот¹⁰⁰. Даже если кризис и формирование имперской государственности зеркально отражают друг друга, нет причины полагать, что теория одной из этих стадий имперской государственности могла бы объяснить другую. То обстоятельство, что факторы *A*, *B* и *C* могут способствовать становлению империи, еще не означает, что их отсутствие повлечет за собой ее исчезновение. Если, например, наличие сильной метрополии, слабой периферии, транснациональных сил и благоприятного внешнего окружения содействует становлению империи, отсюда еще не следует, что слабые метрополии, сильные периферии, отсутствие транснациональных сил и враждебная внешняя среда способствуют их разрушению. Отсюда *первый вывод*: любая теория, одновременно претендующая на объяснение *X* и *не-X*, представляет собой хождение по кругу.

Во-вторых, теории *X* и *не-X*, даже если они и кажутся подобными, в корне различны, поскольку их базовые условия не похожи друг на друга. Исходным условием образования империи является ее отсутствие, а для того чтобы империя рухнула, она должна быть в наличии. *В-третьих*, в связи с тем, что данные требования с равной силой применяются и к постоянству империи, параболы Таагеперы решают, как минимум, три различные и в равной степени сложные теоретические задачи¹⁰¹. *Наконец*, пути подъема и упадка империй столь многочисленны и разнообразны — в 1423 году, например, Византия продала Фессалоники Венеции за 50 тысяч дукатов, — что это не позволяет разделить почти сложившуюся точку зрения, согласно которой возможна только одна законченная и неопровержимая теория возникновения, упадка или постоянства империй¹⁰².

Faute de mieux*

Поскольку подходы, ориентированные на действие, интенцию и выбор, приносят, в лучшем случае, ограниченную пользу, а в худшем — оказываются внутренне противоречивыми или бессмысленными, единственно жизнеспособной теоретической альтернативой им выступает структурный метод, равнодушный и к рациональному выбору, и к интенции. Не будучи идеальной, такая альтернатива работает с империей на должном уровне абстракции и упраздняет детерминизм. К счастью, структурная школа появилась на свет не вчера, а ее последователи довольно многочисленны. Упомянем лишь троих из них. Фернан Бродель («Структуры повседневности») фокусирует внимание на развитии экономики и материальной жизни. Дэвид Хэкетт Фишер («Великая волна») изучает взлеты и падения цен, а также их влияние на политические процессы. Наконец, Джаред Даймонд («Ружья, микробы и сталь») исследует воздействие экологического фактора на ход человеческой истории. Все три специалиста убедительно доказывают, что в истории нет места героическим личностям¹⁰³.

Еще более интересна работа Майкла Дойля «Империи». Выделяя факторы, способствующие становлению империй, — среди них сильная метрополия, слабая периферия, наличие транснациональных сил и благоприятный внешний контекст, — Дойль отталкивается от структурной теории¹⁰⁴. Согласно этому автору, империи появляются при следующих условиях:

«Взаимодействие метрополии и периферии, объединяемых благодаря транснациональным силам, гене-

* За неимением лучшего (фр.)

рирует различия в политической власти, которые позволяют метрополии контролировать периферию. Такой тип отношений порождается и складывается с помощью трех факторов (наличие “метрополии”, “транснациональная экспансия экономики, общественной системы или культуры метрополии” и наличие “периферии”), каждый из которых весьма важен. Данный тип испытывает на себе влияние имеющейся структуры международных отношений (“которая может быть однополярной, биполярной или многополярной”. — А.М.)»¹⁰⁵. Подобно Броделю, Хэкетту Фишеру и Даймонду, Дойль игнорирует действие, выбор и интенцию.

Для того чтобы прочувствовать всю важность тезиса, согласно которому империи возникают, укрепляются или рушатся, как только складываются структурные условия, способствующие их возникновению, укреплению или краху, нет нужды абсолютно во всем соглашаться с Дойлем. Хотя претензии этого автора на вычленение законченного набора факторов, обуславливающих возникновение, укрепление и кончину империй, преувеличенны, его ошибки лишней раз напоминают нам о том, что структура столь же хрупка, как и действие, и, подобно действию, она тоже может подкреплять «теории всего».

II

Упадок империй

Империи держатся веками, но рано или поздно их жизненный срок подходит к концу. В констатации того, каким образом это происходит, ученые в основном единодушны. Некогда динамичные и мощные государства постепенно становятся рыхлыми и слабыми: множится бюрократия, растут государственные расходы, экономика затухает, битвы проигрываются, мятежники добиваются успеха. Специалисты согласны также в оценке того, из-за чего империи подходят к краху: они делаются неэффективными и со временем перестают «работать». Несмотря на то, что нижеследующие отрывки заимствованы из различных контекстов и касаются разных исторических периодов, все они, что неудивительно, рисуют картину, вполне соответствующую общепризнанной истине:

«На протяжении истории одной из острейших проблем центральной власти оставалось комплектование

административных должностей лояльными и послушными чиновниками. Эти «полевые» служащие постоянно демонстрировали склонность к самостоятельным действиям... бросая имперскую государственность на произвол судьбы. И хотя подобные поползновения не всегда препятствовали мобилизации ресурсов и координации шагов, необходимых для обеспечения защиты государства и общественных работ, они заметно затрудняли совместные действия»¹.

«Для того чтобы поддерживать административную машину в движении, центральная бюрократия была вынуждена все глубже внедрять начала надзора и регламентации. Число бюрократов росло, но качество бюрократии неуклонно падало, а ее злоупотребления выходили за всякие рамки. ...Разросшаяся бюрократическая прослойка, официально малооплачиваемая, получала всевозможные надбавки — пайки или форменные мундиры. Поскольку зарплаты чиновников были малы, качество их работы оставляло желать лучшего, а контролю они не поддавались, бюрократия становилась неэффективной, коррумпированной и склонной к стяжательству»².

«В одном из своих трактатов Лактанций обвинял Диоклетиана в том, что император в четыре раза увеличил численность армии и чиновничества, и в итоге «количество управляющих превысило число управляемых». Бюрократы процветали в поздней Византийской империи; как отмечает Бернанд Льюис, «раздувшаяся бюрократия» тяжким бременем давила и на экономику разлагающейся империи арабов. Около 1740 года Маканьяс указывал на запредельное число чиновников как на главную причину упадка Испании. ...В зрелых империях подобные жалобы вообще были очень распространены.

Среди наиболее примечательных особенностей поздних империй — неуклонно нарастающий объем ресурсов, выкачиваемых государством из экономики. В Римской империи в период ее заката налогообложение было столь высоким, что землевладельцы бросали свои участки. ...В Испании XVI века поступления от двух основных налогов с 1504 по 1596 год выросли более чем в пять раз. Вместе с тем данные по налоговым сборам не дают всей полноты картины. В позднем Риме, в уходящей Византии, в Испании XVIII столетия буйствовала инфляция. А обесценивание национальной валюты представляет собой еще одну форму налогообложения»³.

Сеть социальных взаимодействий в Китае эпохи Хань «была довольно тонко сбалансирована и в силу этого исключительно уязвима перед лицом войн или естественных бедствий, которые могли разорвать ее на региональные фрагменты. Дальнейший распад вел к расколу прежде интегрированной системы на группы сообществ, ведущих натуральное хозяйство. Иными словами, китайская система взаимных обменов была слишком хрупкой, чтобы поддерживать единство страны продолжительное время; ее вполне могли разрушить иностранные вторжения, гражданские войны и природные катаклизмы»⁴.

Мое видение имперского упадка несколько иное. И хотя я не собираюсь опровергать приводимые выше картины, мой анализ будет отличаться по двум позициям, отмеченным в конце главы 1. Во-первых, я претендую на объяснение не всей параболической траектории развития империй, но только ее нисходящего сектора (см. рис. 2.1 — 2.7). Во-вторых, я ищу причины упадка не в целенаправленном и осознанном выборе, но в самой

имперской структуре. Тем самым мне удается избежать фальшивых обещаний «теорий всего» и ложных целей тех подходов, которые ориентированы на действие, выбор, предпочтение.

Параболы Таагеперы

Великое достижение Таагеперы заключается в том, что ему удалось продемонстрировать сходство траекторий развития империй с параболой различных видов⁵. Арабскому халифату (рис. 2.1) понадобилось столетие для того, чтобы около 700-го года достичь территориального максимума, после чего в течение двухсот лет он рассыпался. Государство монголов (рис. 2.2) достигло территориального максимума где-то между 1200-м и 1300-м годами, а затем почти незамедлительно вступило в полосу упадка, окончательно исчезнув около 1400-го года. Империя династии Мин (рис. 2.3) росла столь же быстро, хотя и не столь широко, с середины XIV до середины XV столетия, после чего вступила в двухсотлетнюю полосу упадка.

У государства Османов (рис. 2.4) на достижение пика могущества ушло около двухсот лет, с середины XIV по середину XVI века; затем на протяжении трех веков оно оставались на вершине параболы, а в XIX и XX веках растеряло все свои владения. Наконец, подобно своим монгольским и арабским предшественникам, британская и французская колониальные империи (рис. 2.5 и 2.6) переживали экспансию между 1750-м и 1800-м годами, достигли наивысшей точки спустя столетие, а потом, за несколько десятилетий XX века, утратили почти все.

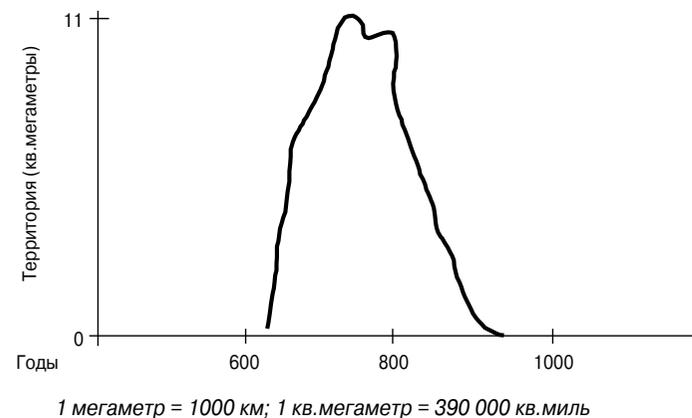

Рис.2.1. Арабская парабола

Источник: Rein Taagepera, «Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 482.

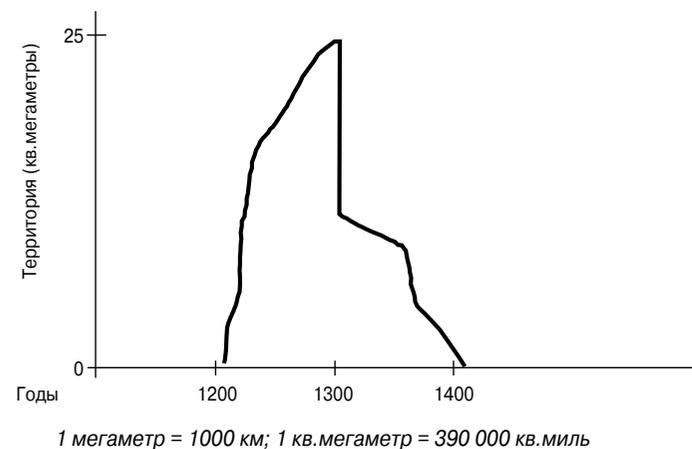
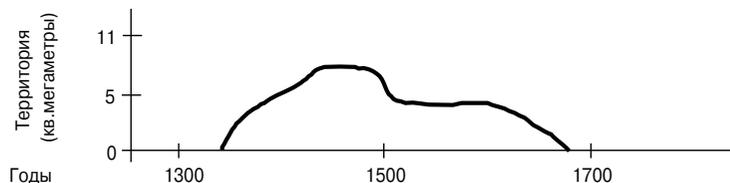

Рис. 2.2. Монгольская парабола

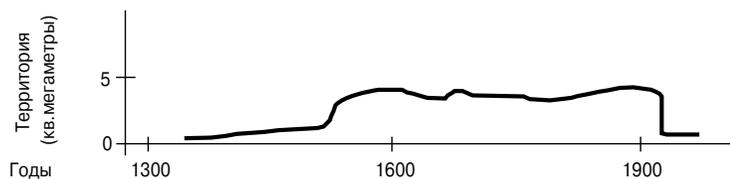
Источник: Rein Taagepera, «Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 483.

1 мегаметр = 1000 км; 1 кв. мегаметр = 390 000 кв. миль

Рис. 2.3. **Парабола династии Мин**

Источник: Rein Taagepera, «Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 483-84

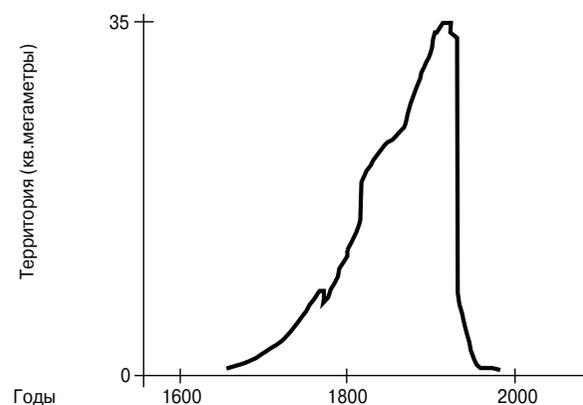

1 мегаметр = 1000 км; 1 кв. мегаметр = 390 000 кв. миль

Рис. 2.4. **Османская парабола**

Источник: Rein Taagepera, «Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 483-84.

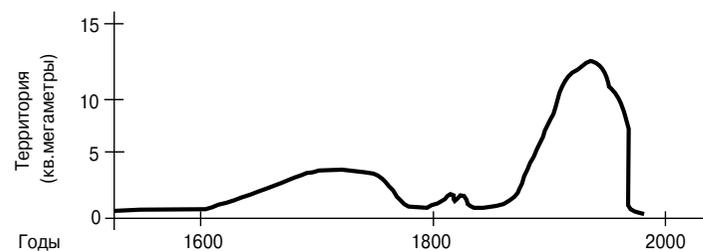
Разумеется, в приведенных параболических траекториях наблюдаются заметные вариации. Одни империи возвышаются и рушатся быстро; другие в течение какого-то времени сохраняют устойчивость; третьи соответствуют параболам, напоминающим плато. Ни одна из них не возвышалась, не развивалась и не падала плавно, не испытывая каких-либо всплесков на одном из склонов или вершукке параболы. Кроме того, параболы весьма напоминают графики, отражающие состояние

1 мегаметр = 1000 км; 1 кв. мегаметр = 390 000 кв. миль

Рис. 2.5. **Британская парабола**

Источник: Rein Taagepera, «Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 484.

1 мегаметр = 1000 км; 1 кв. мегаметр = 390 000 кв. миль

Рис. 2.6. **Французская парабола**

Источник: Rein Taagepera, «Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 482, 484.

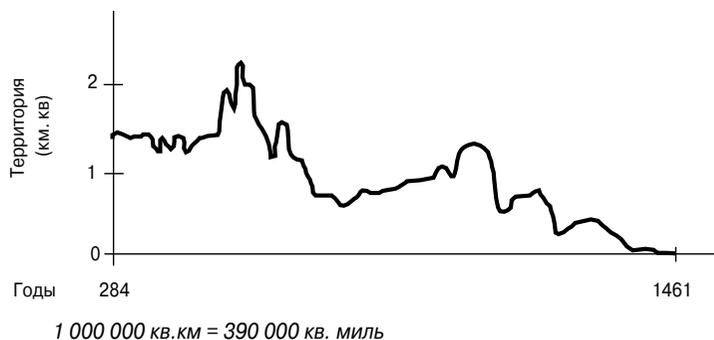

Рис. 2.7. Территориальное расширение Византийской империи

Источник: Warren Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society* (Palo Alto, Calif: Stanford University Press, 1997), p. 8

фондовых рынков. Общая тенденция сглаживает многочисленные девиации; в некоторых случаях, как, например, с Византией (рис. 2.7), отклонения могут оказаться довольно существенными. Уоррен Тредголд обобщает развитие Византии следующим образом: «После 284-го года состоялся ряд серьезных реформ, включая административное размежевание между Востоком и Западом, положившее начало византийской истории. И хотя Запад вскоре завершил свой жизненный цикл, канув в вечность, путь Востока оказался более сложным, отмеченным многочисленными взлетами и падениями. Это очевидно из территориальных приобретений и утрат Востока. ...Между 300-м и 450-м годами Восток умеренно терял свои земли (рис. 2.7), что стало результатом военных поражений, нанесенных персами и гуннами. Затем имела место значительная территориальная экспансия, вылившаяся в овладение императором Юстинианом всей западной частью бывшей Римской империи. К 620 году приобретения Юстиниана были утрачены из-

за новых нашествий немцев, персов и аваров. К 750 году, когда арабы захватили крупные куски византийских земель, империя также понесла большие потери. Но к 1050 году этот второй упадок был преодолен; после серии завоеваний империя стала чуть меньше, чем в 300 или 690 году, и чуть больше, чем в 450. Вслед за тем — новый упадок, вызванный атаками турок-сельджуков. Прерванная частичным восстановлением, эта деградация продолжалась до 1204 года, когда Константинополь подвергся разорению крестоносцами во время четвертого крестового похода, а провинции, оставшиеся под управлением греков, были поделены между несколькими государствами-наследниками. Наконец, и остатки империи, и маленькие греческие государства ненадолго пришли в себя перед тем, как в 1461 году уйти в небытие под ударами турок-османов»⁶.

Предлагаемый Тредголдом краткий обзор разложения Восточной Римской империи свидетельствует, с одной стороны, о том, что никакая теория имперского упадка не может учитывать случайности в целом и такие внезапные непредвиденные обстоятельства, как четвертый крестовый поход — в частности. С другой стороны, отсюда можно заключить, что реальная деградация едва ли может идти гладко, на что и намекает образ параболы. За всю свою историю Византия пережила много взлетов и падений; лишь по прошествии времени в совокупности можно сказать о том, что дело клонилось к упадку, общая траектория которого была параболической.

Оценка всех этих взлетов и падений, чем занимаются Таагепера, Кристофер Чейз-Данн и Томас Холл, — отмечая, например, что империям со временем свойственно расширяться или что продолжительный период

роста империи оборачивается, как правило, столь же длительной стадией падения, — не входит в мои задачи⁷. Более того, как уже говорилось в главе 1, я не могу — и не должен — этим заниматься. И хотя «теории всего» нас не интересуют, не стоит из-за этого впадать в уныние. Тот факт, что траектории реальных империй напоминают параболы, позволяет принимать параболические кривые за основу, усматривая в них некий концентрированный и построенный на эмпирическом обобщении алгоритм⁸. Траектории позволяют нам утверждать, что стадии имперского подъема, становления и деградации представляют собой норму, в то время как отсутствие признаков ветшания и падение выступают, скорее, отклонением от нормы. В итоге у нас появляются основания для того, чтобы, во-первых, толковать параболические траектории упадка в качестве эндогенной — структурной — особенности любой империи, а во-вторых, объяснять отсутствие ветшания и падение, привлекая сторонние, экзогенные факторы.

Можно, конечно, настаивать на том, что параболические траектории являют собой исключение из правил, а вот падение, напротив, есть норма. Однако тезис, согласно которому крах империи, в отличие от ее ветшания, представляет собой обычное дело, способен завести структурную теорию в тупик. В главе 1 я уже отмечал, что такие теории трактуют падение, обращаясь к экзогенным факторам. Если же крах считать чем-то нормальным, то теория окажется в шаткой позиции толкования не столько правил (чем, собственно, и должна заниматься любая теория), сколько исключений из них. Подобный итог, в свою очередь, заставит нас отказаться от структурного подхода в пользу того, который во главу угла ставит действие, выбор, намерение. Иными словами, полу-

чается, что империи рушатся сугубо из-за неверного выбора и дурных решений их вождей⁹. Но поскольку у любого действия, выбора и намерения всегда есть какая-то негативная сторона, мы возвращаемся в начальный пункт наших рассуждений. Если дело обстоит именно так, то восприятие параболы в качестве нормы и стремление растолковать упадок империи в структурных терминах вновь оказывается лучше ее альтернативы.

Реабилитация «тоталитаризма»

Поскольку предлагаемый мной анализ базируется на структурном изоморфизме между империями и тоталитарными государствами, стоит, по-видимому, признаться в следующем: я полностью отдаю себе отчет в том, что тоталитаризм является довольно спорным понятием, которым — подобно понятию империи — многие годы пренебрегали в академической среде¹⁰. Но можно ли отсюда заключить, что столь нелестная репутация гасит любую эвристическую версию, черпающую вдохновение в понятии тоталитаризма? Такое возможно лишь в том случае, если концепт или термин по-настоящему ужасает нас или же если мы убеждены, что любая критика, уже в силу самого своего появления, неопровержима.

Ни одна из этих предпосылок не является бесспорной. В качестве понятия тоталитаризм не лучше — но и не хуже — любого другого. Этот концепт, как отмечает Джованни Сартори, может быть или дурно сконструированным, или непродуктивно используемым, или же смешиваемым с политическим содержанием, но такое порой происходит с любым понятием¹¹. Можно, разумеет-

ся, ненавидеть тоталитаризм, но на сам термин подобная ненависть не должна распространяться. Негативное отношение к нему требует использования какого-то другого, не менее адекватного термина. Что же касается критиков тоталитаризма, то они, подобно всем остальным критикам, тоже способны ошибаться. Отказ от понятия «тоталитаризм» только потому, что целое поколение специалистов им не пользовалось, столь же неразумен, как и некритическое усвоение какого-то иного термина на том лишь основании, что другое поколение относилось к нему сугубо благосклонно¹². Обожествлять тот или иной период академической истории ни в коем случае нельзя. Первейшим вопросом неизменно должен оставаться вопрос о том, насколько оправданна критика (или, напротив, апология) интересующего нас понятия.

Мне уже приходилось говорить о том, что в основе вышеупомянутой критики лежала дескриптивная неприменимость в отношении Советского Союза после Сталина классических признаков тоталитаризма, сформулированных Карлом Фридрихом и Збигневым Бжезинским¹³. Разумеется, если тоталитарные государства должны быть террористическими, страны, не практикующие террор, не могут быть тоталитарными. В основе другого аргумента критиков, касающегося как гитлеровской Германии, так и сталинского СССР, лежит очевидный факт: определяющие характеристики тоталитаризма — в частности, представление о государстве как об абсолютном монолите или левиафане — ни в одной из этих систем не присутствовали в той мере, в какой требовал идеальный тип¹⁴. Но это наблюдение, несмотря на всю свою бесспорность, упускало из виду главное: никакой набор определяющих признаков не может соответствовать — полностью и абсолютно — какой-то эмпири-

ческой ситуации¹⁵. Любое понятие есть идеальная конструкция, лишь приблизительно соотносящаяся с реальностью. В таком свете выявление, например, эмпирического аналога понятия «выбор» оказывается не менее сложным, нежели поиск «стопроцентного» тоталитарного государства. Мы способны выявлять людей, фиксировать нервные импульсы, записывать слова, запечатлевать движения, но как среди всего этого отыскать сам феномен выбора?¹⁶ Наконец, последний критический тезис, адресуемый тоталитарной модели, — ее непригодность для трактовки общественных изменений — одновременно и злонамерен и ошибочен. Исходя из степени, в которой сторонники данной модели способны объяснять устойчивость государства, обвинять их в игнорировании изменений просто несправедливо. Кроме того, подобное утверждение еще и неверно, поскольку, как показал Карл Дойч, понятие тоталитаризма вполне пригодно для трактовки перемен¹⁷.

Дойч и упадок

Империи «работают», когда ресурсы перетекают от периферии к ядру и обратно к периферии (*P-C-P*). Империи прекращают жить, когда эти потоки прерываются, а ресурсы задерживаются в периферии, ядре или и там и здесь одновременно. Разумеется, любая политическая система будет действовать лишь в том случае, если ресурсы в ее рамках распределяются эффективно. Однако, поскольку империям присуща особая структура, задающая, помимо всего прочего, и своеобразие ресурсных потоков, в поддержании стабильности — или

самодостаточности — имперских государств эффективное перетекание ресурсов играет совершенно особую роль¹⁸. В свете перспективы, предложенной Дойчем, эффективное распределение ресурсов предполагает наличие адекватной информации о запасах, имеющихся на периферии, об учреждениях и институтах, переправляющих их к ядру и назад к периферии, и о задачах, для решения которых применяется ресурсная база. Иными словами, эффективное функционирование империи требует массива информации, касающейся самой империи, ее ядра, периферии и их взаимоотношений друг с другом: имперские элиты должны быть осведомлены о состоянии подвластных территорий, их бюрократического аппарата и, самое важное, о ресурсных потоках от периферии к ядру и назад к периферии.

В свою очередь, сбор информации и распределение ресурсов предполагают формирование аппарата, накапливающего и обрабатывающего фактический материал, то есть наличие эффективного государственного управления в ядре и столь же эффективной администрации на периферии. Вне зависимости от численности и совокупных задач такого аппарата, его способность действовать предусматривает обобщение информации о самом себе. Действительно, для принятия на уровне ядра оптимальных решений по поводу ресурсного обмена (*P-C-P*) информация об имперском аппарате не менее важна, нежели информация о самой империи. Но именно здесь, во взаимоотношениях между имеющимся информационным массивом и аппаратом, собирающим и обрабатывающим информацию, скрывается системное противоречие. Ибо, если не обобщать данные о самом аппарате, работающем с информацией, то совокупная информационная картина окажется неполной, в

особенности в отношении механизмов, за эту полноту отвечающих. Если же такая информация все же собирается, то структуры, вовлеченные в ее обобщение, должны будут постоянно усложняться с тем, чтобы должным образом обрабатывать данные об империи в целом и о себе в частности. Чем больше разрастается аппарат, тем серьезнее делаются системные трудности и острее становится зависимость империи от информации и ресурсов. Но чем больше информации и ресурсов требуется имперскому государству и периферийной администрации, тем эффективнее должен быть аппарат, который информацию собирает и обрабатывает, тем больший объем данных он должен обобщать, тем острее становятся информационные и ресурсные потребности ядра. Подобно большим автомобилям, империи с жадностью потребляют подобное топливо. Чем более развитыми они становятся, тем больше информации и ресурсов им нужно. Как только здесь намечаются перебои, империя немедленно начинает испытывать трудности. Если же она не в состоянии удовлетворять свои структурно обусловленные информационные и ресурсные потребности, то неизбежно вызревает системное противоречие, которое, в долгосрочной перспективе, приведет к увяданию империи¹⁹.

В данном пункте моих рассуждений особую актуальность обретает структурный изоморфизм между империями и тоталитарными государствами. Рассматриваемые Дойчем тоталитарные государства являются, как я уже подчеркивал, гораздо более суровыми и жесткими, чем империи; если в тоталитарном контексте гражданское общество и рыночная экономика немислимы, то в имперских государствах их процветание вполне возможно²⁰. При этом оба типа имеют колесообразную

структуру. Тоталитарным государствам присуща функциональная структура, состоящая из ядра элиты и государства, а также функционально определяемых периферийных элит и учреждений, которые, естественно, размещаются в конкретных местах. Империи же имеют территориальную структуру, включающую в себя элиту и государства ядра и территориально определяемые периферийные элиты и общества. Таким образом, имперские периферии — это географически очерченные области, населенные самобытными этносами, в то время как тоталитарные периферии — это территориально обособленные институты, поддерживаемые определенными элитами, классами или группами. Иначе говоря, элементы, наполняющие их структуры, довольно различны, хотя сами структуры, как свидетельствует рисунок 2.8, идентичны друг другу.

Советский Союз как единственная в мире тоталитарная империя наиболее ярко являет собой структурный пример сочетания имперской и тоталитарной государственности. «Круговорот власти», характеризовавший коммунистическое правление, являлся точной копией имперского правления, которое партия-государство ядра осуществляла над национальными республиками. И по той и по другой линии политбюро и генеральный секретарь принимали решения, которые безоговорочно одобрялись и реализовывались нижестоящими партийными и государственными органами. Тоталитарная сторона партийного правления была функциональной, объемлющей организации и учреждения, места работы и жительства. Его имперская сторона была территориальной, затрагивающей географические агломерации различных уровней — государства-сателлиты, республики, края и области и т.д. Империя и тоталитаризм усилива-

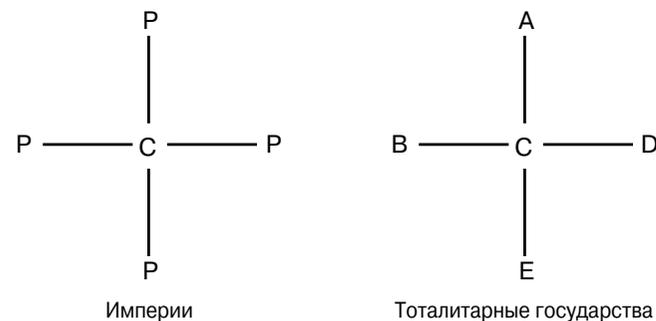

Рис.2.8. Структура империй и тоталитарных государств

Примечание: С — ядро; P периферия; А, В, D, Е — различные совокупности институтов.

ли друг друга именно потому, что их взаимно накладывающиеся структуры были абсолютно идентичными²¹. «Власть СССР над его восточноевропейскими государствами-клиентами поддерживалась с помощью двусторонних связей, контролировавшихся советской стороной посредством регионального доминирования СССР в идеологии, политической власти, национальной безопасности и на рынке, а также благодаря выполнению Советами роли регионального гегемона, определяющего и защищающего границы блока и монополизирующего его контакты с внешним окружением. Советский блок, таким образом, имел централизованную и радиальную структуру, подобную структуре отдельных социалистических стран и, в данном отношении, структуре империй», — отмечает Валери Бунс²².

Работы многочисленных специалистов, посвященные Советскому Союзу и другим коммунистическим странам, выявляют те структурные особенности тоталитаризма, которые ведут к его упадку²³. Изучавший функционирование централизованной экономики Влодзи-

мерж Брус суммирует их аргументы следующим образом: «По мере того как плановые показатели растут, а список экономических приоритетов расширяется, строгое соблюдение канонов централизма и плановости становится все более затруднительным. Стремление беспрекословно следовать устоявшимся началам... может повлечь за собой снижение эффективности. Поэтому вполне вероятно ситуация, когда, сталкиваясь с нарастающим бременем текущих проблем, центральный уровень управления просто теряет способность концентрироваться на основных макроэкономических проблемах. ...Благодаря этому осознается польза, которую способна принести децентрализация»²⁴.

Наиболее важный вклад в теорию упадка тоталитарного общества принадлежит Дойчу. В статье, опубликованной в 1954 году, он реконструировал «тоталитарную систему принятия решений», ключевая функция которой — единство руководства и контроля — требует «наличия специальных механизмов, обеспечивающих либо безраздельное доминирование единственного центра принятия решений, либо же непротиворечивость решений, исходящих из разных источников»²⁵. Центральным для его схемы выступает элемент, который я называю ядром: «Единственный источник принятия решений представляет собой инстанцию, посредством которой вся поступающая в систему важная информация переправляется в ту точку, где ее сопоставляют с прочими сведениями, содержащимися в интегрированной базе данных»²⁶. Далее Дойч объясняет, почему системы такого типа ограничены в принятии централизованных решений. Со временем они «перестают справляться с потоком проблем, по которым необходимо что-то решать: ценой реагирования делаются либо неприемлемые проволочки, либо потенци-

ально роковые ошибки»²⁷. Столь же пагубной оказывается сопутствующая подобным ситуациям «нестабильность иерархической власти» — то есть упоминавшейся выше колесообразной структуры.

Дойч пишет: «Обстоятельства, подрывающие устойчивость любой тоталитарной централизации, похожи, в известном смысле, на трудности, с которыми сталкивается любая разновидность иерархического распределения власти. Иерархия требует, чтобы вся власть была сосредоточена на вершине пирамиды, а распоряжения передавались вниз по командной цепи, транслирующей приказы единоличного (или коллегиального) властителя с самого верхнего этажа до последнего солдата или милиционера. Однако подобные пирамиды отличает внутренняя неустойчивость. Чтобы обеспечить непрерывность управленческой цепочки, приказы должны поступать с самой макушки пирамиды. Вместе с тем кратчайшие коммуникационные пути ко всем промежуточным центрам и инстанциям власти идут не от вершины, а от каких-нибудь нижестоящих уровней»²⁸. Его вывод отражает самую суть дела: «В долгосрочной перспективе любая тоталитарная система тяготеет либо к перегрузке своих центральных органов обязанностями по принятию решений, либо к автоматической коррозии исходной централизованной структуры и ее распаду на составные части»²⁹.

Построения Дойча относятся к разряду структурных теорий. Он фокусирует внимание исключительно на взаимоотношениях между элементами тоталитарной системы, полностью отказываясь от ссылок на действие, выбор или намерение. Столь же важно и то, что эта теория смогла подтвердить свою «правоту» в той мере, в какой это вообще возможно для теоретических конст-

рукций. «Если тоталитарные режимы России и Китая объединены общей логикой развития... то в 1970-е и 1980-е годы мы можем стать свидетелями либо ослабления экспансионистского натиска обоих режимов, либо углубления политических разногласий между ними или внутри каждого из них, либо той или иной комбинации всех упомянутых тенденций, чреватой размытием классических образцов тоталитарного поведения»³⁰. Спустя сорок пять лет после появления этой статьи тоталитарные режимы Центральной и Восточной Европы рухнули именно по тем причинам, о которых говорил Дойч. Более того, история коммунистических государств после Сталина также может быть интерпретирована как бесконечная борьба с теми патологиями, которые обозначил этот автор.

Таким образом, суть моих теоретических размышлений сводится к следующим тезисам:

- Империи и тоталитарные государства структурно изоморфны;
- Структурные теории распада в целом и имперского упадка в частности не являются столь же неубедительными, как теории, ориентированные на действие, выбор, намерение;
- В отношении тоталитарных государств теория Дойча выглядит вполне убедительно;
- Успешная структурная теория, подобная выдвинутой Дойчем, напоминает слабую версию универсальной закономерности и, следовательно, применима к другим структурно изоморфным системам, например к империям;
- Предложенная Дойчем теория тоталитарного вырождения является, таким образом, и теорией имперского упадка.

Короче, в связи с тем, что империи и тоталитарные государства идентичны в структурном смысле, структурно генерируемые пороки, выявленные Дойчем, затрагивают не только тоталитарные государства, но и империи.

И тут мы переходим к заключительному фрагменту нашей теоретической шарады. Йохан Гальтунг обосновал важность структуры. Таагепера установил, что все империи, *ceteris paribus*, следуют параболической траектории упадка. Дойч подвел под алгоритмы Таагеперы теоретическую основу. И теперь мы с полным основанием, к которому понуждает нас структурная теория, можем заявить, что империи деградируют по параболе, поскольку в самой имперской структуре заложены семена упадка. Нам еще только предстоит перейти от стадии упадка — то есть от ослабления связей *C-P* — к ветшанию империи, к утрате периферийных территорий, но этот процесс, как я сейчас продемонстрирую, идет очень быстро, если империя действительно переживает упадок.

Ветшание

Хотя упадок обычно протекает неровно, этот процесс оказывается, как правило, необратимым. Подобно тоталитарным государствам, империи переживают, используя терминологию Дойча, либо «перегруженность» в зоне ядра, либо «дезинтеграцию» на периферии. Чаще всего оба феномена дополняют друг друга. Перегрузка нарушает полноценный ток ресурсов от периферии к ядру и обратно. По мере того как ресурсы «застревают» в периферийной и/или центральной зоне, «централизованная структура» подвергается «коррозии» и начинает

распадаться на «автономные фрагменты».

На данное обстоятельство обращает внимание и Джеффри Паркер: «Одна из особенностей периода упадка касается пространственного распределения экономической власти. Это выражается в смещении имеющихся в государстве центров экономического притяжения от традиционного ядра к новым точкам, расположенным в иных местах. ...В результате складывается новый населенный центр, которому, чаще всего, присущи социальные и культурные ценности, несхожие с ценностными ориентирами ядра»³¹. Именно это произошло с Западной Римской империей. «Границы, как физические, так и духовные, были пересмотрены, — пишет Г.У. Боуэрсок. — Территориальное позиционирование власти непрерывно менялось; переезды правителей из Рима в Константинополь, а затем в Милан, Аквилею и Равенну, свидетельствовали о смещении власти на периферию»³². Действительно, варваризация империи в этом смысле была равносильна появлению автономных периферийных зон и ослаблению ядра. Варвары не только взяли под свой контроль провинциальную администрацию, но и составили основу воинских частей, размещенных в регионах³³. Но, согласно Гейру Лундестаду, «как только нижестоящим центрам власти удастся оформиться, они рано или поздно бросают вызов имперскому центру»³⁴. По мере становления периферии и совершенствования отношений типа *P-P-P* на фоне упадка связей *P-C-P* укрепляющаяся гармония интересов между периферией и периферией приходит на смену взаимной заинтересованности, ранее связывающей ядро и периферию.

По мере того как колесообразная структура меняется — колесо начинает терять свои спицы, — империи ис-

пытывают тенденцию к ветшанию. Перегруженные и рассыпающиеся империи, подобно угасающим тоталитарным государствам, обнаруживают неспособность внедрять необходимые новшества и тем самым модернизироваться³⁵. На фоне нарушений ресурсного потока и технологической отсталости государственный долг растет, а бюрократия все более отчетливо проявляет паразитические черты. Ослабленное в военном отношении и чрезмерно обремененное собственной бюрократией государство ядра уже не может сопротивляться традиционным вызовам с прежней силой. Раньше или позже в результате внешней агрессии или внутренней «освободительной борьбы» оно начинает терять свои территории³⁶. Кауфман пишет об этом так: «Страна стремительно деградирует. Деградация в одной сфере порождает цепную реакцию во всех остальных. ...В таких условиях центральным органам все труднее поддерживать адекватное состояние армии, обеспечивать правопорядок и гарантировать выполнение государством основных общественных функций. Бандиты, убийцы и прочие антиобщественные элементы чувствуют себя гораздо более вольготно, но что хуже всего — соседние государства могут соблазниться землями слабеющей империи»³⁷.

Как и для прочих сверхдержав, исторически войны были для империй обычным делом. Мы едва ли способны предсказывать конфликты будущего, но хорошо известно, что ими, отличавшимися разной степенью интенсивности и разрушительности, была наполнена вся писаная история человечества, включая XX столетие³⁸. *Ceteris paribus*, процветающая империя может одержать верх в любом военном конфликте; угасающая империя, напротив, неспособна на это. Имперские государства выигрывают одни войны и проигрывают другие, посто-

янно балансируя на грани краха. Поэтому рано или поздно фрагменты империй отходят к соперникам или просто отделяются.

Что касается «освободительной борьбы», то она также имеет место и завершается успехом прежде всего в старых империях. По мере того как дисгармония интересов, неформальный характер правления и развитие связей типа *P-P-P* и *Z-P-Z* становятся все более явными, какие-то участки периферии могут попытаться добиться от ядра большей автономии или даже независимости. В связи с тем, что североамериканским колониям Великобритании задолго до 1776 года удалось установить между собой довольно интенсивные и прямые контакты, они сумели организованно сопротивляться налогообложению, навязываемому короной, а затем и успешно восстать³⁹. Национализм, патриотизм и стремление к культурной самобытности в таких ситуациях отнюдь не обязательны; достаточно того, чтобы, выражаясь метафорически, условия созрели, периферийные элиты стремились отвоевать место под солнцем, а ядро оставалось разобщенным⁴⁰. Как и в случае с войнами, одни освободительные движения преуспевают, а другие терпят поражение; со временем, однако, периферии тем или иным образом добиваются своего.

И в войнах, и в освободительной борьбе элиты ядра могут проиграть или же вообще предпочесть уклониться от борьбы за спорные территории, тем самым бросая периферию на произвол судьбы. В каждой из этих ситуаций реальный выбор, если он вообще есть, заключается не в том, чтобы *покончить с империей*, а в том, чтобы *не сопротивляться ее упадку*. Отказ от борьбы в данном случае предстает не столько выбором в смысле предопределения будущего, сколько — в ретроспективе — одномо-

ментным решением сдать собственные территории. Или же он представляется прямым следствием неблагоприятных обстоятельств, которые буквально заставляют имперскую державу отступить; иными словами, речь должна идти не о выборе, а о «признании необходимости»⁴¹. Показателен предлагаемый Бернардом Портером анализ распада Британской империи: «Падение империи было, скорее всего, неминуемым. Исходя из силового потенциала страны, оно казалось неизбежным, поскольку империя, будучи мировой державой, должна была располагать теми же объемами ресурсов, на которые после Второй мировой войны опирались СССР и США. Но состязаться с двумя этими гигантами она не могла. Британские империалисты были уверены, что такое было бы возможно, если бы естественные и людские богатства империи использовались эффективнее, но это требовало более глубокого и широкого сотрудничества жителей метрополии со своими имперскими братьями и сестрами. Их взаимодействие, однако, было лишено общего видения, ясного представления о целях империи и путях их достижения. Тот уклад жизни, к которому привыкло имперское государство, — нечаянный, минималистский, неотягощенный раздумьями о завтрашнем дне — делал подобное единение невозможным»⁴².

Деградирующие империи

Хотя последовательность шагов, ведущих к спаду и ветшанию, здесь выстраивалась логическим путем, она вполне сочетается с комплексной историей имперского упадка, с изложения которой я начал эту главу. Как и следовало ожидать на основании знакомства с параболами

Таагеперы, не все империи проходят эти стадии в четко выраженном виде. Более того, конкретный момент упадка и ветшания невозможно предвидеть; все, что можно сказать на данную тему, ограничивается констатацией его неизбежности, пусть даже в отдаленной перспективе. Впрочем, невзирая на это, есть основания полагать, что истории былых империй все же соответствуют, пусть в самых общих чертах, подобной логически выстроенной схеме. Нижеследующие примеры прибавят уверенности в этом.

Поздняя империя Хань (23–220 годы) в Китае пережила упадок в силу двух взаимосвязанных тенденций. Первую из них составлял постоянно обострявшийся конфликт между императорской властью и сословием «книжников», которое «служило носителем культуры, а также поставляло социальных критиков, бюрократов и местных лидеров»⁴³. В частности, как пишет Чоюн Сю, «образованная часть населения обладала интеллектуальной автономией, поскольку занималась систематизацией знаний, гарантировавших режиму необходимую легитимность. Воспроизводство интеллектуалов, происходившее благодаря бюрократии и контролю над важнейшими экономическими ресурсами, позволяло грамотным китайцам чувствовать себя достаточно уверенно, ибо для государства они были незаменимы. Требований, предъявляемых ими власти, вкуче с их бесспорной независимостью, было достаточно для того, чтобы власть относилась к ним с подозрением»⁴⁴.

Вторым обстоятельством была конкуренция между ядром и различными участками периферии, которая вылилась в «демографическое перераспределение и изменение векторов экономического развития»⁴⁵. Согласно Чоюн Сю, «в периферийных зонах общественное влияние концентрировалось в немногочисленных элитах,

поскольку руководство, как правило, было монополизировано местным истеблишментом. ...Региональная обособленность усугублялась сложностью подключения окраинных областей к общенациональным ресурсным потокам. Кроме того, ее закрепляла конфуцианская озабоченность малыми, местными делами, подогреваемая извечным напряжением и частыми конфликтами между «грамотеями» и трон»⁴⁶.

В соответствии с общей схемой имперского упадка, государство Хань было ослаблено «десятилетием непрерывных столкновений» (141–151 годы) с китайской версией римских варваров — кочевыми племенами чань, а также разрушительным крестьянским восстанием «желтых повязок» под руководством Чжан Цзяо, вспыхнувшем в 188 году. Интересно отметить, что борьба с кочевниками сюнну, которую империя вела несколькими веками ранее, обошлась гораздо дороже, нежели противодействие чань, но в то время империя, еще незатронутая деградацией, успешно выстояла⁴⁷. В 220 году последний император династии Хань был низложен, а Китай распался на три царства.

Римская империя, по словам Майкла Дойля, «была обречена на деградацию. Армия и бюрократия, необычайно разросшиеся, тяжело обременяли экономически активное и налогооблагаемое население». Что еще хуже, «в западной части империи собственность и доходы концентрировались в руках узкой прослойки землевладельцев, переустраивающих экономическую жизнь на феодальных принципах». В итоге, «когда государству на западе требовались ресурсы, оно вынуждено было учреждать специальные концессии для могущественных богатеев, которые не только владели землей, но и содержали местную бюрократию, причем каждая новая государственная за-

явка неуклонно повышала степень феодализации экономики». В конце концов «порочный круг приватизации и уклонения от налогов сделал государство нищим, богатых — еще более богатыми, а широкие массы населения — неимущими и зависимыми»⁴⁸. Александр Демандт выделяет четыре фактора, способствовавших трансформации «карающего государства» (*Zwangsstaat*) в «колосса на глиняных ногах». Первым был «сам бюрократический аппарат, который либо не мог, либо не желал работать во славу императора». В роли второго выступали «крупные землевладельцы», уклонявшиеся от уплаты налогов и от предоставления рекрутов. Третьим фактором стала церковь, которая «вывела себя из-под юрисдикции императорской власти». Четвертый фактор представляли военные, сформировавшие собственные интересы и цели⁴⁹.

Хотя имперская администрация, состоящая из «рудиментарного государственного аппарата», не соответствовала масштабам империи, упадок приобрел пугающие пропорции только в III веке н.э., когда взбунтовавшиеся приграничные армии явочным порядком начали возводить на императорский трон своих командиров⁵⁰. Варвары, в свою очередь, продолжали делать набеги на имперские владения, а персы попытались захватить Месопотамию. Обстановка стабилизировалась только после того, как император Марк Аврелий в 268–269 годах разгромил готов, вывел войска из Дакии и произвел их перегруппировку в Египте и Галлии. Диоклетиан и Константин реформировали и армию и бюрократию, но экономические издержки этих преобразований оказались чрезвычайно высокими. Крестьянство испытывало крайнюю нужду, в то время как латифундисты и знать, уклоняясь от налогов, приумножали свои богатства. «Контраст между масштабами и неэффективностью во-

енной машины был просто поразительным, — пишет Филипп Контамайн. — Римская армия была внушительной организацией, теоретически безупречно структурированной, но на практике не слишком боеспособной. Императоры... не могли в полной мере использовать возможности, предоставляемые имеющимися коммуникациями, избытком информации и быстротой передачи приказов. Наконец, бюрократия, призванная поддерживать усилия императорской власти, была незначительна, перегружена или пассивна; она постоянно нуждалась в отсрочках и играла обструкционную роль»⁵¹.

Не исключено, что состоявшийся в 330 году переезд императорского двора в Константинополь укрепил власть Константина, но одновременно он принизил значение Рима и позволил военачальникам на западе действовать более самостоятельно. Приток варваров в армию шел ускоряющимися темпами; отчасти это объяснялось нехваткой рекрутов, а отчасти желанием государства умиротворить потенциальных агрессоров. Восстания и гражданские войны сделали необратимым ветшание западной части империи. В 406–407 годах аланы, свевы и вандалы опустошили Галлию; в 410-м вестготы захватили Рим; в 435–453-м гунны под предводительством Атиллы разорили дунайские провинции; в 439-м вандалы взяли Карфаген; в 454-м остготы оккупировали Паннонию⁵².

Что касается Османской империи, то пик ее могущества пришелся на XVI и XVII столетия. Вскоре после этого эффективность центральной власти начала падать, военная и технологическая модернизация застопорилась, усилились центробежные тенденции. «Бюрократические и религиозные институты по всей империи, — пишет Бернард Льюис, — переживали катастрофический кризис эффективности и целостности, который усугублялся по-

стоянно меняющимися методами набора, подготовки и продвижения чиновников. ...Такое же снижение профессиональных и нравственных стандартов, хотя и менее выраженное, можно было наблюдать среди представителей религиозной и судебной иерархии. Наиболее ужасающим было положение дел в турецких вооруженных силах»⁵³. В такой ситуации неудивительно, продолжает этот автор, что «центральное правительство прекратило интересоваться сельскохозяйственным производством и положением в деревне в целом, предоставленным производству сборщиков налогов, арендодателей и судебных приставов. В XVII веке наиболее преуспевшие арендодатели, объединившись со старыми земельными собственниками, образовали новую сельскую аристократию, называвшуюся *ayan-imeleket* — «лучшие люди страны». Уже в то время была отмечена узурпация этой новой прослойкой некоторых государственных функций»⁵⁴.

Львиная доля — приблизительно две трети — всех доходов правительства поступала от налогов, выплачиваемых крестьянами⁵⁵. Представители местной элиты не только почти ничего не вносили в государственный бюджет, но и получали заметную прибыль от монополизированных ими должностей сборщиков налогов⁵⁶.

На заключительном этапе существования Османской империи (1876–1909гг.) элиты тщетно пытались покрыть растущие расходы, увеличивая налоговое бремя и наращивая государственный долг. Одной из главнейших бюджетных статей было преобразование Блистательной Порты в бюрократическую систему современного типа⁵⁷. Одновременно затраты на армию составляли около 40 процентов всех бюджетных расходов⁵⁸. Но несмотря на колоссальные вложения в вооруженные силы и жандармерию, османские силовые структуры продолжали от-

ставать от своих западноевропейских конкурентов. Согласно Паркеру, «революция в военном деле не удалась туркам по меньшей мере в трех отношениях. Во-первых, Османы сделали ставку на крупную армию, в то время как западные державы ориентировались на повышение мобильности и огневой мощи. Во-вторых, турецкие войска были прекрасными имитаторами, но плохими новаторами. В-третьих, источником османского отставания в военной области была неразвитость металлургии»⁵⁹.

Разложение империи началось в XVIII столетии. Территории к северу от Черного моря и Крым отошли к России; Венгрию, части Сербии и Валахии Османы уступили Габсбургам; Иран постоянно усиливал натиск на востоке. В следующем веке ситуация стала еще хуже. В 1804 и 1815 годах вспыхивали восстания в Сербии; в 1822–1830-м греки вели войну за независимость; Египту удалось значительно укрепить свою самостоятельность. Вместе с тем все большее давление на империю оказывали Россия, Австрия, Великобритания и Франция, овладевшие большими кусками турецкой территории в Северной Африке и на Балканах. Апофеозом унижения Турции стал Берлинский конгресс 1878 года, санкционировавший расчленение Болгарии, потерю Боснии и Герцеговины, независимость Сербии, Румынии и Черногории, передачу контроля над Тунисом Франции, а над Кипром — Великобритании⁶⁰.

Тредголд отмечает, что в XI и XII веках «могущество и богатство землевладельцев и торговцев (Византийской. — А.М.) империи заметно возросло. ...Доля магнатов в земельной собственности и на чиновничьих постах продолжала расширяться до тех пор, пока в государстве не сложился наследственный правящий класс, которого прежде не было. ...Поскольку руководить его представи-

телями было нелегко, власть даже самых целеустремленных и умелых императоров либо сокращалась, либо использовалась с большим трудом»⁶¹. Джордж Острогорский в своих суждениях еще жестче: «Богатые помещики присваивали собственность крестьян и солдат, ставя бывших владельцев в зависимость от себя. Тем самым подрывались основы, на которых, начиная с VII столетия, держалась Византия. В результате боеспособность армии и сбор налогов сокращались, а продолжающееся обнищание масс делало вооруженные силы еще слабее»⁶². Со временем, «хотя Византия отчаянно боролась за сохранение имперского единства, структура государства расшатывалась, а отношения между центром и периферией делались все менее прочными»⁶³.

Произведенный Тредголдом анализ византийских бюджетов (таблица 2.1) также свидетельствует о том, что в последние пятьсот лет существования империи расходы на бюрократический аппарат и силовые структуры неуклонно увеличивались.

По мере того как многочисленные льготы для крупных землевладельцев резко сокращали поступления от земельного налога, а венецианцы и генуэзцы все более активно препятствовали византийской торговле в Средиземноморье, империя, по словам Чарльза Дила, «шла к неминуемому финансовому краху». В результате, пишет этот автор, «поскольку правительство Византии сохраняло приверженность к пышности и роскоши... и крепко держалось за внешние условия, ему было все труднее соотносить расходы с доходами. Порой предпринимались попытки экономить за счет безопасности империи. Так, с конца XIII века государство фактически отказалось от собственного флота под тем предлогом, что его содержание представляет собой пустую трату

денег. ...Столь же спокойно оно допустило деградацию византийских крепостей»⁶⁴.

Таблица 2.1

Расходы на чиновничество и военных в процентах от византийского бюджета (300–1321 гг.)

Год	300	450	518	540	565	641	668	775	842	959	1025	1321
Чиновники	9	10	9	10	13	13	25	21	16	15	14	—
Военные	81	69	65	71	72	78	60	58	65	69	70	68
Итого	90	79	74	81	85	91	85	79	81	84	84	—

Источник: Warren Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society* (Palo Alto, Calif.: Stanford University Press, 1997), pp. 145, 227, 412, 576, 843. Проценты высчитывались на основании данных этого автора. Военные расходы включают выплаты личным телохранителям, солдатам и гребцам, затраты на амуницию, оружие, провиант, фураж, лошадей, мулов, средства на проведение военных кампаний, прочие расходы.

Франц Георг Майер так подытоживает этот процесс: «Нельзя недооценивать уязвимость поздней Византии. В разваливающейся политической системе, в условиях постоянной нехватки финансовых и военных ресурсов не слишком дееспособным правительствам приходилось умирять религиозные распри и политические междоусобицы, одновременно отражая внешнюю агрессию. Император впал в прочную зависимость от нескольких знатных семейств, чье возвышение постепенно подрывало его собственные позиции»⁶⁵.

Начиная с XI века ветшание империи приобрело необратимый характер. Турки-сельджуки неустанно атаковали ее с востока, и к 1300 году большая часть Малой Азии оказалась в их руках. С другой стороны, Византию дестабилизировали и крестоносцы. Действительно, «четвертый крестовый поход нарушил в Эгейском бассейне традицию единоначалия власти, заложенную еще во времена Римской республики, и поколебал прочность

институтов, созданных Диоклетианом и Константином»⁶⁶. Восстания и гражданские войны стали частым явлением, особенно на Балканах⁶⁷. В конечном счете турецкий натиск на остатки Византии завершился падением Константинополя в 1453 году и Трапезунда — в 1461-м.

Британские и испанские колонии в Америке прошли сходный путь постепенного обособления от ядра метрополии. «Ключевую причину коллапса английской империи на американском континенте» Дойль видит в неспособности англичан «сформировать в метрополии политически автономный центр империи». Поскольку «колониисты более привыкли к сюзеренитету, нежели к империи XVIII века», попытка Англии установить здесь «полный бюрократический контроль» была воспринята ими как угроза «традиционным свободам» и вызвала сопротивление⁶⁸. Падение испанской империи явило еще более яркий пример разложения. Дойль прослеживает его поэтапную эволюцию: «Прежде всего, появились проблемы с эффективностью и честностью чиновничества. Практика партикуляризма, как и в древнем Риме, привела к своеобразной феодализации бюрократической системы. Звания и должности продавались представителям креольской элиты с тем, чтобы поднять собираемость налогов и прочих платежей. Для того чтобы поощрить выходцев из Испании каким-то колониальным «подарком», создавались новые конторы и учреждения. От всего этого страдала сама империя; на экономическое развитие удавалось мобилизовать все меньше ресурсов. ...Во-вторых, экономика некоторых колоний тяготела к концентрации собственности, приобретая все более явную аграрную направленность. В результате взаимовыгодные отношения с Испанией делались невозможными, поскольку в этих связях преобладало налогообложение — основа зависимости. В-третьих,

хотя другие колонии — среди них Куба, Аргентина и Венесуэла — развивались более динамично, по мере упадка испанской экономики оковы меркантилизма становились для них все более обременительными. В-четвертых, креольская элита постоянно чувствовала себя между молотом и наковальней, негодую по поводу засилья испанцев и опасаясь рабских, крестьянских или индейских бунтов»⁶⁹.

Ветшание испанской империи в Латинской Америке было итогом двух освободительных войн. Для Нидерландов, отпавших от Испании в середине XVII столетия, таковой стала Тридцатилетняя война 1618–1648 годов. Не менее важно обстоятельство, на которое обращает внимание Рената Пипер: «В результате территориальных потерь в ходе Тридцатилетней войны Испания впадала в глубочайший политический, военный и финансовый кризис, из-за которого более не могла на должном уровне готовить управленцев и солдат для испанской Америки»⁷⁰. Этот кризис достиг апогея к тому моменту, когда в 1808 году на Пиренеи вторгся Наполеон. Оккупировав страну, он заставил короля Фердинанда VII отречься от престола, заменив его собственным братом Жозефом. В то же самое время португальское королевское семейство бежало в Бразилию. На деле Наполеон, пусть даже не желая того, разрушил сразу две колониальные империи. С одной стороны, он подорвал легитимность испанского правления в Латинской Америке — подобно тому как в конце 1917 года большевики сделали нелегитимным имперское правление в нерусских окраинах — и позволил периферийным элитам осознать и начать отстаивать свои собственные интересы⁷¹. С другой стороны, с отъездом португальского двора центр имперского правления переместился в колонию, что наделило ее статусом равноправного партнера бывшего ядра.

Поскольку креольская элита уже давно ощущала дисгармонию своих интересов с интересами метрополии, неудивительно, что сразу же после видоизменения отношений ядра и периферии на континенте развернулась освободительная борьба⁷². Как бы предвосхищая будущую политику императора Франца Иосифа по отношению к Венгрии, португальский принц-регент Дон Жоао в 1815 году предоставил Бразилии статус королевства. В испанской Америке освободительное движение возглавили несколько лидеров, наиболее видными из которых стали Симон Боливар, Хосе де Сан-Мартин, Бернардо О'Хиггинс. К концу 1820-х годов почти все периферийные области Латинской Америки добились независимости. Большую часть колоний, оставшихся тогда у Испании, — Филиппины, Кубу и Пуэрто-Рико — в 1890-е годы отобрали Соединенные Штаты Америки, в то время как периферийные португальские владения, включавшие Мозамбик, Анголу и Гвинею, стали независимыми государствами в 1970-е годы⁷³.

Французские и британские колониальные владения пали из-за череды войн и освободительных движений. «Великая депрессия» до основания потрясла Францию и Великобританию, оставив за собой массовую безработицу и социальную нестабильность, а также радикально свернув торговлю. Бизнес того времени был «ориентирован вовнутрь», из-за чего связи между ядром и периферией слабели⁷⁴. Кроме того, две мировые войны за тридцать лет истощили обе империи как в экономическом, так и в военном отношении; состоявшееся после 1945 года утверждение Соединенных Штатов Америки в качестве великой державы еще более ограничило глобальную активность Англии и Франции⁷⁵. Исключительно важно и то, что тотальная война ускорила разложение, опустошив их

колонии в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Азии, поколебав традиционные колониальные установления, заставив местных жителей мобилизоваться для самообороны и выдвинув из их среды собственных периферийных лидеров. Не случайно именно в это время в мире наблюдался расцвет национализма, особенно активно поощряемый другой великой державой — Советским Союзом.

Джон Дарвин следующим образом обобщает все эти процессы: «Война породила весьма опасную комбинацию внешних, внутренних и колониальных вызовов, которые усиливали и дополняли друг друга. Борьба за поддержание статуса великой державы в сочетании с внутривластными императивами не оставляла британцам иной альтернативы, кроме проведения все более рискованной колониальной политики. Одновременно те самые международные факторы, которые стимулировали эту политику, — подъем американского и советского могущества — все более осложняли возможности Великобритании по сдерживанию недовольства, которое она сама порождала в колониях и полуколониях. Страна постепенно теряла способность влиять на «общественное мнение», особенно на таких площадках, как Организация Объединенных Наций»⁷⁶.

Великобритании приходилось также сдерживать националистические силы в Индии и Палестине. Первая из этих колоний была разделена на две части: Индия и Пакистан получили независимость в 1947 году. Палестина превратилась в независимое государство Израиль годом позже. В последующие годы, перегруженная внутренними проблемами, соперничеством в эпоху «холодной войны» и националистическими эксцессами в колониях, Великобритания продолжала оставлять территории на Ближнем Востоке, в Азии и Африке. Этот процесс более

или менее завершился в 1960-е годы. По тому же пути шли и французы, особенно после того как унижительное поражение во Вьетнаме и дорогая победа в Алжире убедительно доказали, что сохранить империю им едва ли удастся⁷⁷. «Для многих сторонних наблюдателей, — пишет Пол Кеннеди, — в особенности для американцев, попытки [французов] удержать регалии первостатейной державы на фоне отчаянной экономической слабости и зависимости от американской экономической помощи казались своеобразным проявлением *folie des grandeurs**»⁷⁸. В целом, как отмечает Чарльз Тилли, «обстоятельства благоприятствовали уходу европейцев: Советский Союз вообще не имел колоний в основных зонах европейской колонизации, у Соединенных Штатов их было совсем немного, а сами колонизаторы с головой погрузились в преодоление последствий недавно завершившейся войны»⁷⁹. Довольно важно то, что наряду с отказом от прямого владычества происходило оживление имперских связей более неформального вида. И Великобритания и Франция по-прежнему оказывали мощное гегемонистское влияние на бывшие периферийные элиты, ставшие теперь номинально независимыми⁸⁰.

Вероятности и невероятности

Скорее всего, нельзя предсказать заранее, какая форма ветшания поразит ту или иную империю, и, вне всякого сомнения, невозможно предвидеть, когда конкретно произойдут те или иные войны и кто примет в них участие. Разумеется, агрессивные соседи будут вселять

* Мания величия (фр.)

большие опасения, чем воздерживающиеся от экспансионизма, а качественно управляемые империи испытывают гораздо меньше внутренних неурядиц, нежели дурно руководимые. Сказанное кажется вполне справедливым, но первое из этих суждений граничит с банальностью, а второе с бессмыслицей: в конце концов, если все рассматриваемые нами империи переживали упадок, они должны были, *ipso facto*, страдать от управленческих просчетов. Единственное, что нам остается, так это вместе с Джозефом Тэйнтеном констатировать следующее: упадок в значительной степени повышает математическую вероятность того, что войны и освободительные восстания, охватывающие распадающиеся имперские системы, в итоге приведут к их ветшанию⁸¹.

Хотя, согласно нашим ожиданиям, все империи неустойчиво скользят по склонам парабол Таагеперы, они делают это с разной скоростью. К примеру, вполне возможно временное упорядочение ресурсных потоков, обеспечиваемое политическими лидерами, экономическими и социальными реформами, непредвиденными обстоятельствами. В частности, подъем производства за счет большего притока капитала и технологических усовершенствований может покрыть растущие потребности ядра в ресурсах. Но такой экономический рост будет недолговечным. Появление в дальнейшем новых факторов, стимулирующих рост производства, маловероятно, поскольку потребности в ресурсах продолжают расти. Напротив, следует ожидать того, что имперское население начнет лениться или уклоняться от налогов, а может быть, делать и то и другое, возможно, не сразу, но со временем — обязательно⁸².

Если же говорить только о технологически обусловленном повышении производительности, то здесь дело

обстоит сложнее. С одной стороны, изголодавшееся по ресурсам государство склонно отвергать инновации, как и любое другое приложение усилий, связанное с материальными затратами. С другой стороны, лидеры больших, централизованных государств — к ним мы обратимся в главе 3 — способны напрямую вмешиваться в экономику, внедряя технологические новшества. Представляется, однако, сомнительным, чтобы такое государство смогло поддерживать подобный курс в течение длительного времени⁸³. Его собственная избыточность противодействует эффективному использованию ресурсов; его информационное несовершенство препятствует разработке действенных программ роста. Иначе говоря, мы вправе ожидать какого-то иницируемого государством экономического роста, но ни в коем случае нельзя рассчитывать на то, что он избавит империю от ее структурных противоречий⁸⁴.

Вполне ожидаемо и то, что особенности разложения будут зависеть также от типа затронутой им империи. *Во-первых*, крупные империи разлагаются более масштабно и интенсивно, нежели небольшие. Это понятно, ибо чем больше периферийных зон имеет имперское государство, тем более острой является потребность в сосредоточении информации и концентрации ресурсов и тем выше вероятность перегрузки и дезинтеграции⁸⁵. *Во-вторых*, поддержание жизнеспособности оказывается более дорогостоящим делом в разорванных империях по сравнению с целостными. Компактные гораздо легче защищать — пути снабжения значительно короче, транспортные издержки ниже, управленческие процедуры проще. Именно из этой логики исходил Константин Великий, когда разделил Римскую империю на две части, благодаря чему было гарантировано выживание

Византии на последующее тысячелетие. Поскольку расстояния оборачиваются большими расходами, более сложными и дорогостоящими способами взаимоотношений внутри империи, разорванные империи особенно уязвимы в плане прерывания ресурсных потоков и, следовательно, в смысле разложения и ветшания⁸⁶. *В-третьих*, неформальные империи предполагают большую степень удержания ресурсов периферийными элитами. В результате, как правило, в полосу ресурсного дефицита скорее вступают империи именно такого типа.

Насколько далеко зайдет ветшание в каждом конкретном случае? Структурные теории не дают ответа на этот вопрос. Империи могут, подобно Римской или Византийской, полностью исчезнуть; они могут сохранить только свое ядро, как получилось в Османской империи и в Австро-Венгрии; или же они могут стабилизироваться в размерах, несколько превышающих площадь традиционного ядра. Исторически каждый из упомянутых исходов можно объяснить, но никакое обобщение на этот счет невозможно без обращения к понятию «оптимальный размер государства». С какой-то степенью определенности здесь можно сказать лишь одно: чем выше степень сжатия империи, тем более целостным и миниатюрным делается то, что от нее осталось. Отсюда следует, что по мере разложения имперского целого темпы ветшания замедляются. Кроме того, отсюда вытекает еще и то, что империи способны стабилизироваться в более узких границах, которые либо будут, либо, напротив, не будут соотноситься с каким-то интегрированным или национальным государством. Подобную динамику хорошо иллюстрирует Византия, которая пережила свою столицу — Константинополь — почти на сотню лет.

III

Коллапс империй

Хотя скольжение империй по параболам, которые открыл Таагепера, имеет под собой веские основания, столь же верно и то, что упадок имперского государства отнюдь не всегда плавно сменяется его ветшанием. С теоретической точки зрения это обстоятельство способно смутить нас, но удивляться ему не стоит: деградация внутренне присуща империям, и в этом смысле не слишком зависит от внешних факторов. Ветшание, напротив, выступая функцией войны и освободительной борьбы, по меньшей мере отчасти обусловлено совокупным геополитическим положением империи и в силу этого предопределяется различными задействованными переменными. Но даже при таком подходе неподверженность ветшанию оказывается если не загадкой, то бесспорной аномалией. Нам предстоит объяснить эту особенность, не забывая о том, что деградация все же остается общим правилом. В то же время рассматривать

изъятия из этой нормы нужно так, чтобы либо свести к минимуму (а может быть, и полностью исключить) непредсказуемость экзогенных влияний, либо же осмысленно ввести их в нашу эвристическую конструкцию.

Тремя исключениями, которые я намереваюсь рассмотреть, будут СССР, Австро-Венгрия и Россия династии Романовых. Все они деградировали, пережив различные формы патологий, описанных в главе 2. Но при этом ни одна из названных империй не ощутила на себе ветшания, по крайней мере в той степени, на которую мы могли бы — контрфактуально — рассчитывать. Наиболее достоверную причину здесь следует усматривать в необычайной краткости периода упадка. Параболы Таагеперы показывают, что и Российская империя, и империя Советов достигли территориального максимума непосредственно перед крахом. Можно было бы возразить, что эти государства неминуемо пережили бы стадию ветшания, если бы не катаклизмы, разрушившие их преждевременно, еще до наступления *реального* упадка. Но подобные рассуждения опровергаются тем фактом, что Австрия утратила значительные территории еще в XIX веке. Можно также заметить, что СССР развалился не в результате какого-то внешнего катаклизма типа войны, а из-за внутреннего стресса, названного «перестройкой»¹. Но если сверхдержава рухнет в процессе собственного реформирования, предшествующий этому упадок должен быть исключительно глубоким. В свою очередь, все перечисленные контраргументы также можно опровергнуть; в итоге единственное, что остается наблюдателю, — это выбрать для себя наиболее привлекательный взгляд. Нас же подобный исход побуждает к тому, чтобы более пристально всмотреться в процессы ускоренного упадка в имперском контексте СССР, Габсбургов и Романовых.

Советская империя

Приобретение Советами новых территорий — сначала нерусских земель, а потом и государств Центральной и Восточной Европы — происходило в первые тридцать лет советского имперского эксперимента, между 1917 и 1948 годами. К началу 1950-х годов казалось, что единство советской империи практически монолитно. Нерусские республики были «призваны к порядку» еще в 1930-е годы, а страны-сателлиты, за исключением Югославии, подверглись сталинизации в послевоенный период. После смерти Сталина, однако, советская империя вступила в полосу неуклонного и порой довольно стремительного упадка. Здесь уместно остановиться на трех особенностях.

Во-первых, в отличие от империй Габсбургов и Романовых, в последние десятилетия своего существования находившихся на экономическом подъеме, советская империя пережила крутой спад². Централизованное планирование оказалось неспособным обеспечить технологическую модернизацию. Ему были присущи и другие патологии — статистические приписки, присвоение ресурсов руководителями предприятий и периферийными элитами, фетишизация производства, — которые ощутимо нарушали ресурсные потоки, связывавшие периферию с центром³. Все эти дисфункции, характерные для тоталитаризма, стимулировали вмешательство ядра в решение местных вопросов и рост центральной бюрократии.

Во-вторых, за три десятилетия, прошедшие с кончины Сталина, все участки советской периферии начали жить самостоятельной жизнью. Хотя русская элита ядра сохраняла главные рычаги контроля в своих руках, нерусские регионы СССР, а также государства Централь-

ной и Восточной Европы обзавелись собственной бюрократией, отстаивавшей региональные интересы, а также местной интеллигенцией, выражавшей националистические чувства. В периферийных зонах окрепли местные аппараты коммунистической партии, которые жестко добивались собственных целей, довольно часто пренебрегая интересами элиты ядра и империи в целом⁴. Поскольку упадок в наибольшей степени затрагивает неформально управляемые регионы, прилегающие к центру империи (Тимоти Гартон Эш называет это «османнизацией»), неудивительно, что периферийные элиты Восточной Европы оказались вовлеченными в освободительную борьбу⁵. Официальные элиты возглавили антисоветские мятежи в Польше и Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968-м; они добивались автономии для Румынии в 1960-е; содействовали мобилизации неофициальных элит в Польше в 1980-е и в других восточноевропейских странах в 1989-м⁶.

В-третьих, советская империя пережила явный спад. Несмотря на то, что в конце 1980-х годов Советский Союз противопоставлял западным демократиям 5 миллионов солдат, 27 тысяч ядерных ракет, 55 тысяч танков, свыше 200 армейских дивизий, 6 тысяч боевых самолетов, 9 тысяч ракетных установок класса «земля-воздух», более 600 кораблей и подводных лодок, советская военная машина становилась все менее эффективной⁷. В технологическом отношении СССР не мог состязаться с США, его военное планирование завязло в стратегических стереотипах времен Второй мировой войны, подготовка военных кадров не соответствовала требованиям времени, а их моральный дух был крайне низок. Оккупация Афганистана, начавшаяся в 1978 году, убедительно доказала, что советские вооруженные силы, вопреки мнениям и оцен-

кам западных политиков, отнюдь не являются неуязвимыми. Советский Союз располагал внушительным ядерным арсеналом, но для предотвращения или отражения периферийных угроз коммунистическому режиму это оружие было бесполезным. Рассуждая теоретически, прогрессирующая экономическая деградация, неподчинение периферийных элит и упадок государства вполне могли повлечь за собой ветшание, но, вопреки логике, за десятилетия, прошедшие после разрыва с Югославией, советская империя не теряла собственных территорий. Именно в этом сочетании внешней экспансии с внутренним спадом заключалась, по мнению Северина Билера, сущность «советского парадокса»⁸.

Империя Габсбургов

За первые семь десятилетий XIX века государство Габсбургов довольно ощутимо обветшало. Череда поражений, нанесенных Наполеоном, ввергла империю в территориальные потери; кроме того, подъем освободительного движения лишил Вену итальянских владений⁹. Но несмотря на продолжающийся упадок, после 1866 года австрийцы больше не расставались со своими землями, а в 1908 даже аннексировали Боснию и Герцеговину. Эта «отложенная» форма ветшания выглядит еще более озадачивающей на фоне подмечаемого Робертом Канном обстоятельства: деградация империи Габсбургов началась еще в начале XVI века, с момента присоединения Богемии, Моравии и Венгрии¹⁰. Контроль ядра над имперскими землями всегда был не слишком ощутимым; повсеместно преобладали местные элиты, парламенты, законы, таможи. Мария Терезия и Иосиф II,

стремясь превратить империю в передовое государство, предприняли ряд реформ, направленных на централизацию управления¹¹. И хотя со временем австрийцам удалось сформировать эффективный государственный аппарат, «перетягивание каната» между ядром и несговорчивыми местными элитами продолжалось даже после утверждения репрессивного режима Франца I. По мнению Канна, «вся история монархии Габсбургов является собой конфликт между различными группировками территориальной аристократии. Каждая из них представляла различные историко-политические образования империи: земли, отличающиеся самобытными культурно-политическими традициями, с одной стороны, и ее административный центр — с другой»¹².

В 1848-м, когда Вену одолевали революционеры, провинции в целом и Венгрия в частности попытались напомнить об уже имеющихся правах, подкрепив их новыми требованиями. Последующие эксперименты Франца Иосифа с неоабсолютизмом завершились поражением, нанесенным ему Наполеоном III под Сольферино; а с нежеланием императора поддержать более свободную форму организации владений короны покончил компромисс (*Ausgleich*) 1867 года, который, в сущности, утвердил неформальное правление в Венгрии¹³. Условия этого соглашения побуждали венгерскую элиту выдвигать автономистские претензии всякий раз, когда обсуждались взаимоотношения с Венной¹⁴. Более того, сложившаяся в итоге физическая структура империи — разделение на вытянутую в форме месяца Цислейтанию и компактную Транслейтанию, где доминировала Венгрия, — заметно понизила статус Вены, превратив столицу в одно из звеньев длинной цепи шоссе, железных дорог и телеграфных линий. Будапешт, напротив, прочно

утвердился в качестве центра своего административного района. Невыгодное местоположение Вены напоминало ситуацию с Куско в империи инков. «Со временем, — отмечает Иштван Деак, — административная машина становилась «национальной», провинциальная бюрократия приспособлялась к местным этнополитическим силам, зачастую делаясь практически независимой от национального происхождения самих функционеров»¹⁵. Подобные перемены стимулировали развитие отношений между различными зонами периферии, в особенности в сфере торговли, а также поощряли центробежные тенденции, поддержанные венграми, чехами, поляками, итальянцами, сербами и другими¹⁶. Намечившееся размежевание и ускоряющийся распад усиливали друг друга, постоянно угрожая целостности империи вплоть до ее краха в 1918 году.

Австро-Венгрия также пережила упадок. Войска Наполеона разбили императорские армии в битвах при Маренго, Хохенлиндене, Аустерлице и Ваграме. В последующие десятилетия граф Меттерних почти ничего не сделал для совершенствования австрийских вооруженных сил, вместо этого сосредоточившись на проблемах внутригосударственного контроля. События 1848 года обнажили всю слабость имперского государства. Перед лицом революционных беспорядков австрийская армия и полиция оказались бессильными; империю спасла — к огромному сожалению Фридриха Энгельса — только русская интервенция¹⁷. Последующие военные операции австрийцев оказались столь же бледными¹⁸. Французы разгромили войска Габсбургов в битве при Сольферино в 1859 году, а пруссаки разбили их в сражении под Садовой в 1866-м. Впоследствии императорская армия, в сверкающих золотом мундирах, в основ-

ном выполняла полицейские функции и служила механизмом для интеграции в имперские структуры представителей ее многочисленных национальностей¹⁹. Хотя офицерский корпус в целом был достаточно компетентен, австрийская армия повсеместно считалась слабой, что в августе 1914 года прекрасно продемонстрировала маленькая Сербия²⁰.

Российская империя

Хотя Российская империя продолжала расширяться до самого ухода с исторической арены, в конце XIX — начале XX века ей также довелось испытать всесторонний спад. Одна из причин этого заключалась в том, что централизующие реформы, начатые Петром и настойчиво продолжаемые Екатериной, — по духу они были схожи с преобразованиями, предпринятыми реформаторами из династии Габсбургов, Марией Терезией и Иосифом II, — лишь частично преуспели в деле интеграции пограничных земель, особенно тех, которые прежде принадлежали Польше²¹. Хотя эти монархи достигли многого, делая из России то, что Марк Раефф называет «упорядоченным полицейским государством», — они сформировали новую административную систему, назначили региональных руководителей, привели в порядок законы, — трансформация оставалась далеко не полной²². В Хиве правили ханы, в Бухаре — эмиры, на Северном Кавказе — кланы, в Грузии — традиционные элиты; прибалтийские земли оставались в руках немецкого дворянства; польскую шляхту не удалось усмирить даже после двух провалившихся восстаний 1830 и 1860 годов; Финляндия оставалась великим княжеством с собственным парла-

ментом и законодательством²³. Мартин Спешлер убедительно доказывает, что взаимоотношения Финляндии с ядром империи размывались по мере того, как финны открывали для себя «возможности продавать в Великобританию продукцию из древесины, приобретая взамен высококачественные товары с Запада»²⁴.

Наполеоновские войны не смогли спровоцировать коллапс империи, но заметно ускорили ее разложение, позволив периферийным элитам — балтийским немцам, полякам и другим — заявить претензии на традиционные права, обычаи и прерогативы, а также обнажив «русский парадокс» внешней экспансии, сочетающейся с загниванием государства. Ярким примером этого противоречия служила русская армия. Как указывает Уолтер Пинтер, расходы государства на военные нужды во времена Екатерины Великой сократились вдвое, причем происходило это на фоне «неуклонного увеличения армии, отражающего, вероятно, быстрое приращение имперской территории и рост народонаселения, а также вкладывания значительных ресурсов во внутреннее управление». Что еще хуже, масштабы вооруженных сил не соответствовали их технологическому оснащению. Так, от двух третей до трех четвертей совокупных военных расходов между 1863 и 1913 годами направлялись на приобретение амуниции и провианта, а не вооружения и кораблей. «Главными причинами содержания столь крупной армии, — отмечает Пинтер, — была, отчасти, инерция, привычка иметь много солдат, а отчасти — географические константы, огромные расстояния и протяженные внешние границы, которые приходилось защищать». Кроме того, Россия нуждалась в большой армии из-за своей технологической отсталости, прежде всего отсутствия хорошо развитой железнодорожной

сети, что не позволяло ей, в отличие от передовых европейских государств, иметь подготовленных резервистов, которых можно было бы быстро призвать и мобилизовать в случае войны²⁵.

Русские вооруженные силы преуспели в покорении Средней Азии и Кавказа, которые в XIX веке вошли в состав империи, в основном на неформальной основе; этот факт подтвердил военную мощь России в сравнении с ее «ближним зарубежьем». С другой стороны, было ясно, что с более развитыми западными державами Россия равняться не может. Царские армии разбили Наполеона только благодаря русской зиме, хотя они и были достаточно сильны, чтобы спасти Вену от революционных банд в 1848 году. Крымская война и, в особенности, война 1905 года с Японией показали, что российские вооруженные силы, вполне способные справляться с азиатскими кочевниками, радикальными студентами и пехотой бухарского эмира, не могли составить конкуренцию войскам современных государств. Вместе с тем имперская Россия, подобно Австро-Венгрии, также миновала фазу ветшания, несмотря на прогрессирующий упадок и деградацию. Вместо этого она продолжала экспансию²⁶.

«Подпорки» империй

Как показывает анализ трех вышеприведенных примеров, говорить об автоматическом следовании империй параболам Таагеперы нельзя. Конкретная траектория зависит от двух типов взаимосвязей — между упадком империи и разложением государства, а также между разложением и ветшанием, — которые довольно разнообразны. Процессы упадка, разложения и ветша-

ния могут сдерживаться воздействием четырех переменных.

- Чрезмерная централизация государства ядра способна, как в случае Советского Союза, помешать «разбеганию» местных элит — с помощью жесткого организационного и корректирующего контроля над периферией, отнюдь не устраняющего причины этого процесса и не лишаящего элиты возможности обособиться в будущем.
- Благоприятное геополитическое окружение может поддержать переживающую упадок империю и затормозить ветшание. В частности, выгодные союзы, подобные альянсу Австро-Венгрии с кайзеровской Германией, способны поддержать империи.
- Удобное географическое положение, как показывает опыт Романовых, порой имеет тот же эффект, что и благоприятное геополитическое окружение.
- Деньги, с легкостью собираемые внутри государства, а также получаемая извне помощь щедрых союзников укрепляют империю; эти факторы помогают элитам ядра обойти проблему истощающихся ресурсов и непродуктивной экономики, а также сохранять имперские расходы на должном уровне²⁷. Для Испании таким благом оказалось открытие месторождений серебра и золота в Новом свете; для Советского Союза аналогичным событием стала нежданная прибыль от нефтяного эмбарго 1973 года.

Как будет показано ниже, перечисленные имперские «подпорки», во-первых, вполне согласуются — или, по меньшей мере, не противоречат — теоретическим основам этой книги. Во-вторых, все они имеют отношение к таким формам ветшания, как войны и освободительные движения, которые обсуждались в главе 2. В-третьих,

каждый из этих факторов поддается лишь ретроспективному объяснению, то есть их вмешательство невозможно предвидеть. В-четвертых, поскольку действие ни одной из указанных здесь «подпорок» не является перманентным, их долгосрочным эффектом может стать то, что поддерживаемые ими империи окажутся еще уязвимее перед лицом шоковых воздействий и, следовательно, более склонными к распаду.

1. Что касается теоретической согласованности, то структурная теория имперского упадка далека, разумеется, от пренебрежения такими факторами, как география, наличие естественных ресурсов или внешнее окружение. Единственным элементом, который, как кажется на первый взгляд, не вписывается в эту модель, является представление о том, что иерархическая и предельно централизованная государственность способна предотвратить упадок. Выше я обращал особое внимание на то, что «расплывшийся», избыточный государственный аппарат, напротив, способствует деградации. Но от этого противоречия можно уйти, если, как уже предлагалось в главе 2, начать придирается к мелочам — а именно, попытаться настаивать на том, что чрезмерно централизованное государство может в одно и то же время испытывать ускоренный спад и, благодаря своим размерам и силе, временно не позволять периферийным элитам отложиться от империи. Поскольку в основе такой ситуации лежит противоречие, она, конечно, не может быть устойчивой и продолжительной.

2. Действие каждой из четырех «подпорок» снижает вероятность ветшания. Удерживая периферийные элиты на коротком поводке — с помощью жесткого организационного контроля, системы назначений и продвижения по службе, чрезмерно централизованное государство не

позволяет им налаживать связи с другими участками периферии или вступать в альянсы за пределами империи. Удачное геополитическое положение в целом и система союзов в частности действительно сокращают опасность войны, и особенно — разрушительной войны. Благоприятная география — физическая отдаленность от зон боевых действий или соперничества сверхдержав — также минимизирует возможности и/или последствия войны. Э.Джонс, например, приписывает выживание восточной части Римской империи тому обстоятельству, что «со стратегической точки зрения Восточная империя в IV–V веках была более спокойным местом, чем Западная. ...Варвары, переправлявшиеся через Дунай всякий раз, когда на Балканах кончались ресурсы, неизменно отправлялись на запад. ...Кроме того, значительная часть Восточной Римской империи — Малая Азия, Сирия и Египет — вообще была избавлена от нашествий, снабжая балканские императорские армии, которые, несмотря на непрерывные атаки, регулярно получали подкрепления с неуязвимого константинопольского плацдарма»²⁸.

Наконец, легкие деньги позволяют элитам ядра выигрывать войны, подавлять освободительные движения и финансировать разбухший государственный аппарат.

3. Мы не в состоянии предвидеть, включение какого из перечисленных факторов предотвратит упадок или замедлит ветшание той или иной империи. Логика деградации не предполагает длительного существования сильного и централизованного государства ядра. Поскольку все империи по определению представляют собой великие державы, окруженные множеством недругов, мы, как правило, не ждем от их соседей заискивания или подобострастия, особенно в периоды спада. Что касается географии, то, хотя имперские государст-

ва могут располагаться в любой части земного шара, обычно они рождаются в самой гуще политического и военного противостояния, а не в забытой богом глуши. Наконец, легкие деньги вообще напоминают астероид: их появление либо вовсе непредсказуемо, либо — в тех случаях, когда во владениях империи внезапно обнаруживаются бездонные залежи нефти, — никакая имперская теория просто не в состоянии полагаться на данный фактор.

В ретроспективе мы, разумеется, готовы объяснить роль каждой «подпорки». Можно, скажем, обосновать советский тоталитаризм коммунистической идеологией, личностью Сталина, императивами запаздывающей модернизации, капиталистическим окружением и так далее²⁹. Относительная стратегическая важность османской Турции представляется очевидной в свете разгоравшегося в XIX столетии соперничества великих держав в целом и «большой игры» в Центральной Азии — в частности³⁰. Живая Австро-Венгрия гораздо лучше отвечала стратегическим целям Германии, нежели Австро-Венгрия мертвая³¹. Выгоды географического положения в основном заключены в наличии естественных преград — таких как горы, реки, пустыни и океаны — на пути потенциальных захватчиков. Эффективное использование природных ресурсов представляет собой совокупный итог геологических или каких-либо иных естественных процессов и экономического развития.

Хотя в «подпорках» империй, как и в поражающих империи шоках, нет ничего мистического, мы не можем в тот или иной момент времени t с определенностью говорить о том, что в точке $t + n$ какая-то дряхлая империя обязательно будет спасена благодаря одному из описанных выше факторов. Наиболее достойным претен-

дентом на такой особый статус следует считать географическое положение — ведь реки, расстояния и океаны не исчезают по мановению руки ученого-конструктивиста, — но даже в этом случае невозможно предугадать, не будут ли подобные препятствия сведены к нулю с помощью технологических новинок или геополитических альянсов. Выгодное расположение Константинополя уберегло его от варваров в V веке, но тысячу лет спустя то же самое местоположение не спасло его от османского нашествия.

4. Поскольку природа всех рассмотренных нами «подпорок» непостоянна, они способны в лучшем случае лишь отсрочить ветшание. Что еще важнее, когда откладывается ветшание на более поздний срок, их действие повышает предрасположенность угасающих империй к краху. Я уже рассуждал о том, как подобная динамика проявляет себя в случае чрезмерно централизованных государств. Они удерживают периферийные элиты под контролем, стимулируя перекачку ресурсов от окраин к центру; тем самым процессы распада заметно ускоряются. Причем в течение долгого времени такое балансирование невозможно. Когда-нибудь противоположные векторы, воздействующие на государство ядра и, разумеется, на имперскую экономику, не позволят одновременно поддерживать жесткий административный контроль внутри страны и высокий уровень извлечения ресурсов за ее пределами. В итоге сверхцентрализация делает империи предрасположенными к дезинтеграции даже при относительно несерьезных кризисах.

Альянсы — или, более обобщенно, выгодное геополитическое соседство — также представляют собой довольно неоднозначное благо. Конечно, под сенью «большого брата» деградирующие империи обретают безо-

пасность, но одновременно они становятся заложниками чужой политики. Такая политика вполне может оказаться мирной, но более вероятно ее воинственность: ведь наибольшее расположение к стареющим империям испытывают именно нарождающиеся экспансионистские державы, поигрывающие мускулами и борющиеся за место под солнцем. В годы Первой мировой войны, по словам Канны, «смирительная рубашка союза с Германией была одним из важнейших факторов, мешающих Габсбургам не только заключить сепаратный мир с западными союзниками, но даже вести любые переговоры на эту тему»³². Хуже того, некоторые союзы способны обострять агрессивность «большого брата» в отношении других государств. Порой из-за них элита ядра деградирующей империи забывает об осторожности, безоглядно полагаясь на то, что могучий союзник всегда поможет исправить политические ошибки³³. По-видимому, как раз такой расчет взял верх в тот момент, когда Габсбурги в июле 1914 года принимали решение об объявлении войны Сербии; тогда «группа политиков, весьма искушенных в управлении государством, сознательно пошла на риск мировой войны, пытаясь выиграть войну локальную»³⁴.

Таким же обоюдоострым мечом представляются и легкие деньги. Спасая империю от деградации и подталкивая государство к ужесточению контроля над периферией в то время, когда разлагаются сами основы имперской власти, легкие деньги ставят империи в жесткую зависимость от возможных перебоев в ресурсных потоках или ценовых скачков³⁵. Например, иранская революция 1978 года, по меньшей мере отчасти, явилась результатом падения цен на нефть, произошедшего незадолго до нее³⁶. Серебро и золото из Нового света поддержали дряхлеющую Испанию, но как только цены из-за пере-

производства обвалились, удача империи закончилась³⁷. Сибирская нефть и газ подкрепили советский режим в 1980-е годы, но по мере того как в мире накапливались излишки сырья, а цены на него шли вниз, естественные ресурсы переставали быть «подпоркой» имперского правления³⁸. Еще более важно то, что легкие деньги, возникающие в силу внезапного обретения кажущихся бездонными богатств, со временем теряют свою ценность, ибо чем их больше — будь то нефтяные, серебряные или деревянные доходы, — тем меньше они стоят.

Выгодное географическое положение в наибольшей степени напоминает безусловную ценность. Скажем, географическая изоляция, в какой находились Соединенные Штаты, являлась выгодным природным феноменом, в то время как простая удаленность от арены противоборства великих держав, выпавшая на долю России, была лишь относительным благом (что-то похожее на французскую «линию Мажино»), неспособным постоянно защищать от войн и конфликтов. Но даже благоприятное местоположение может обернуться во вред империи. Стратегическая ценность изоляции или удаленности очевидна, но их экономические издержки порой превышают выгоды. Экономическая замкнутость ограничивает доступ империи к капиталу, технологии и торговым путям, в перспективе сдерживая ее развитие и снижая конкурентоспособность. Бернард Льюис, например, объясняет длительное отставание Османской империи открытием Нового света и последовавшим за ним перемещением центров экономической активности из Средиземноморья в Атлантику³⁹. Из этой же области известный тезис Анри Пиренна о том, что мусульманское завоевание бассейна Средиземного моря передвинуло политический центр Европы с юга на север⁴⁰.

Шок и его разновидности

В то время как в основе ветшания лежат неформальный характер правления, устойчивое изъятие ресурсов и деградация государства, с коллапсом дело обстоит иначе. Поскольку периферийные зоны деградирующих империй оказываются, *ipso facto*, более автономными, чем до начала процессов спада, перед ними открывается возможность, по крайней мере в принципе, действовать как более или менее полноценные государства. С перифериями рушащихся империй ничего такого не происходит. Некоторые из них в процессе спада оказываются в выигрыше; другие становятся объектами формального правления и насилия со стороны ядра. Так как коллапс означает быстрое и полное разрушение колесообразной структуры империи, он влечет за собой «свободное плавание» ядра и периферийных зон. Спицы этого лишнего оси колеса, *P-C-P*, исчезают, но при этом взаимоотношения типа *P-C-P* отнюдь не заменяются отношениями *P-P-P*, *Z-P-Z* или *P-Z-P*.

Отношения *P-C-P* упраздняются полностью лишь в том случае, если ядро уничтожено или временно пребывает в параличе. Оба упомянутых состояния являются результатом какого-то шока. Аккадскую империю, вероятно, погубило внезапное изменение климата; Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская империи пали в результате мировой войны; империя ацтеков оказалась беззащитной перед болезнями, занесенными на ее земли ничтожной кучкой конкистадоров. В самом деле, состоявшееся в 1519 году прибытие Кортеса явилось для американского континента безусловно экзогенным фактором⁴¹. И хотя в царствование Монтесумы II ацтекская империя находилась на пике

экспансии, ее с легкостью ниспровергли несколько сотен солдат, учинивших в отношении индейцев, используя характеристику Джеффри Конрада и Артура Демареста, «испанский холокост»⁴².

Предпринятое Брайаном Фэганом систематическое исследование того воздействия, которое стихийные бедствия оказывают на политические системы, также подчеркивает теоретическое значение шока: «Средства, которыми социум может реагировать на климатические стрессы, весьма ограничены. Среди них можно выделить: укрепление общественного сотрудничества; хаотические скачки от одного кризиса к другому; сосредоточение власти в руках одного или нескольких лидеров; внедрение инноваций, способных повысить урожайность. Альтернативой всем этим опциям выступает коллапс»⁴³. И хотя теоретически он может быть неизбежным, в реальности становится неминуемым только в тех случаях, когда социальные системы не в состоянии воспользоваться рецептами Фэгана.

Хотя специалисты-естественники собрали довольно обширную информацию о причинах и следствиях болезней, климатических сдвигов и прочих дестабилизирующих природных феноменов, а ученые-обществоведы сформулировали ряд обобщений, касающихся закономерностей социальной сферы, их коллективный разум не внес заметного вклада в теорию имперского упадка. Подобная теория по определению почти не интересуется эпидемиями, ураганами и техногенными катастрофами, исключая констатацию того, что такие события способны влиять на политические системы и являются непредсказуемыми, поскольку их причины лежат за пределами ее концептуального каркаса. Почему возникает системный шок и откуда он исходит — это вопросы, на которые,

может быть, ответит теория революции, но никак не теория империи, особенно структурная. Напомнить о непредсказуемой природе вещей и в качестве моральной поддержки сослаться на теорию хаоса, принцип неопределенности Гейзенберга, теорему Геделя и тому подобное — вот все, на что она способна⁴⁴. (На этом фоне довольно вдохновляющей выглядит гипотеза Эрхарда Беренса, согласно которой определенные математические проблемы могут решаться только случайным образом.⁴⁵) Негативным подтверждением достоверности этой предпосылки служит предпринятый Джеймсом Розену анализ «турбулентности». В нем «крайняя сложность и динамизм» трактуются в терминах такой аналитической основы, которая сочетает в себе макро- и микроперспективу, а также обширный круг акторов, от целых государств до отдельных индивидов, из-за чего эта конструкция, в конечном счете, выливается в «теорию всего»⁴⁶.

Сказанное, разумеется, не означает, что шок представляет собой нечто вроде *dei ex machinis* (от лат. «*Deus ex machina*» — Бог из машины, т.е. неожиданно, непредсказуемо. — Прим. ред.) и что о его вероятности вообще невозможно рассуждать. Хотя с точностью предсказывать землетрясения нельзя, геологи знают, в каких местах их следует ждать в первую очередь. По словам Фэгана, «феномен Эль Ниньо* подобен хаотичному маятнику,

* El Niño (малыш; исп.) — циклическое (раз в 3–4 года) глобальное природное явление, связанное с аномальным повышением (на 6–10°С) температуры поверхностных вод Тихого океана у берегов Эквадора и Перу, которое распространяется на большую часть тропической зоны океана. Вызывает крупномасштабные изменения погоды во всем мире; с ним связаны особенно интенсивные ураганы, тайфуны, засухи, наводнения. Сильнейший за последние 100 лет Эль Ниньо пришелся на 1997–1998 гг.

могучие колебания которого могут длиться месяцами, десятилетиями, столетиями или даже тысячелетиями. Этот маятник неизменно выбирает для себя новый путь, ибо самые минимальные вариации потоков ветра вызывают фундаментальные перемены в его общем курсе. Но в его движениях обязательно присутствует некий подспудный ритм, что-то наподобие лейтмотива, постоянно звучащего в музыкальном произведении»⁴⁷. Примерно ту же мысль передает и Джозеф Тэйнтер: «По мере того как незначительные выгоды, обусловленные сложностью системы, сокращаются, сложность как управленческая стратегия оборачивается все большими и большими затратами. Общество, которое не в состоянии учитывать эту тенденцию, например в пополнении своих энергетических запасов, подвергнется непосильным перегрузкам и потеряет поддержку своего населения. По мере дальнейшего углубления этого процесса математическая вероятность коллапса будет повышаться, ибо со временем непреодолимые проблемы будут возникать все чаще. Но финальной фазе могут предшествовать экономическая стагнация, политический упадок и территориальные потери»⁴⁸.

В этом смысле шок, спровоцированный человеком, может быть столь же непредсказуемым, хотя и не полностью случайным и необъяснимым событием. Таким образом, у нас есть основания для нижеследующих обобщений, которые, вероятно, окажутся весьма полезными.

1. Разновидности шока стоит распределить по нескольким широким категориям: естественные феномены, подобные засухе, эпидемии, падению метеоритов, землетрясению и т.п.; войны и прочие военные конфликты; социально-экономические потрясения, такие как массовые миграции и экономические депрессии; поли-

тические сдвиги, связанные с кончиной харизматического лидера, неудачными реформами, революциями и т.д.

Природные явления, как отмечалось выше, выходят за рамки любой теории империи. Военные конфликты могут рассматриваться в качестве константы, важной составляющей международного окружения, в котором раскрывается любая имперская траектория. Социально-экономические потрясения оказываются столь же перманентным элементом внутреннего развития государств. Политические сдвиги также представляют собой константу, хотя в деградирующих империях более часто происходят революции и восстания. Одним словом, в интересующем нас контексте только первая категория — природные явления — включает по-настоящему экзогенные факторы, в то время как три последующих можно использовать в периферийных разделах теории имперского упадка, а политические изменения вообще следует рассматривать в качестве его функции. Трактующая в подобном свете, теория революции Тэды Скокпол с легкостью переводится в имперский контекст. Неспособность аграрных аристократий модернизироваться этот автор объясняет их классовой структурой. С таким подходом можно согласиться, добавив при этом, что указанная структура является столь косной именно из-за административной автономии, которой периферийные элиты пользуются в любой деградирующей империи⁴⁹.

2. *Ceteris paribus*, следует ожидать, что различные типы шока будут по-разному воздействовать на империи в разных точках имперской параболы. Природные катаклизмы могут оказаться наиболее пагубными в периоды становления или упадка, но не в годы системной стабильности. Чем больший путь по параболе прошла империя, тем более разрушительными будут для нее войны.

Взрослеющие империи выигрывают большую часть войн, в то время как деградирующие империи их в основном проигрывают⁵⁰. Перед социально-экономическим шоком в наибольшей степени беззащитны империи, переживающие упадок, затем идут взрослеющие империи, а самыми защищенными оказываются стабильные империи. Смерть вождя, провал реформ и прочие внутренние потрясения в первую очередь затрагивают деградирующие и взрослеющие империи и только потом — стабильные и хорошо функционирующие. Здесь уместно вспомнить о безвременной кончине Александра Великого, которая, согласно Э.Б. Босуорту, «неизбежно повлекла за собой распад созданной им империи»⁵¹.

3. То, что выступает шоком в отношении одной системы, может не быть таковым для другой. Слабые системы, подобно хроническим больным, порой умирают от элементарного недуга; со здоровыми системами и людьми подобное не происходит. Чем более бодрой является империя, тем катастрофичнее должен оказаться шок, способный отправить ее в небытие. Чем более дряхлым становится имперское государство, тем проще проблема, которая может оказаться для него роковой. Разумеется, таких проблем великое множество. А вот реальных катаклизмов, что бы за ними не стояло, гораздо меньше как по характеру, так и по числу.

4. Из всего изложенного следует, что число событий, способных выступить в роли потенциального шока, возрастает по мере деградации империи. По аналогии мы знаем, что слабые и немощные люди чаще становятся жертвами болезней, несчастных случаев и т.п. — как потому, что их иммунная система ослаблена, так и из-за того, что принимаемые ими лекарства зачастую оказывают воздействие, обратное ожидаемому⁵². В итоге, хо-

тя быстрый и масштабный распад может постигнуть империю в любой точке параболы, наиболее вероятным он будет на нисходящем склоне параболической кривой.

5. Поскольку переживаемый империей спад никогда не бывает всеобъемлющим, шок в разной мере затрагивает различные ее части. Наиболее сильный шок, или катаклизм, может разрушить или ослабить всю имперскую систему, особенно если упадок равномерно распространялся по ее территории. В свою очередь, незначительный шок в различной степени затрагивает империи, находящиеся на разных стадиях спада. Равномерно деградирующие империи рассыпаются более быстро и бесповоротно, нежели те, упадок которых неровен; судьба последних, как нам кажется, ограничивается потерей тех фрагментов территории, которые на момент шока добились наибольшей автономии. В главе 4 будет показано, что именно равномерность (или неравномерность) упадка в значительной степени предопределяет то, сможет ли империя возродиться после постигшего ее коллапса.

6. Поскольку по мере деградации империи перечень опасных для нее шоков растет, вероятность того, что она рухнет вследствие какого-нибудь катаклизма, относительно низка, а вероятность краха из-за менее серьезных причин, напротив, больше. Шанс падения метеорита, естественно, остается, но деградирующей империи следует ожидать коллапса в силу каких-то простых факторов. Например, нашествия варваров, погубившие династию Хань и Рим, не слишком отличались от аналогичных атак, происходивших прежде. Принципиальное значение здесь имела внутренняя слабость имперских государств, их неспособность выдержать шок, с которым в былые времена они справлялись весьма эффективно.

7. Особого внимания заслуживают те разновидности потенциального шока, которые имеют место в отдельном классе деградирующих империй — в тех, ветшание которых было приостановлено. Если империя, вступившая в стадию упадка, избегает ветшания, то ее последующий крах, скорее всего, наступит вследствие шока, который напрямую воздействует на факторы, тормозящие скольжение имперского государства по нисходящей.

Разрушение империи

Обзор причин, повлекших за собой коллапс России Романовых, Германии Гогенцоллернов, Австро-Венгрии Габсбургов, османской Турции и Советского Союза, поможет нам прояснить некоторые из них. Российская империя была втянута в Первую мировую войну, а потом опустошена ею; германский рейх проиграл войну на два фронта. В отличие от них, османская Турция распалась после гораздо менее разрушительной для нее войны, территории Габсбургской монархии вообще не подвергались иностранным нашествиям, а СССР в момент своего развала не воевал вовсе (его вторжение в Афганистан, каким бы кровавым и деморализующим оно ни было, в данном случае не в счет). И все-таки все пять империй прекратили свое существование, исчезнув всего за несколько лет (советский и османский случаи), за год (царства Романовых и Вильгельма) или вообще за недели (государство Габсбургов). Поскольку Романовы и Гогенцоллерны пережили военное поражение, их крах вполне можно понять. Но государства Габсбургов, Османов и Советов не испытывали подобных несчастий, и потому в этих случаях коллапс выглядит довольно странно.

Как мы сейчас убедимся, шок, ниспровергнувший каждую из этих империй, воздействовал в первую очередь на те факторы, которые препятствовали их ветшанию.

Первая мировая война подточила царскую империю в двух отношениях. Первый и наиболее очевидный аспект заключался в том, что война уничтожила Россию как государство. Ее армия не могла соперничать с германской армией, а экономика начала рассыпаться под давлением массовой мобилизации и практически тотальной войны⁵³. В феврале 1917 года на смену царскому пришел новый режим, но империя неуклонно слабела по мере того, как Временное правительство отступало под натиском хаоса, охватившего города и села России. Большевистский переворот также пришелся для империи весьма некстати. Элиты национальных окраин, которые до той поры добивались только автономии, интерпретировали захват власти большевиками как незаконную узурпацию и конец империи *de facto*. Немецкое наступление, первоначальная неспособность большевистского режима распространить власть за пределами «Москва — Петроград» и последующая гражданская война между красными и белыми предоставили национальным меньшинствам дополнительные возможности действовать по-своему⁵⁴. К середине 1918 года почти все нерусские элиты заявили о независимости своих земель; этим благом они пользовались вплоть до 1920–1921 годов, когда, за исключением Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, пали под ударами Красной армии⁵⁵.

Вторым обстоятельством, столь же катастрофическим, стало то, что мировая война покончила с преимуществами России как географически окраинного государства Европы. В отличие от других стран, с самого средневековья бесконечно воевавших с соседями, Московия

была относительно защищена от подобного соперничества⁵⁶. С одной стороны, благодаря географии она пребывала в отдалении от основной зоны конфликтов великих держав — данный факт внес вклад в неудачи шведского короля Карла XII и французского императора Наполеона. С другой стороны, деградирующая Польша служила буфером между Россией и набирающей силу Пруссией. Упразднение польской государственности в конце XVIII века и становление Германии в качестве великой державы в конце XIX века открыли Россию опасностям, идущим с Запада. Но в общеевропейский конфликт эту страну втянула, прежде всего, Первая мировая война, завершившаяся иностранной оккупацией областей, наиболее затронутых упадком, и лишившая имперскую власть способности держать под контролем взбунтовавшуюся периферию.

В отличие от России, Германия кайзера Вильгельма к началу Первой мировой войны была на вершине могущества⁵⁷. Особенно впечатляющим был ее экономический рост, благодаря которому между 1908 и 1913 годами валовой национальный продукт вырос на 25 процентов. В основе немецких успехов лежал заметный прогресс в производстве стали, угля, электроэнергии, а также в химической и тяжелой промышленности⁵⁸. Впрочем, несмотря на это, германский рейх довольно быстро растерял все свои заморские владения: Того, Новую Гвинею и Циндао в конце 1914 года, Юго-Западную Африку — в 1915-м, Камерун — в 1916 году. Хотя мировое противостояние стоило немцам колоссального напряжения сил, победа в Европе сделалась невозможной после вступления в войну Соединенных Штатов, которые решительно изменили экономический баланс не в пользу рейха. Поскольку Австро-Венгрия показала себя не-

надежным союзником, немцам приходилось в одиночку держать фронт в России и на Украине, одновременно отражая атаки англичан, французов и американцев на западе. Ресурсов на это не хватало, и к концу 1918 года военные возможности страны были исчерпаны⁵⁹. Действующая армия была сломлена, а революционные беспорядки в столице привели к смене имперского правления демократическим режимом. В ходе последующей неразберихи фронт окончательно рухнул, и немцы были вынуждены отступить с недавно захваченных территорий на востоке и на западе. Германские войска в Восточной Африке также сдались победителям. После завершения боевых действий униженный и ослабленный рейх лишился всех своих владений, поскольку, согласно мирным договоренностям, у него отобрали колонии в Африке и на Тихом океане, а также некоторые европейские территории⁶⁰.

Все соседи Австрии с середины XIX столетия признавали, что это государство неуклонно теряет жизненную силу. Однако политические императивы требовали, чтобы территории Габсбургов и дальше оставались под контролем Вены, поскольку в противном случае в центре Европы мог образоваться опасный вакуум власти. Весьма характерным для такого восприятия Австрии выступает тот факт, что после знаменитой битвы под Садовой, выигранной Пруссией, Бисмарк не стал занимать Вену и не тронул земли австрийской короны⁶¹. Рассматриваемый в этом свете австро-германский альянс 1879 года лишь подтвердил особое геополитическое положение Австро-Венгрии и, в частности, ее важность для Германии. Габсбургская монархия получила «лицензию на жизнь», гарантируемую всей немецкой мощью. Согласно той же логике, последующее поражение Германии предвосхи-

тило крах Австро-Венгрии⁶². Обескровленная войной и лишившаяся своего покровителя, уже давно деградирующая империя рассыпалась на регионы и области, элиты которых и без того почти не считались с Веной.

В отличие от Австро-Венгрии, Османская империя в XIX столетии существенно обветшала; вместе с тем рухнули оба государства одновременно — после Первой мировой войны. Война истощила отсталую имперскую экономику и подорвала военную мощь Османов, но их государство не подвергалось такому жестокому опустошению, как Российская империя. Это означает, что его коллапс ускорили какие-то иные причины. Османская империя, напоминая в данном отношении Австро-Венгрию, выживала лишь потому, что ее геополитическое окружение нуждалось в этом «большом человеке Европы». Мировая война с таким окружением покончила; что еще более важно, она уничтожила «центральные державы», которые напрямую поддерживали Константинополь. Только после проигрыша Германии и развала Австро-Венгрии турки, под давлением националистов Мустафы Кемаля, отказались от собственной династии и империи⁶³.

Советская империя простояла так долго благодаря тоталитарной природе партии-государства, сумевшей выработать такую изощренную систему подготовки кадров и контроля, которая позволяла ей удерживаться на плаву даже в 1970-е и 1980-е годы, когда упадок приобрел угрожающие масштабы⁶⁴. Тоталитаризм накрепко привязывал периферию к ядру, невзирая на чудовищные экономические издержки такой политики. Но к концу правления Леонида Брежнева деградация империи прошла ту точку, после которой тоталитарная система больше не могла воспроизводить и поддерживать се-

бя⁶⁵. Реформы Михаила Горбачева были задуманы для спасения системы, но вместо этого перестройка погубила империю. Ренео Лукич и Ален Линч довольно точно описывают разрушительный эффект горбачевской политики: «Пытаясь преодолеть утвердившееся после Сталина сосредоточение реальной власти в руках коммунистических лидеров союзных республик и стремясь сделать КПСС главным проводником структурных реформ, Горбачев добился прямо противоположных результатов: общесоюзная партия прекратила свое существование, а в республиках сформировались националистические движения и институты, выдвинувшие альтернативу советскому коммунизму и его реформированию. Желая обновить коммунистическую партию, большинство членов которой либо не воспринимало, либо отвергало его реформаторские начинания, Горбачев вместо этого вывел из игры единственный в Советском Союзе политический институт, имевший наднациональную основу. В то же время, удерживая реформистов в жестких рамках, заданных партией, поощряя при этом невиданную в советской истории степень политической свободы, Горбачев сделал невозможным создание какой-либо наднациональной замены уходящей Коммунистической партии Советского Союза»⁶⁶.

Нападая на партию в обстановке ускоряющегося упадка и националистической мобилизации местных коммунистов, Горбачев разрушил ее организационное господство в странах Восточной Европы и союзных республиках⁶⁷. В результате, как отмечает Валери Бунс, «жестко интегрированная структура блока привела к тому, что перемены в Советском Союзе, политические или кадровые, незамедлительно распространялись на всю Восточную Европу. Это происходило независимо от же-

лания советских вождей и порой в такой форме, которую они не могли ни ожидать, ни приветствовать. Иными словами, в силу устройства блока процессы, происходившие в Советском Союзе, по мере их распространения на запад усиливались»⁶⁸. Как только тоталитаризм был демонтирован, имперское правление, основанное на тотальном контроле, начало разрушаться.

Моя позиция лишает Горбачева потенциального статуса исторического героя и рассматривает его в качестве благонамеренного, но несчастного руководителя, нечаянно подтолкнувшего крах СССР. Некоторые специалисты, например Арчи Браун⁶⁹, не согласятся с такой оценкой, но совершенно очевидно, что у Горбачева и в мыслях не было разваливать вверенное ему государство; кроме того, он четко представлял себе взрывоопасную природу национального вопроса в стране⁷⁰. Воспринимаемый в таком свете, Горбачев весьма напоминает сумасбродного Никиту Хрущева: оба лидера пытались преодолеть вскрытые Карлом Дойчем недуги такими методами, которые, несмотря на всю свою позитивную интенцию, оказались явно дестабилизирующими. Различие двух ситуаций определяется разным состоянием системы. В конце 1950-х и начале 1960-х годов советская империя была могучей и грозной. А в середине 1980-х она только что вышла из «эпохи застоя»⁷¹. В условиях, подобных этим, любая реформа оказалась бы летальной.

Обобщая, можно сказать, что поразивший царскую Россию катаклизм был одновременно предельно разрушительным и крайне пагубным в плане ее географической изоляции. Ее коллапс был предопределен. В свою очередь, Германия проиграла в Первой мировой войне, из которой вышла относительно невредимой, но безоговорочно вверившей себя милости победителей, отоб-

равших у немцев все колонии. Австро-венгерский альянс с Германией означал, что ее поражение повлечет за собой крах государства Габсбургов. Война ослабила и Османскую империю, а ее блокирование с проигравшей стороной лишило эту страну геополитической привлекательности как для разгромленных «центральных держав», так и для Тройственного союза. Наконец, перестройка в СССР подорвала основы чрезмерно централизованного тоталитарного государства и, тем самым, разрушила советскую империю.

Вариации

Рассматривая в главе «Подпорки империй» факторы, я исходил из того, что они в равной степени поддерживают все империи. Но мы знаем, разумеется, что некоторые части империи могут находиться в большей изоляции, чем остальные, что поток легких денег иногда прерывается, что геополитическое окружение для одних регионов является более благоприятным, чем для других, и, что наиболее важно, действие гиперцентрализованной власти бывает неравномерным. В результате, подобно тому как неравномерная деградация разных империй влечет за собой различные последствия, разная степень вмешательства поддерживающих факторов производит неодинаковый эффект.

Давайте рассмотрим различия, проявившиеся в распаде Австро-Венгрии, Российской империи и Советского Союза. Деградация империи Габсбургов протекала более или менее плавно, а союз с Германией не отражался на ее территориальных пределах. В итоге распад имперской системы произошел буквально за одну ночь

— в начале ноября 1918 года. Проживавшие в Австро-Венгрии немцы, чехи и словаки основали собственные республики, венгры втянулись в гражданскую войну, южные славяне получили полноценную государственность, а поляки и украинцы начали спорить из-за Галиции. Степень сумятицы и хаоса менялась от региона к региону, а более или менее стабильные государства появились только к 1919–1920 годам, но, тем не менее, довольно быстрое и всеобъемлющее исчезновение власти Габсбургов следует признать неоспоримым⁷².

В царской России, напротив, те области, которые в качестве имперской периферии пользовались максимальной автономией, долго были оккупированы германскими и австрийскими войсками и более других ощутили на себе разрушения и потери военных лет, оказались наиболее склонными к отделению, успешно ими осуществленному. Таким образом, география имперского упадка сочеталась с географией войны; в силу этого процессы распада в различной степени затронули разные части империи. Например, Финляндия даже в царское время располагала различными атрибутами государственности, включая собственный парламент и конституцию, а в военное время благодаря своему местоположению избежала повторной оккупации русскими. Балтийским государствам, которые, по идее, не смогли бы выдержать натиск Красной армии, просто повезло: зачатки политических институтов на их территории были созданы немецкой элитой, их оккупировала германская армия, и они находились достаточно далеко от юго-востока России, где разворачивались главные события Гражданской войны. Наконец, Польша на протяжении XIX столетия сохранила свою политическую, культурную и социальную элиту и, благодаря германскому правле-

нию, в военные годы сумела подготовиться к независимости. В свою очередь, такие минимально затронутые разложением регионы, как Украина и Белоруссия, имели несчастье быть обескровленными войной, а неформально управляемым Хивинскому ханству и Бухарскому эмирату просто некуда было податься, и потому они вынуждены были сдаться большевикам⁷³.

В советской империи неравномерным был не только упадок, в наибольшей степени затронувший государства Восточной и Центральной Европы, а в наименьшей — нерусские советские национальные республики. Тоталитарное правление тоже проявляло себя по-разному: социалистические государства Европы были подвержены ему слабее, тогда как нерусские республики, напротив, сильнее. Как и следовало ожидать, страны Центральной и Восточной Европы добились подлинной независимости в 1989 году, во многом благодаря национальному подъему, а нерусским республикам пришлось дожидаться краха СССР, последовавшего через два года. Причем, по меньшей мере с 1960-х годов, восточноевропейские сателлиты Советского Союза пользовались полуавтономным статусом, в рамках которого Польша, Венгрия, Югославия, а также (в меньшей степени) Чехословакия смогли развить ключевые элементы государственности, гражданского общества, рыночной экономики, верховенства закона⁷⁴.

Нерусские республики тоже были затронуты упадком в неравной мере. Прибалтийские территории еще с 1960-х имели довольно широкую автономию; в то время они превратились в площадку для общесоюзных экспериментов в социальной, экономической и политической сфере, обычно связанных с перераспределением полномочий. Более того, войдя в состав СССР только в годы

Второй мировой войны, они до этого в течение двадцати лет сохраняли независимость и избежали наихудших эксцессов сталинского террора⁷⁵. Неудивительно, что именно прибалтийские народы возглавили борьбу за национальное освобождение, а после 1991 года выступили пионерами политических и экономических реформ. В отличие от них, среднеазиатские республики в советский период почти не знали автономии, а на пути к независимости и в последующем реформировании проявили наибольшую робость. Наконец, занимающие промежуточное положение Украина, Молдавия и республики Кавказа в своем стремлении к независимости явно опережали Среднюю Азию, но заметно отставали от Прибалтики и Восточной Европы⁷⁶.

После коллапса

В отличие от ветшания, которое неотвратимо разъедает имперское государство, сводя его размеры к миниатюрному базовому ядру, коллапс отнюдь не обязательно приводит к концу империи. Об этом мы знаем эмпирически, но тот же вывод можно сделать и из более пристального изучения того, как крах отражается на имперском будущем. Так или иначе, но коллапс наступает в тот момент, когда ядро становится настолько слабым, что больше не в состоянии играть роль осевой основы имперского колеса. Шок может настолько раскачать систему, что взаимоотношения между ее частями просто прерываются. По мере того как имперские спицы «выпадают», периферии оказываются предоставленными сами себе и становятся формально независимыми политическими образованиями. Но формальная независи-

мость еще не означает исчезновения империи как системы. «Границы социальных систем, — пишет Раймондо Страссолдо, — не только пространственны, но и функциональны; общественная система существует до тех пор, пока ее компоненты ведут себя определенным образом и сохраняют определенные атрибуты. Как только ценностные или нормативные вариации выходят за критическую черту, система испытывает стресс, разрушается и превращается в нечто иное»⁷⁷. Поскольку шок, рождающий коллапс, предстает в разных обликах, от катаклизма до элементарной проблемы, и поскольку поражаемые шоком империи могут пребывать в разных точках парабол Таагеперы, у нас нет оснований для предположений о том, что поведение и атрибуты ядра и периферии после шока обязательно изменятся, а отношения *P-C-P* прервутся навсегда. Известно, что шок либо приводит, либо не приводит к краху. В свою очередь, крах не всегда означает уход империи в небытие. Имперская система, подобно пациенту в критическом состоянии, способна к реабилитации⁷⁸.

IV

Возрождение империй

Структурная теория не может предсказывать, какая из рухнувших империй впоследствии возродится; она способна только выделить структурные условия, которые делают возрождение возможным и вероятным. Занимаясь этим, ей не приходится выходить за пределы своей предметной области и, тем самым, нет необходимости затевать флирт с «теориями всего». Как правило, коллапс обусловлен случайным вмешательством шока, который ставит имперскую систему, какой бы мощной или ослабленной она ни была, на грань выживания. Возрождение, напротив, отнюдь не дается свыше; оно наблюдается лишь в тех случаях, когда рассыпавшиеся империи на момент шока обладали вполне определенными характеристиками. В итоге имперское возрождение представляет собой не просто возвращение к прежнему *status quo* («положение, в котором», существующее положение. — *Лат.*). Возрождение — это воссозда-

ние того состояния, которое *имело бы место*, если бы не шок. Как известно, этот контрфактуальный подход окажется продуктивным лишь в том случае, если будет поддержан соответствующей теорией. Такова теория имперского упадка, изложенная в моей книге.

Как доказывается в настоящей главе, необходимым условием возрождения является сравнительно сильная государственность ядра, а глубина упадка и целостность страны выступают в роли сопутствующих условий. Иначе говоря, возрождение невозможно, если упадок зашел слишком далеко или если при минимальной его степени государство ядра оказывается слабым. И наоборот, возрождение весьма вероятно там, где упадок был довольно ровным, а территория страны монолитна. И хотя мои размышления о последствиях коллапса империй Габсбургов, Османов, Романовых, Гогенцоллернов и Советов вполне естественным образом подтверждают мои теоретические ожидания, — в конце концов, это последняя глава и провокационные выводы выступают здесь делом чести, — я хотел бы подчеркнуть, что впечатление неизбежности предсказываемого здесь исхода обеспечивается сугубо стилистически, а не имеет причинно-следственного обоснования.

Условия возрождения

В отсутствие существенных признаков разложения и, как обычно, *ceteris paribus*, мы рассчитываем на то, что бывшее ядро будет обладать полноценным государством, предполагающим наличие искушенной национальной элиты, профессионального бюрократического аппарата, дееспособной армии и полиции. Мы также ожида-

ем, что все периферийные зоны окажутся, в лучшем случае, тем или иным приближением к настоящей государственности. Являясь имперскими аванпостами, они испытывают бесспорную нехватку элементов, необходимых для подлинного государства в веберовском смысле. Здесь имеются только слабые элиты, неопытные администраторы и, возможно, какие-то зачатки аппарата принуждения. В ситуациях прогрессирующего упадка государство ядра окажется существенно слабее, в то время как периферийные образования в большей степени уподобятся настоящим политиям¹. Следовательно, в империях, затронутых упадком в минимальной степени, бывшему ядру в сравнении с бывшей периферией присуща большая «государственная состоятельность». И напротив, в империях, разложение которых зашло достаточно далеко, признаки государственности равномерно распределяются между ядром и периферией². Поскольку возрождение основывается на способности бывшего ядра доминировать над бывшей периферией, минимальный упадок по очевидным причинам является обязательной предпосылкой воссоздания империи³.

Иначе говоря, относительная государственная состоятельность ядра исключительно важна. Упадок может зайти далеко, и бывшие участки периферии могут обрести многие признаки государственности, но при этом бывшее ядро, особенно большое и богатое ресурсами, по-прежнему будет диктовать периферии правила политического поведения⁴. Едва ли возможно предсказать, насколько крупным и могущественным ядро окажется на момент коллапса; безусловно, нельзя исключать ситуаций, когда оно, в сравнении с периферией, будет слабым или относительно маленьким. Но при прочих равных условиях крупные и богатые государства

бывшего ядра будут обладать более широкими возможностями по доминированию над бывшей периферией. Таким образом, мощное ядро является функциональным эквивалентом минимального упадка.

В сочетании с моими комментариями, касающимися степени упадка, все эти реалистичные наблюдения позволяют классифицировать взаимоотношения ядра и периферии в постимперский период следующим образом.

- I. Мощное ядро с неблагоприятными периферийными зонами.
- II. Мощное ядро с благополучными периферийными зонами.
- III. Слабое ядро с благополучными периферийными зонами.
- IV. Слабое ядро с неблагоприятными периферийными зонами.

Комбинация мощного ядра и неблагоприятной периферии (I) почти наверняка повлечет за собой восстановление имперских связей. В такой ситуации можно ожидать, что бывшее ядро сохранит доминирование над бывшей периферией, периферийные зоны останутся в зависимости от бывшего ядра, а их шансы на объединение, уравновешивающее притязания ядра, или даже на простое сотрудничество между собой будут минимальными. Подобная структурная конфигурация предрасполагает к полному восстановлению империи. Возрождение имперской государственности возможно и в тех случаях, когда сильному ядру противостоят благополучные сегменты периферии (II), но точно определить степень вероятности такого исхода не представляется возможным. В зависимости от того, насколько крепким остается ядро и как далеко

зашел спад, можно представить целый ряд вариантов, начиная от подчинения периферии ядром и заканчивая постоянным соперничеством сторон, сосуществующих в рамках содружества. Две оставшиеся комбинации препятствуют имперскому возрождению. Слабое ядро и благополучные периферийные зоны (III) будут, скорее всего, взаимодействовать как независимые государства. А слабое ядро и столь же слабая периферия неминуемо отдалятся друг от друга, причем ядро сохранит свою независимость, а периферийные зоны, возможно, не смогут этого сделать, попав под гегемонию других держав.

Хотя восстановление империй в полном объеме наиболее вероятно в тех случаях, когда могущественное ядро нависает над ослабленной периферией (I), возможность имперского возрождения сохранится и в ситуации, противопоставляющей сильному ядру не менее сильную периферию (II). В последнем случае, правда, необходимо, чтобы упадок шел неравномерно, а территория империи не была разорванной.

В связи с тем, что в неравномерно деградирующих империях некоторые участки периферии будут более затронуты спадом, нежели другие, следует ожидать того, что неформально управляемые периферийные зоны проявят большую расположенность к государственному строительству в сравнении с теми, которые управляются формально. Кроме того, первые из них более приспособлены к экономическому развитию, сбору и обработке информации, сосредоточению ресурсов. В целом, подобно тому как наименее деградировавшие империи в наибольшей степени проявляют способность к восстановлению, те части таких империй, которые минимально затронуты спадом, имеют больше шансов вернуться в имперское лоно, чем все остальные.

Территориальная целостность и сопредельность представляют собой еще одно условие, способствующее частичному или полному возрождению имперской государственности. Постимперские границы, скорее всего, станут всего лишь линиями административного размежевания, а не настоящими границами, отделяющими один комплекс политических и экономических институтов от другого. В итоге более или менее целостная сеть учреждений продолжит функционировать поверх границ⁵. Поскольку в период империи ядро насаждает на периферии собственные институты, здесь наблюдаются распространение и даже укоренение присущих ядру экономических, политических, социальных практик. Впрочем, периферийные установления и конвенции тоже могут усваиваться ядром. Институциональное взаимопроникновение выливается в смешение народов, по крайней мере вдоль административных границ между ядром и периферией. Обитатели периферийных зон переселяются на территорию ядра, а жители центральных областей переезжают на периферию, где они могут выступать в роли проводников имперского влияния⁶.

Различные комбинации распространения и глубины упадка по-разному скажутся (при неизменном могуществе ядра) на вероятности имперского восстановления. Так, равномерно распространившийся и при этом глубокий упадок воспрепятствует такому исходу. Напротив, столь же равномерная, но поверхностная деградация способствует полному возрождению, в то время как спорадический, но далеко зашедший упадок позволит восстановить взаимоотношения имперского типа между бывшим ядром и теми периферийными участками, которые в наименьшей степени подверглись деградации. Наконец, неравномерно распределяемый минимальный

упадок сделает весьма вероятной частичную реконструкцию империи. Если она территориально монолитна, то частичное ее возрождение окажется «более возможным» в условиях неравномерного и глубокого упадка и «весьма вероятным» при неровном и неглубоком спаде. В случае разорванных империй частичное восстановление станет «менее возможным» в условиях равномерной и глубокой деградации и «менее вероятным» — в ситуации равномерно распределенного минимального упадка.

Все четыре фактора — глубина спада, его равномерность, относительная сила ядра, а также целостность имперской территории — находятся в комбинации друг с другом. При известном их сочетании новые взаимоотношения между территориально прилегающими участками бывшей периферии и бывшим ядром практически полностью будут соответствовать тем условиям, при которых, согласно Майклу Дойлу, могущественная метрополия, уязвимая периферия, внешние силы и благоприятное международное окружение обеспечивают имперское покорение периферии метрополией⁷. Следовательно, вероятность полного имперского возрождения оказывается высокой, когда спад не слишком существен и к моменту краха равномерно затрагивает все имперские владения, относительное могущество государства ядра велико, а сама империя территориально монолитна. Полное возрождение — а точнее, любая разновидность возрождения — остается возможным, но менее вероятным, если деградация зашла слишком далеко и распределяется равномерно, государство ядра ослаблено, а территория империи разорвана.

Естественно, любая комбинация предполагает также бесчисленное множество промежуточных вариантов. Так, отсутствие признаков упадка всего лишь в двух из не-

скольких участков периферии, граничащих с ядром, в сочетании с сохранением этим ядром своего могущества, может повлечь за собой восстановление определенной части бывшей империи. И напротив, глубокая деградация целостной империи, с одной стороны, и сохраняющее силу ядро — с другой, отнюдь не означают неминуемого возрождения империи, но могут вылиться в нестабильные взаимоотношения бывшего ядра с бывшей периферией.

Реимпериализация

Каким образом рассмотренные нами модельные случаи соотносятся с изложенными выше прогнозами? Нижеследующий раздел показывает, как интересующие нас четыре фактора проявляли себя после разрушения империй Габсбургов, Османов, Романовых, Гогенцоллернов. Известно, что в первом и втором случаях возрождения империй не последовало, в третьем империя, по существу, удалось восстановить, а в четвертом была предпринята неудачная попытка возрождения. Хотя совокупный баланс не идеален, на него вполне можно опереться, поддерживая нашу теорию и применяя ее в постсоветском контексте.

Австро-Венгерская и Османская империи

На протяжении истории Габсбургов упадок в разной степени затрагивал коронные земли, но в целом наиболее склонными к автономизации были Венгрия, Хорватия и Словения, а также Ломбардия. В наименьшей сте-

пени процессы разложения касались Богемии, Моравии и Галиции. Конституционный компромисс 1867 года (*Ausgleich*) закрепил упадок, наделив Венгрию особым статусом в ее взаимоотношениях с Австрией. Вскоре после этого чешские националисты стали настаивать на автономии для Богемии, польская знать усилила свои позиции в Галиции, и империя начала приобретать все более неформальный характер даже в пределах Цислейтании⁸. В результате к началу Первой мировой войны распад уже зашел довольно далеко. Наконец, австро-венгерское государство представляло собой сплошное, неразрывное целое с 1860-х годов, когда от империи отложились некоторые бельгийские, немецкие и итальянские владения.

Деградация Османской империи шла сходным образом. Вершины своего могущества она достигла в XVII столетии. После этого начали проявляться первые признаки разложения, в частности, внедрение неформальных способов правления. В XIX веке эти процессы привели к ветшанию государства, в ходе которого одни имперские владения получили независимость — наиболее ярким примером здесь стал Египет, а другие — Тунис, Ливия, острова Додеканес — были отданы разным странам. Территории, остававшиеся под владычеством турок, в частности Ливан, Сирия, Сербия, Черногория, румынские княжества, все более превращались в вотчины периферийных элит⁹. Кроме того, территория империи была «разорванной»: периферийные зоны располагались далеко от ядра, а расстояния усугублялись естественными препятствиями типа пустынь, горных массивов, водных пространств.

Находясь в момент своего краха в 1918 году на нисходящем склоне параболы, державы Габсбургов и Ос-

манов демонстрировали относительно низкий уровень государственности на территории непосредственно Австрии и Турции. В Австро-Венгрии разложение достигло такой степени, что после заключения компромисса 1867 года Венгрия фактически превратилась во второе ядро. В последующие десятилетия Богемия и Моравия не только обзавелись широкими политическими правами, но и стали главной движущей силой экономического развития империи. Таким образом, к 1918 году Австрия, Венгрия и Чехословакия занимали более или менее равные позиции в качестве мини-государств, равномерно наделенных ресурсами¹⁰. Турция Кемалья Ататюрка была более крепкой в государственном смысле, сумев отстоять свой суверенитет перед лицом военной интервенции со стороны Тройственного союза и Греции. Вместе с тем турецкая элита оказалась не в состоянии выправить тот невыгодный геополитический баланс, который между двумя мировыми войнами стал итогом нестабильности в регионе. К югу от турецких границ находились владения Великобритании и Франции; на севере простирался Советский Союз; на западе располагались государства, возникшие в ходе успешной освободительной борьбы с турками в XIX и XX веках¹¹.

Российская империя

В России имперское правление было довольно разнообразным. На территориях, приобретенных в XVII и XVIII столетиях (Казанское и Астраханское ханства, Белоруссия, Малороссия), оно оставалось в основном формальным. На землях более поздних приобретений — в Польше, Финляндии, на Кавказе, в Бухаре и Хиве, где ме-

стная знать, эмиры и ханы выполняли функции периферийных элит, — оно были скорее неформальным¹². Как и держава Габсбургов, империя Романовых также пережила разложение, но здесь распространенность и глубина деградации были не такими, как в Австро-Венгрии. Кроме того, пространства империи были в высшей степени неоднородны; некоторые куски периферии буквально «наползали» на ядро, в то время как другие находились на значительном расстоянии от него.

По сравнению с нерусскими государствами, объявившими о своей независимости в 1918–1919 годах, большевистская Россия, на территории которой располагались главные города и промышленные объекты империи, превосходила их в плане военной мощи, качества элит, объема ресурсов¹³. Неудивительно, что в 1918–1921 годах коммунисты без труда справились с большей частью нерусских националистов. Как уже отмечалось в главе 3, в тех регионах, где государственное строительство было поддержано германской и австро-венгерской интервенцией, а также где фронтовые разрушения оказались умеренными, периферийные зоны преуспели в отстаивании своей независимости. А вот там, где такие благоприятные обстоятельства отсутствовали, нерусские государства с легкостью сдавались большевикам¹⁴.

Германская империя

В Германской империи упадок был столь незначительным, что им можно вовсе пренебречь. Имперское государство немцев образовалось лишь в 1871 году. В последующие сорок лет страна пережила впечатляющий индустриальный и военный подъем, консолидиро-

вав свою государственность, установив жесткий контроль на славянских границах и распространив имперское правление на африканские и тихоокеанские земли. Германия была империей на подъеме, а не в упадке¹⁵. Но при этом она одновременно была весьма монолитной в своей европейской части и разорванной благодаря заморским колониям.

Находясь на подъеме, империя кайзера Вильгельма завещала немалое могущество послевоенной Германии. Первая мировая война лишила страну Камеруна, Того, Юго-Западной Африки, Восточной Африки, Новой Гвинеи, Циндао, Эльзаса и Лотарингии, а также ряда прусских и польских земель, но при этом государство ядра и его эффективные институты сохранились в неприкосновенности. Более того, несмотря на чудовищные репарации и послевоенную инфляцию, экономическая база также осталась внушительной. До войны Германия была флагманом европейской экономики, причем ее предприятия практически не пострадали. Заметно сократилась лишь военная мощь. Как отмечает Андреас Хильгрубер, «невзирая на жестокое поражение 1918 года, Германия по-прежнему была сильнейшей державой Европы в экономическом, а потенциально и в военном, отношении. При ретроспективном взгляде очевидно, что у германского государства имелись все возможности для возвращения на позиции, утраченные в Первой мировой войне»¹⁶. Хотя государственность Германии в межвоенный период оставалась крепкой, в данном отношении с ней вполне могли равняться многие соседи. В военном же смысле некоторые из них, индивидуально или коллективно, даже опережали немцев¹⁷. Франция и Великобритания оставались имперскими державами, Польша и Чехословакия в деле

строительства эффективного государства воспользовались политическим капиталом, нажитым в период автономии в рамках России и Австро-Венгрии, а Советский Союз в силу своей тоталитарной природы был способен к мобилизации значительных ресурсов¹⁸.

Таблица 4.1

Вероятность возрождения империи

	<i>Габсбурги</i>	<i>Османы</i>	<i>Романовы</i>	<i>Гогенцоллерны</i>
Степень упадка	Высокая	Высокая	Средняя	Низкая
Равномерность упадка	Высокая	Высокая	Низкая	Высокая
Могущество ядра	Низкое	Низкое	Высокое	Среднее
Монолитность	Высокая	Низкая	Средняя	Средняя

Как свидетельствует таблица 4.1, рассматриваемые здесь империи скорее более, нежели менее, вписываются в изложенную схему. Я уже говорил о том, что вероятность возрождения будет наивысшей в тех случаях, когда глубина упадка невелика, а его равномерность, мощь ядра и территориальная монолитность относительно высоки. И напротив, воссоздание империи кажется наименее вероятным там, где глубокий упадок равномерно распространяется по имперским владениям, государство ядра слабо, а территория империи разорвана. Разумеется, в ситуациях, когда перифериям удается извлечь выгоду из значительной и равномерной деградации, а бывшее ядро не является великой державой, империя не возродится. Исходя из этой логики, послевоенная Австрия и Турция не могли возобновить экспансию, поскольку дисбаланс государственной власти между ядром и периферией, представляющий собой необходимое условие имперского бытия, отсутствовал. Послевоенная Россия, наоборот, по уровню государст-

венности превосходила почти всех соседей, особенно тех, кто граничил с ее ядром. В подобных обстоятельствах восстановление империи в высшей степени вероятно, хотя и не предопределено заранее.

Правда, послеимперское развитие Германии оказалось гораздо более сложным, чем предполагает наша схема. Ключевым пунктом этого процесса стал подъем нацистской партии, возглавляемой Адольфом Гитлером. Экспансия нацизма вышла далеко за пределы имперского возрождения, хотя и представляла собой типичный случай империалистической экспансии¹⁹. Из материалов моей таблицы видно только то, что попытка возрождения (а быть может, и экспансия), была возможной и вероятной, учитывая всю сложность взаимоотношений бывшего ядра и бывшей периферии между двумя мировыми войнами²⁰.

Есть фактор, который занимал особо важное место в аргументах немецких экспансионистов и в стимулировании имперского возрождения, — это монолитность. Из-за послевоенной конфигурации границ значительное число этнических немцев оказалось в западной части Польши, Богемии, Моравии и Австрии. В научном и идеологическом дискурсе Германии их общины представляли в виде диаспоры, нуждавшейся в незамедлительном спасении путем аннексии соответствующих территорий²¹. И хотя моя теоретическая схема не занимается данной трансформацией, она позволяет предположить, почему такое случилось. Все немецкие меньшинства проживали непосредственно у границы с Германией. Выступая в качестве «братьев по крови», они укрепляли трансграничные контакты и трансграничное влияние Германии. Возглавляемая Конрадом Геленом Судетская немецкая партия, подобно Нацистской пар-

тии Австрии, служит хорошей иллюстрацией этого пункта: обе организации поддерживались и финансировались Национал-социалистской рабочей партией Германии, выступали за присоединение Австрии к Германии (*Anschluss*) и способствовали нацистской экспансии²².

Следствия данного анализа для постсоветской России вполне очевидны. Во-первых, советский имперский упадок был глубоким, но неровным. Он серьезно затронул политические системы восточноевропейских сателлитов СССР и почти не коснулся нерусских республик. Во-вторых, невзирая на многочисленные трудности, постсоветская Россия сохранила громадный государственный потенциал. В-третьих, целостность ядра способствовала прозрачности границ, взаимопроникновению институтов, а также активности русских меньшинств в новых независимых государствах. Поскольку условия, сложившиеся в постсоветской России, весьма напоминали российский контекст после Романовых и немецкий после Гогенцоллернов, у нас есть все основания ожидать частичной реимпериализации бывшего Советского Союза.²³

Упадок Советов

Прежде всего, остановимся на глубине и равномерности упадка, рассматривая его в качестве производной от соотношения имперского и тоталитарного правления (схема 4.1). Если проанализировать состояние России и ее ближайших соседей с точки зрения предрасположенности к государственному строительству и обладания ресурсами, то политические образования, возникшие на месте советской империи, распадаются на четыре отчетливые категории.

Схема 4.1

Постсоветские институциональные устои

Первую группу составляют государства, входившие в сферу неформального правления СССР в Центральной и Восточной Европе. Тоталитарный и имперский дух был присущ им в наименьшей степени и, добившись в 1989 году независимости, они оказались максимально готовыми к независимому существованию. В целом эти страны располагали более или менее совершенным государственным аппаратом, бюрократией, элитами, армией, полицией, судом, относительно устойчивой экономикой, а также широким спектром автономных, хотя еще и не оформившихся в качестве полноценного гражданского общества, социальных институтов²⁴.

В другие три группы входят остатки формальной империи — нерусские республики, прибалтийские государства и регионы РСФСР. В нерусских республиках имелись собственные коммунистические партии, бюрократия, атрибуты символического суверенитета, но вот эффективного государственного аппарата им не досталось²⁵. Их чиновничество было бесформенным; их министерства были неуконплектованными или существовали лишь на бумаге; их кадры, обученные выполнять прика-

зы из Москвы, были чем угодно, только не эффективной элитой. Как я уже отмечал в главе 3, Эстония, Латвия и Литва занимали промежуточное положение между неформально управляемой Восточной Европой и формально управляемыми нерусскими республиками Советского Союза. Наконец, РСФСР в советское время оставалась конгломератом образованных по этническому признаку регионов, представляя «империю внутри империи». Этнические регионы РСФСР избежали коллапса и напоминали бледные копии нерусских республик СССР. Подобно последним, у них также не было своего государственного аппарата. Кроме того, они не располагали и собственной политической элитой, поскольку республиканские коммунистические партии здесь отсутствовали²⁶.

Будучи ядром, сама Россия пребывала в совершенно особой категории. Хотя ей в наследство достался имперско-тоталитарный государственный аппарат и прежние элиты, новое государство несло на себе отпечатки деформаций советской эпохи. Бюрократия, укомплектовавшая центральные министерства, была слишком громоздкой и неприспособленной для решения новых, неимперских и нетоталитарных задач. Среди государственных институтов, перешедших из советского периода, выделялись по-прежнему всемогущие спецслужбы и армия, которые благодаря слабости прочих органов власти пользовались непропорционально большим влиянием²⁷. И хотя за ними стояла Москва, центральные государственные учреждения практически не контролировали деятельность элит и властных институтов в отдаленных русских регионах²⁸. Во времена Брежнева тоталитарный упадок ослабил связи типа *P-C-P*, а последующий коллапс империи и вовсе их разо-

рвал. Этот недостаток усугублялся еще одним пережитком имперской эры — этническим характером российского федерализма²⁹.

Два дополнительных фактора способствовали сохранению сложившегося национально-территориального устройства России. Во-первых, в огромной стране со слабо развитыми коммуникациями и транспортной сетью расстояния эффективно защищали регионы от постимперского государства с центром в Москве. Саха-Якутию, например, отделяют от столицы тысячи километров. Татарстан и Башкортостан в географическом отношении были гораздо ближе к центру, но также отгораживались от московского влияния скверными дорогами. Второй из упомянутых факторов имел экономическую природу. Хотя центральный аппарат в Москве был огромен, его ресурсная база была слабой. Он почти не имел собственных доходов, и после краха империи был вынужден более интенсивно извлекать ресурсы из регионов страны. Многие этнические образования, напротив, отличались изобилием ресурсной базы. В Татарстане и Башкортостане имелись большие запасы нефти; Саха-Якутия славилась своими алмазами и другими полезными ископаемыми³⁰. Хотя национальные республики не обладали полноценной государственностью, их элиты имели доступ к легким деньгам, которые можно было вкладывать в государственное строительство.

Русская мощь

Принято считать, что Россия безнадежно слаба³¹. Разумеется, в сравнении с Соединенными Штатами она предстает страной «третьего мира», обладающей ядер-

ным оружием. Но для соседей Россия по-прежнему остается военной сверхдержавой и экономическим гигантом³². Казалось, первая чеченская война (1994-1996 гг.) стала, используя выражение Анатоля Ливена, «надгробным памятником русскому державному могуществу»³³. Но вторая война, начавшаяся в 1999 году, свидетельствует о том, что суждения этого автора были, по меньшей мере, преждевременны. Что еще более важно, невзирая на всеобщее осуждение этого конфликта, он продемонстрировал, что русская армия способна участвовать в двух полномасштабных конфликтах подряд. Она, возможно, и не обнаруживает того рвения, с которым блок НАТО наводил порядок в Косово, но мобилизовать солдат и посылать их в бой ей вполне по силам³⁴. Никто из соседей России не смог бы тронуть чеченцев даже один раз. У большинства из них вообще нет армий, достойных упоминания, а Украина, располагающая значительными по численности вооруженными силами, почти наверняка провалилась бы с еще большим треском, чем русские в 1996 году³⁵. Таблица 4.2, раскрывающая огромное неравенство в государственной мощи России и соседей, не нуждается в комментариях.

Таблица 4.3 между тем отражает масштаб тех экономических связей, которые России удалось сохранить с бывшими периферийными зонами. В то время как восточноевропейские государства и прибалтийские республики почти полностью переключились на других торговых партнеров, многие республики бывшего СССР по-прежнему зависят от России. В наибольшей степени это касается Беларуси (58 процентов ее торгового оборота приходится на торговлю с Россией), Молдовы (42 процента), Казахстана (39 процентов) и Украины (37 процентов). В каждой из этих стран присутствует значи-

Таблица 4.2

Баланс сил между Россией и ее соседями (в процентах)

Год	Население			ВВП			Вооруженные силы			Оборонный бюджет		
	1995	1997	1999	1995	1997	1999	1995	1997	1999	1995	1997	1999
Россия	50	50	50	90	91	89	65	61	57	95	94	*
Армения	1	1	1	*	*	*	3	3	4	*	*	*
Азербайджан	3	3	3	*	*	*	4	3	4	*	*	*
Белоруссия	3	3	4	2	1	1	4	4	5	*	*	*
Эстония	1	1	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Грузия	2	2	2	*	*	*	-	2	1	*	*	*
Казахстан	6	5	5	1	1	2	2	2	4	*	*	*
Киргизия	2	2	2	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Латвия	1	1	1	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Литва	1	1	1	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Молдова	1	1	1	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Таджикистан	2	2	2	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Туркменистан	1	2	2	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Украина	17	17	17	3	4	4	19	19	18	1	2	1
Узбекистан	8	8	8	1	1	1	1	3	4	*	*	*

Примечание: Звездочка соответствует показателю менее чем в один процент. Все данные округлены до целых показателей.

Источники: International Institute for Strategic Studies, *The Military Balance, 1995–1996* (London: Oxford University Press, 1995), pp.75–167; *The Military Balance 1997/98* (London: Oxford University Press, 1997), pp. 73–163; *The Military Balance 1999–2000* (London: Oxford University Press, 1999), pp. 79–170.

тельное русскоязычное меньшинство, три из них (Беларусь, Казахстан и Украина) граничат с Россией и входят в число самых обширных, населенных и экономически развитых республик бывшего СССР. Важно и то, что Украина и Беларусь в значительной степени зависят от российских энергоресурсов³⁶.

Таблица 4.3

Доля России в торговле с нерусскими республиками

	<i>Импорт из России в процентах от общего импорта</i>	<i>Экспорт в Россию в процентах от общего экспорта</i>	<i>Доля России в республиканской торговле</i>
Армения	30	16	19
Азербайджан	21	21	21
Белоруссия	63	54	58
Грузия	28	15	18
Казахстан	34	46	39
Киргизия	16	29	23
Молдова	62	28	42
Таджикистан	8	15	12
Туркменистан	—	11	—
Украина	26	47	37
Узбекистан	—	—	—

Источник: Подсчеты произведены на основе данных, содержащихся в работе: Lawrence R. Robert, *Russia and Eurasia Facts and Figures Annual*, vol. 25, pt. 1: CIS and Russia (Gulf Breeze, Fla.: Academic International Press, 1999), pp. 40–41.

В целом же все бывшие советские республики, даже не находясь в абсолютно зависимом или подчиненном положении, пребывают, как говорит Раджан Менон, «в тени медведя»³⁷. Только Украина способна хоть как-то равняться с Россией по находящимся в ее распоряжении ресурсам, но армия этой страны находится в отчаянном

положении, а торговая и энергетическая зависимость подрывает ее суверенитет³⁸. Туркменистан, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан, а также прибалтийские государства весьма преуспели в выводе своих экономических систем из бывшего советского пространства, но все они гораздо слабее России³⁹. Действительно, совокупный уровень неравенства столь велик, что совершенно непонятно, по крайней мере для меня лично, как его можно будет преодолеть в обозримом будущем⁴⁰.

Монолитность

Границы государств, ставших преемниками Советского Союза, весьма красноречиво именуются прозрачными, причем так их называют и русские и нерусские. Подобно большинству государственных границ, они не совпадают с линиями этнических ареалов. Однако, в отличие от многих других государственных границ, постсоветские границы, являясь порождением административных, а не экономических приоритетов, даже не очерчивают интегрированных экономических пространств⁴¹. А поскольку в большей части новых независимых государств отсутствует нормальный государственный аппарат, — то есть целостный, сложносоставной и институциональный в веберовском смысле, — вообще не понятно, что именно такие границы обозначают. Их лучше всего интерпретировать как картографические линии, ибо образования, отделяемые ими друг от друга, по-прежнему крайне аморфны⁴².

Появившиеся в качестве административных границ, республиканские рубежи, так же как и статус некоторых республик, с 1921 по 1980 год многократно и практически рутинно пересматривались⁴³. Большинство таких из-

менений касалось мелких территориальных споров; но некоторые были весьма серьезными. Например, Карельская автономная советская социалистическая республика (АССР), созданная в 1923 году, повысила свой статус до Карело-Финской ССР в 1940-м, а потом вновь превратилась в Карельскую АССР в 1956-м. Молдавская АССР, в 1924 году образованная на левом берегу Днестра в составе Украины, в 1940-м стала частью полноценной Молдавской ССР, включившей в свой состав аннексированные у Румынии территории. Украинская ССР расширилась за счет бывших польских земель, аннексированных Сталиным в 1939–1940 годах, а в 1954-м благодаря Никите Хрущеву обзавелась Крымом. Территория Казахской ССР пережила особо сложные мутации, включавшие несколько переименований, а также изъятия и присоединения территорий⁴⁴.

Неудивительно, что границы постсоветских государств и, в особенности, границы между ними и Россией, охраняются довольно слабо⁴⁵. Хотя все новые правительства пытались ввести таможенные режимы, они не слишком преуспели в регулировании передвижения товаров и граждан, а также в предотвращении контрабанды. Предложенное Андреа Чандлер описание российской ситуации применимо ко всем республикам бывшего СССР: «Первейшей проблемой таможенных служб оказывается хаотичная и противоречивая организация государственного аппарата. Второй, взаимосвязанной с этим институциональной проблемой выступает слабость пограничного контроля. В странах, где собственные таможи только начинают налаживаться, можно ожидать проблем с контрабандой. При советском режиме главной задачей таможенников была проверка багажа пассажиров. Крушение СССР до такой степени рас-

ширило их функции, что таможенная служба России была не в состоянии справиться с ними»⁴⁶.

Проницаемость границ обеспечивалась двумя обстоятельствами. Во-первых, транспортные артерии — шоссе, железные дороги, воздушные трассы — в основном связывали бывшие участки периферии с ядром, то есть с Москвой. Иными словами, пересечение границы было делом и возможным и легким. Во-вторых, многие приграничные регионы, прежде всего в Эстонии, Латвии, Беларуси, Казахстане и на Украине, населены русскими или русскоговорящими. Большая часть из двадцати шести миллионов этнических русских, живущих в ближнем зарубежье, концентрируется вдоль российских границ⁴⁷. Независимо от того, лояльны ли эти люди стране своего проживания, превращаются ли они в обособленную группу или же жаждут аннексии, сам факт сосредоточения по обеим сторонам границы культурно гомогенного населения делает прозрачные кордоны еще более прозрачными, затрудняет ведение эффективного контроля, способствует приграничному обмену идеями, товарами, нормами и т.д.⁴⁸. В данном смысле весьма показательны взаимоотношения между Соединенными Штатами и Канадой.

Ползучая реимпериализация

Возвращение государств Центральной и Восточной Европы под сень русской империи довольно трудно себе представить. Они независимы, стратегически важны для Западной Европы и Соединенных Штатов и расположены слишком далеко от бывшего ядра. Но, исходя из той же логики, отношения России со многими нерусскими политиями ближнего зарубежья настолько напоминают опи-

санные выше условия имперского возрождения, что у нас есть все основания ожидать той или иной разновидности ползучей реимпериализации. У России есть центральный государственный аппарат, в то время как нерусские народы еще не завершили строительство своей государственности. Россия располагает громадными ресурсами, которых у нерусских республик в основном нет. Почти все они граничат с Россией. И теперь многие нерусские государства экономически зависят от России в той же степени, что и во времена СССР. Вся совокупность данных обстоятельств, как представляется, обрекает постсоветские республики, включая, возможно, и прибалтийские, на ту или иную разновидность неформальных имперских или гегемонистских отношений.

Будь наша жизнь статичной, к описанной картине нечего было бы добавить. Но и внешние и внутренние условия меняются. В обозримом будущем Россия и ее соседи могут стать как слабее, так и сильнее — в плане государственности, военной мощи, экономики. Действительно, за два года, прошедшие с финансового краха 1998 года, в России наблюдался существенный экономический рост, который, даже оказавшись он недолговечным, свидетельствует о том, что Россия *может* расти⁴⁹. Поскольку монолитность необходимо рассматривать в качестве константы, можно представить девять возможных сценариев взаимодействия России со своими соседями (см. схему 4.2).

Вероятность реализации этих сценариев различна. Исходя из неустойчивой ситуации, в которой оказались Россия и большинство ее соседей спустя десять лет после распада СССР, было бы разумно предположить, что главной причиной их слабости выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное

Схема 4.2

Варианты развития отношений России с нерусскими республиками

		Россия		
		Становится слабее	Не меняется	Становится сильнее
Нерусские республики	Становятся слабее	Хаос	Империя	Империя
	Не меняются	Независимость	Ползучая реимпериализация	Империя
	Становятся сильнее	Независимость	Независимость	Независимость

бремя имперского и тоталитарного прошлого⁵⁰. А если так, то вполне можно ожидать, что траектории развития России и соседних государств, пойдет ли речь о подъеме или деградации, будут параллельны. Отсюда следует, что наиболее вероятны те итоги, которые на схеме 4.2 выделены курсивом — разумеется, *ceteris paribus*. Так, если все рассматриваемые государства будут слабеть, итогом окажется внешний и внутренний хаос. Если все они, напротив, начнут набирать силу, то тогда, несмотря на конфликты и напряжение, нерусские республики, скорее всего, сумеют сохранить независимость. Если же ситуация останется более или менее неизменной, весьма возможна ползучая реимпериализация, поскольку одних только структурных дисбалансов в этой географически монолитной среде будет достаточно для того, чтобы подтолкнуть постсоветские государства друг к другу — тихо, почти незаметно, без войн, экспансионистских проектов и прочей империалистической атрибутики.

Но вот иные обстоятельства могут меняться, причем по разным причинам. *Во-первых*, в России экономический

подъем может наступить скорее, чем в других государствах, — отчасти благодаря прогрессу, достигнутому ею к настоящему моменту, отчасти из-за ее безбрежных энергетических ресурсов, а отчасти в силу заинтересованности Запада в ее восстановлении⁵¹. *Во-вторых*, неэффективность и вполне возможный роспуск Содружества независимых государств будут способствовать реимпериализации⁵². Хотя нерусские политики в основном видят в СНГ инструмент российской гегемонии, каким, в действительности, это образование и было, содружество, будучи многосторонней организацией, многое сделало для налаживания нормальных отношений между частями бывшего СССР, включая Россию. Тем самым оно работало против империи. Если же, что весьма вероятно, СНГ провалится, отношения между Россией и ее партнерами вновь станут по большей части двусторонними, то есть потенциально имперскими⁵³. (Предпочтение, отдаваемое президентом Путиным двусторонним связям, не следует рассматривать в качестве подтверждения этой гипотезы, хотя оно явно отражает действие определенных структурных факторов⁵⁴.) С СНГ или без него, но Беларусь и так почти превратилась в провинцию России; а Армения, Казахстан, Таджикистан и Киргизия с практической точки зрения представляют собой вассальные государства⁵⁵.

В-третьих, ползучей реимпериализации России будут, по всей видимости, способствовать и два сугубо внешних фактора. С одной стороны, это расширение НАТО и Европейского союза, а с другой — процессы глобализации. Разумеется, расширение НАТО и ЕС выведет из российской сферы влияния некоторые государства Центральной и Восточной Европы. Но одновременно оно укрепит границы между теми, кто составляет институциональное пространство НАТО и ЕС («Евроленд»), и всеми

прочими, исключенными из него государствами⁵⁶. Далее, вполне можно ожидать того, что большая часть постсоветских государств не сможет справиться с вызовами глобализации. Их изолированность от мировой экономики в целом и от европейской экономики в частности усилит расхождение Востока и Запада и зависимость Востока от Востока. В итоге наиболее вероятными исходами в схеме 4.2 оказываются те, которые расположены где-то между диагональю, выделенной курсивом, и верхним правым углом. При этом все они предполагают ту или иную форму восстановления империи.

Расширение НАТО и ЕС

Прибалтийские, украинские и прочие нерусские политики любят рассуждать о членстве своих государств в НАТО, но при этом, как предполагается, они должны понимать, что подобная перспектива — дело весьма и весьма отдаленного будущего*. Во-первых, их страны остаются слишком отсталыми в военном, экономическом и политическом отношениях; во-вторых, как приватным образом признаются западные политики, не все из них стоит защищать; в-третьих, Запад явно не возражает против передачи некоторых из них под влияние милосердной, как он рассчитывает, будущей России⁵⁷. В итоге, хотя для Словакии и Словении еще остается какая-то

* «Отдаленное будущее» наступило для Латвии, Литвы и Эстонии 02.04.2004 г., когда они были приняты в НАТО и 01.05.2004 г., когда вступили в ЕС. Однако структурный метод, который применяет автор в своем исследовании, делает конструкцию жизненного цикла империй достаточно эластичной и потому неподверженной слабым флуктуациям количественных и качественных параметров при неизменности главных компонентов теоретической модели.

надежда, а для Румынии и Болгарии есть какой-то намек на надежду стать частью Запада, Украина, Беларусь, Молдова и прибалтийские государства обречены, вероятно, оставаться между двумя блоками⁵⁸. Возможно, эти блоки и не станут называть себя блоками. Скорее всего, будут подписаны бесчисленные документы, призванные успокоить нерусские республики, но семантические предпочтения, высокопарная фразеология, проводимые иногда совместные маневры и щедрые обещания программы «Партнерство во имя мира» не отменят той суровой истины, что эти страны не войдут в НАТО — ни сегодня, ни в обозримом будущем. Слова и поступки не в состоянии заменить институтов. В данном смысле членство в НАТО оказывается игрой в одни ворота: либо вы входите в альянс и приобщаетесь к его институтам, либо же остаетесь за его рамками.

Хотя возникновение вакуума безопасности не может не заботить страны, зажатые между НАТО и Россией, структурное значение расширения альянса состоит в том, что оно еще более углубляет институциональную пропасть между Западной и Восточной Европой⁵⁹. Наряду с Европейским союзом, НАТО становится защитником демократии, прав человека и стабильности⁶⁰. Как надеются их сторонники, оба объединения со временем могут превратиться в взаимодополняющие друг друга части «новой Европы», являющиеся различными институциональными инструментами в руках одних и тех же стран — более или менее процветающих и более или менее стабильных индустриальных демократий, считающих себя (и только себя) носителями европейской культуры и европейского духа.

Протекционистские меры в отношении импорта сельскохозяйственной продукции, текстиля, металлов и неко-

торых видов сырья уже сегодня ограничивают доступ восточноевропейских стран на рынки ЕС, но взросление новой Европы создаст для не входящих в нее государств почти непреодолимые барьеры⁶¹. Свод законов ЕС, *acquis communautaire*, состоит из 100 тысяч страниц норм и правил, регулирующих все аспекты жизни государств-членов — от размера продаваемых в них бананов до контуров гражданского общества⁶². Членство в НАТО требует приверженности демократии и свободному рынку, готовности вооруженных сил интегрироваться в структуры альянса, а также сильной экономики, способной поддерживать столь дорогостоящие усилия. Для Европы, переживающей становление сложнейшей системы взаимосвязанных институтов, в сфере действия которых находятся демократия, правовое государство, гражданское общество и рыночная экономика, продвижение ЕС и НАТО на восток означает не что иное, как перенос уже сложившихся институциональных границ⁶³. И в отличие от прозрачных границ между постсоветскими государствами, граница, отделяющая «Евроленд» от восточных соседей, будет непроницаемой⁶⁴. Рассматриваемое в этом свете Шенгенское соглашение 1995 года, упраздняющее паспортный и пограничный контроль внутри Европы и одновременно воздвигающее новые правовые барьеры на пути свободного перемещения неграждан ЕС, лишь формализует уже сложившуюся в союзе практику⁶⁵.

Следующий пример иллюстрирует логику нынешней ситуации. До 1998 года между Украиной и Польшей существовали исключительно тесные политические и экономические отношения. В частности, украинские рабочие и торговцы практически без ограничений пересекали польскую границу. Неудивительно, что граница между двумя странами притягивала мигрантов, бежен-

цев и преступников, пытающихся проникнуть в пределы Европейского союза⁶⁶. Поэтому накануне вступления Польши в ЕС Брюссель настоял на том, чтобы польские правила пограничного контроля были приведены в соответствие с шенгенскими стандартами. Варшава, в свою очередь, информировала Киев о том, что свободный допуск украинцев в Польшу будет зависеть от внедрения аналогичных норм на украинско-российской границе. Само собой разумеется, что Украина не сможет этого сделать. Граница прозрачна, приграничные контакты слишком многочисленны и активны, русские и украинцы постоянно ездят туда и обратно, а украинское государство слишком слабо, чтобы принудительно ввести подобные меры или пойти на риск рассердить соседнюю сверхдержаву. Как только станет ясно, что у Киева ничего не получается, Польше придется перейти на шенгенские стандарты и тем самым отгородиться от Украины⁶⁷. Примечательно, что Братислава упразднила безвизовый режим для украинцев после ухода Владимира Мечара, когда ее шансы на вступление в ЕС заметно возросли⁶⁸.

Даже если западноевропейские политики преданы расширению европейских институтов на восток более чем риторически — так, бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт не раз говорил о том, что путь в ЕС не закрыт даже для России, Украины и Беларуси, — в обозримом будущем на членство могут рассчитывать лишь Эстония, Латвия и Литва⁶⁹. Во всех остальных постсоветских государствах чиновничество несовершенно, закон работает в минимальной степени, экономическое положение плачевно, демократия постоянно граничит с авторитаризмом, а гражданское общество едва заметно. В то время когда большинство посткоммунистических стран в луч-

шем случае лишь мелкими шажками приближается к критериям членства в ЕС и НАТО, государства «Евроленда» перестраивают (или надеются перестроить) отношения между собой как количественно, так и качественно. Восточная Европа наращивает свою экономику арифметически, черепашьими темпами, а Западная Европа развивается по экспоненте. Экономическая пропасть между «Евролендом» и его восточными соседями может только расширяться, а институциональные барьеры между ними будут все более непреодолимыми.

Таблица 4.4 иллюстрирует огромный институциональный разрыв между ЕС и постсоветскими странами. Для ее составления я модифицировал рейтинги институционального развития, рассчитываемые организацией «Freedom House» по восьми позициям, среди которых политический процесс, гражданское общество, независимость средств массовой информации, качество управления, торжество закона, приватизация, макроэкономика и микроэкономика. На разработанной таким образом шкале путем комбинации рейтингов отражена степень взаимозависимости всех перечисленных институтов, составляющих для каждой страны когерентное целое.

Отражая идущие в настоящее время институциональные процессы, я присвоил странам, входящим в ЕС, индекс 56 (7 × 8) по 1997 году, 60 (7,5 × 8) по 1998 году и 64 (8 × 8) по 2000 году. Как только евро в 2002 году станет общей валютой*, европейская экономика делается еще более интегрированной, а в политической и общественной жизни будут предприняты дальнейшие объе-

* 01.01. — 01.07 2002 г. национальные валюты стран ЕС полностью заменены на евро во всех сферах безналичного обращения. 01.07.2002 г. национальные денежные знаки стран ЕС утратили статус законного средства платежа.

динительные усилия, индекс ЕС подпрыгнет до 72 (9 x 8), а со временем и до 80 (10 x 8). С другой стороны, если не полагаться на какой-то внезапный экономический и политический прорыв постсоветских стран в ближайшем будущем, — а устойчивость их индексов не позволяет предположить ничего подобного, — то все они, за исключением прибалтийских народов, в обозримой перспективе будут сильно отставать от «Евроленда».

Таблица 4.4

Институциональный разрыв между странами ЕС и постсоветскими странами

Год	2000 г.	1998 г.	1997 г.
«Евроленд»	64	60	56
Эстония	48	48	47
Латвия	46	46	46
Литва	46	47	46
Грузия	33	29	28
Молдова	33	32	33
Армения	30	28	29
Россия	30	32	34
Украина	29	29	31
Киргизия	28	29	30
Казахстан	24	24	24
Азербайджан	22	21	21
Таджикистан	18	16	15
Беларусь	13	14	17
Узбекистан	13	13	14
Туркменистан	10	10	11

Примечание: Все показатели округлены до целых значений.

Источники: Adrian Karatnycky, Alexander J. Motyl, and Boris Shor, eds. *Nations in Transit, 1997* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1997); Adrian Karatnycky, Alexander J. Motyl, and Charles Graybow, eds., *Nations in Transit, 1998* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1999); Adrian Karatnycky, Alexander J. Motyl, and Aili Piano, eds., *Nations in Transit, 1999–2000* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 2000).

Глобализация

Для большинства постсоветских государств глобализация может оказаться столь же разрушительной. Хотя среди исследователей нет согласия по поводу того, что такое глобализация и когда она началась, практически все они единодушны в том, что она порождает потоки информации, товаров, людей и ресурсов, пересекающих государственные границы. Эта тенденция, впервые обозначившаяся в XIX столетии в качестве побочного следствия капитализма и империализма, сегодня заметно усилилась⁷⁰. Рассуждая подобным образом, нынешнюю версию глобализации можно уподобить небывалому подъему капитализма и бурной модернизации. Следовательно, предложенный Эдвардом Люттваком термин «турбокапитализм» наиболее точно отражает процессы, наблюдаемые сегодня в мировой экономике⁷¹. Он может оказаться полезным и для того, чтобы более четко понять, почему от постсоветских государств не стоит ждать благополучия. Как заметил однажды Александр Гершенкорн, у отсталости есть свои преимущества, но при этом весьма сложно выделить те плюсы провалившегося социализма, которые помогли бы выжить в безжалостном капиталистическом мире⁷².

Таблицы 4.5, 4.6, 4.7 и 4.8, отражающие степень конкурентоспособности постсоветских экономических систем, уровень восприятия коррупции, их открытость и предрасположенность к экономическому творчеству, убедительно показывают, насколько они далеки от соответствия вызовам глобальной экономики.

Примечательно, что показатели России и Украины отчаянно низки по всем четырем позициям; столь же

слабо, или даже хуже, выглядят пять среднеазиатских и три закавказские республики — там, где они появляются в рейтинге; Болгария также далеко не в первых рядах; если бы статистические данные были бы более богатыми, Беларусь и Югославия тоже присоединились бы к самым неконкурентоспособным, закрытым, нетворческим и коррумпированным. Используя приведенные здесь индексы для общей оценки способностей той или иной страны справиться с вызовом глобализации, можно откровенно сказать, что постсоветские государства окажутся среди проигравших, по крайней мере в обозримом будущем. В этой роли они столкнутся с целым рядом негативных последствий. Во-первых, в институциональном отношении они еще более отстают от стран-членов ЕС. В то время как институты «Евроленда» более или менее успешно адаптируются к новым условиям, их восточных соседей ждет стагнация или какие-то доморощенные формы развития, не слишком сочетающиеся с западными вариантами⁷³. Во-вторых, неспособность конкурировать на глобальном рынке сократит их шансы на проведение успешных преобразований в экономической сфере. В результате возобладают попытки найти «третий путь», обычно выражающиеся в расширении государственного вмешательства в экономику. В тех ситуациях, когда затянувшаяся стагнация и отсталость требуют «революционных прорывов», весьма вероятны авторитарные решения⁷⁴. В-третьих, обе только что упомянутые тенденции будут, с одной стороны, закреплять изоляцию стран-неудачниц от более развитых государств, а с другой стороны, подталкивать их к еще большей зависимости друг от друга — в первую очередь, от России, бывшего ядра и крупной державы⁷⁵.

Таблица 4.5

Рейтинг конкурентоспособности (1999 г.)

Сингапур (самый высокий показатель)	2,12
Соединенные Штаты Америки	1,58
Средний показатель по первым пятнадцати странам	1,25
Европейский союз	0,57
Восточноевропейские государства	-0,74
Венгрия	-0,39
Чехия	-0,40
Польша	-0,67
Словакия	-0,72
Болгария	-1,50
Украина	-1,94
Россия (самый низкий показатель)	-2,02

Примечание: В число пятнадцати стран-лидеров входят Сингапур, США, Гонконг, Тайвань, Канада, Швейцария, Люксембург, Великобритания, Нидерланды, Ирландия, Финляндия, Австралия, Новая Зеландия, Япония и Норвегия. В докладе анализируются только те посткоммунистические или постсоветские страны, которые приведены в таблице.

Источник: World Economic Forum, *Global Competitiveness Report*, 1999. [Http://www.weforum.org/publications/GCR/99rankings.asp](http://www.weforum.org/publications/GCR/99rankings.asp). (November 15, 1999).

Степень этой зависимости, как показывают таблицы 4.2 и 4.3, и так уже велика. Некоторые из постсоветских государств, в частности Эстония, Латвия и Литва, смогут, по-видимому, приспособиться к глобализации и благодаря этому покинуть зону экономического влияния России. Беларусь, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, пять среднеазиатских республик, а также сама Россия едва ли сумеют перестроить свои политические, экономические и социальные системы в том духе, который диктуется требованиями глобальной конкурентоспособности. Что еще хуже, попытайтесь они сделать это быстро и решительно, дело завершится революцией либо сверху, либо снизу. И дедуктивные и индуктивные методы не позволяют ожидать от подобных авантур ничего, кроме смуты⁷⁶. Как бы то ни было, коллапс социума и крах го-

сударства отнюдь не повысят способность этих стран конкурировать на мировых рынках.

Таблица 4.6

Индекс восприятия коррупции (1998, 1999 гг.)

	1999	1998
Средний показатель по первым пятнадцати странам	8,9	9,0
Европейский союз	7,6	7,6
Соединенные Штаты Америки	7,5	7,5
Восточноевропейские и прибалтийские государства	3,8	
Бывшие советские республики	2,4	
Словения	6,0	
Эстония	5,7	5,7
Венгрия	5,2	5,0
Чехия	4,6	4,8
Польша	4,2	4,6
Литва	3,8	
Словакия	3,7	3,9
Беларусь	3,4	3,9
Латвия	3,4	2,7
Болгария	3,3	2,9
Македония	3,3	
Румыния	3,3	3,0
Хорватия	2,7	
Молдова	2,6	
Украина	2,6	2,8
Армения	2,5	
Россия	2,4	2,4
Албания	2,3	
Грузия	2,3	
Казахстан	2,3	
Киргизия	2,2	
Югославия	2,0	3,0
Узбекистан	1,8	
Азербайджан	1,7	

Примечание: показатель 10 «соответствует незначительному уровню взяточничества», в то время как 0 «представляет ответы респондентов, которые обнаруживают очень высокий уровень взяточничества». Опрос 1998 года охватывал не все страны, которые исследовались в 1999. В число пятнадцати стран-лидеров входят Швеция, Австралия, Канада, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Великобритания, Бельгия, Германия, Соединенные Штаты Америки, Сингапур, Испания, Франция, Япония и Малайзия.

Источник: Transparency International, *The Transparency International 1999 Corruption Perceptions Index*; *The Transparency International 1998 Corruption Perceptions Index* <<wysiwyg://4/http://www.transparency.de/documents/cpi/index.html>> (November 18, 1999).

Таблица 4.7

Открытость новых рынков (2000 г.)

Сингапур (наивысший показатель/наибольшая открытость)	86
Эстония	78
Средний показатель по первым десяти странам	77
Словения	74
Литва	73
Латвия	70
Румыния	70
Венгрия	66
Чехия	60
Польша	60
Болгария	57
Словакия	52
Россия	52
Украина	48
Узбекистан	32

Примечание: Поскольку совокупные показатели представляют собой сумму 16 позиций открытости рынка, по каждой из которых каждая страна может получить от 0 до 10 баллов, наивысший из возможных показателей равен 160. В число десяти стран-лидеров входят Сингапур, Чили, Гонконг, Эстония, Перу, Словения, Южная Африка, Литва, Венесуэла и Тайвань.

Источник: Tuck School of Business, *Emerging Markets Access Index*, 2000, <http://www.dartmouth.edu/tuck/news/media/pr20000525_emi.html> (June 14, 2000).

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод. Совершенствование и расширение НАТО и ЕС в сочетании с процессами глобализации расколет Европу на два обширных и непохожих друг на друга сегмента. У европейских государств, лежащих к востоку от «Евроленда», не останется, *ceteris paribus*, иной альтернативы, кроме как принять гегемонию России и согласиться с экономической зависимостью друг от друга и от русских. Вполне может возродиться и колесообразная структура; это произойдет в том случае, если отдельные нерусские государства, пытаясь преодолеть изоляцию от внешнего мира и зависимость от России, пойдут на институциональное закрепление этой зависимости и/или на пре-

вращение отношений с Россией в основу всей их внешней политики⁷⁷.

Таблица 4.8

Индекс экономической креативности (2000 г.)

Соединенные Штаты Америки (наивысший показатель)	2,02
Средний показатель по первым пятнадцати странам	1,38
Европейский союз	0,85
Венгрия	0,66
Польша	0,56
Чехия	-0,15
Словакия	-0,29
Россия	-0,90
Украина	-1,21
Болгария	-1,43

Примечание: В число пятнадцати стран-лидеров входят США, Финляндия, Сингапур, Люксембург, Швеция, Израиль, Ирландия, Нидерланды, Великобритания, Исландия, Швейцария, Гонконг, Дания, Германия и Канада.

Источник: World Economic Forum, *Global Competitiveness Report* <<http://www.weforum.org/reports_pub.nsf/Documents/Home + — + Reports + and + Publications + — + Competitiveness + — + Competitiveness + Report + — + Economic + Creativity + Index>>(September 25, 2000).

Йохан Гальтунг явно переоценивал проблему, когда говорил о том, что «сегодняшняя Россия представляет собой настроенную на экспансию восточную страну, политика которой будет направлена на воссоздание Советского Союза, основанного на славянской культуре и православии и включающего в себя Россию, Беларусь, восточную Украину и северный Казахстан»⁷⁸. Гораздо более вероятной, на мой взгляд, выглядит тихая и постепенная реимпериализация, затрагивающая те или иные части бывшего СССР. Причем для большинства соседей России ее последующая гегемония представляется гарантированной⁷⁹.

Заключение Утраченная империя

Хотя у некоторых бывших советских республик действительно может не остаться иного выбора, кроме как быть втянутыми в процесс «автоматической колонизации», подобный исход будет устойчивым лишь в том случае, если российское государство окажется достаточно сильным, чтобы его поддерживать¹. А это, разумеется, большой вопрос. Империя предполагает, что элита ядра способна выкачивать из периферии ресурсы и информацию, используя их для достижения различных имперских целей. Однако в настоящее время и в обозримом будущем Россия слишком фрагментирована и слишком слаба для того, чтобы позволить своей элите эффективно играть координирующую роль не только по отношению к другим государствам, но даже и во взаимодействии с собственными этническими субъектами². Обновленная Российская империя не только не будет копией Советского Союза, но,

скорее всего, с самого начала окажется затронутой глубоким упадком и подверженной ветшанию.

Каким образом деградирующая имперская система подобного типа может избежать ветшания? В данном случае из четырех ключевых факторов, упомянутых в главе 3, два вовсе неприменимы, а два могут сыграть свою роль. Восстанавливать тоталитарную систему политического контроля слишком дорого, поэтому такой возможностью сразу стоит пренебречь. Кроме того, на состоянии империи, которая находится в столь глубоком упадке, едва ли решительно скажутся геополитическая изоляция и невмешательство внешних сил. Стратегические альянсы с великими державами, будь то США или блок НАТО, теоретически возможны, но они едва ли смогут воспрепятствовать дезинтеграции на таких обширных пространствах, как российские. Лишь безбрежные запасы ресурсов — особенно при содействии предприимчивых западных компаний — могут обеспечить денежные потоки, достаточные для того, чтобы сохранять контроль над энергозависимыми соседями, кормить большую либо боеспособную армию, а также удерживать империю от развала³.

Что еще более важно, хрупкая имперская система будет особенно уязвима в отношении всевозможных шоковых потрясений, включая самые незначительные. Хотя точное время наступления подобного шока предсказать крайне трудно, можно предположить, что он будет связан с резким сокращением притока легких денег — либо в результате падения мировых цен на энергоносители, или/и из-за продолжительного отказа субъектов Российской Федерации платить налоги в казну ядра, неспособного принудить их к этому. Как бы то ни было, империя такого типа не выживет. Действительно, описан-

ное сочетание хрупкости и огромной территориальной протяженности не может не внушать опасений⁴. Только в том случае, если ползучая реимпериализация затянется еще на два или три десятилетия, позволив России стать гораздо сильнее соседей, страна сумеет избежать глубокого упадка и почти неизбежного коллапса.

Хотя крах русского государства порадовал бы нерусских националистов, им следовало бы иметь в виду, что крушение огромных империй редко проходит мирно. И не нужно быть убежденным пессимистом для того, чтобы предположить, что стабильность и безопасность России, ее соседей и Западной Европы от такого поворота событий только ухудшатся⁵. Есть ли альтернатива столь мрачному прогнозу? Существуют несколько еще более грустных сценариев. Если Чехия, Венгрия и, особенно, Польша не смогут вступить в Европейский союз, скажем, до 2005 года, тотальное переплетение политических и экономических институтов, упоминаемое мной ранее, окажется отсроченным на несколько лет⁶. Если образование Европейского валютного союза повлечет за собой социальные неурядицы, экономические сбои и политические баталии, «Евроленд» может превратиться в неуклюжую амальгаму вечно вздорящих государств⁷. Наконец, если НАТО, вдобавок к Боснии и Косово, получит дополнительные моральные травмы, то и этот блок может исчерпать свою «жизненную силу»⁸. Если события будут развиваться именно таким образом — а это отнюдь не столь невозможно, как кажется, — расширение «Евроленда» в институциональном смысле окажется менее существенным, нежели я предполагал. И напротив, если Россия все более уверенно пойдет по имперскому пути, НАТО, скорее всего, ответит вовлечением в свою орбиту прибалтийских государств и даже Украины.

Поскольку структурные характеристики нелегко поддаются изменениям и поскольку расширение НАТО и ЕС стало, по-видимому, необратимым, стабильность и безопасность для Востока и для Запада могут оказаться взаимоисключающими. Если европейская интеграция застопорится или если Россия чрезмерно усилится, удастся предотвратить крах империи и последующий распад самой России. И хотя от подобного исхода в конечном счете никто не выиграет, он может стать единственным путем выхода из тупика, созданного постимперской ситуацией на Востоке и наследием «холодной войны» на Западе. Увы, единственной альтернативой жаркому пламени может быть относительный комфорт горячей сковородки. *Ceteris paribus*, разумеется.

Примечания

Введение

- ¹ Философскую дискуссию о будущем империи в эпоху глобализации см. в книге: Michael Hardt and Antonio Negri, *Empire* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000).
- ² См. введение С.Н. Эйзенштадта к книге: S. N. Eisenstadt, ed., *The Decline of Empires* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1967), p. 4.
- ³ Богатство исторической литературы отражено в следующих избранных работах: Warren Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society* (Palo Alto, Calif: Stanford University Press, 1997); John Strachey, *The End of Empire* (New York: Praeger, 1959); Renø Grousset, *The Empire of the Steppes* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1970); Eric Hobsbawm, *The Age of Empire, 1875-1914* (New York: Pantheon, 1987); Robert Kann, *A History of the Habsburg Empire, 1526-1918* (Berkeley: University of California Press, 1974); Franz Ansprenger, *The Dissolution of the Colonial Empires* (London: Routledge, 1989); A.B. Bosworth, *Conquest and*

Empire: The Reign of Alexander the Great (Cambridge: Cambridge University Press, 1988); D.W. Meinig, *The Shaping of America: Continental America, 1800–1867*, vol. 2 (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1993); David Good, *The Economic Rise of the Habsburg Empire, 1750–1914* (Berkeley: University of California Press, 1984); D.K. Fieldhouse, *Economics and Empire, 1830–1914* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1973). Разумеется, особое место в этом ряду занимает Эдвард Гиббон: Edward Gibbon, *Decline and Fall of the Roman Empire* (New York: Viking, 1952).

⁴ См.: Geoffrey W. Conrad and Arthur A. Demarest, *Religion and Empire: The Dynamics of Aztec and Inca Expansionism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984); Joseph Tainter, *The Collapse of Complex Societies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988); Norman Yoffee and George L. Cowgill, eds., *The Collapse of Ancient States and Civilizations* (Tucson: University of Arizona Press, 1988); Norman Hammond, *Ancient Maya Civilization* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1988).

⁵ Robert Gilpin, *War and Change in World Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981); George Lichtheim, *Imperialism* (New York: Praeger, 1971); David A. Lake, «Anarchy, Hierarchy, and the Variety of International Relations», *International Organization* 50 (winter 1996): 1–33; Wolfgang J. Mommsen, *Theories of Imperialism* (New York: Random House, 1980); Charles A. Kupchan, *The Vulnerability of Empire* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994); Jack Snyder, *Myths of Empire* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991); Alexander Cooley, «Explaining Imperial Persistence and Decline: Contemporary Dependencies, Asset Specificity, and Global Economic Change», paper presented at the annual convention of the American Political Science Association, September 3–6, 1998, Boston; Mark N. Katz, «The Legacy of Empire in International Relations», *Comparative Strategy* 12 (1993): 365–83.

⁶ Michael W. Doyle, *Empires* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986); S. N. Eisenstadt, «Center-Periphery Relations in the Soviet Empire», in Alexander J. Motyl, ed., *Thinking*

Theoretically About Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR, pp. 205–21 (New York: Columbia University Press, 1992); Karen Dawisha and Bruce Parrott, eds., *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1997); Alexander Demandt, ed., *Das Ende der Weltreiche: Von den Persen bis zur Sowjetunion* (Munich: Beck, 1997); Richard Lorenz, ed., *Das Verdammern der Macht: Vom Untergang grosser Reiche* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000); Robert A. Kann, *The Habsburg Empire: A Study in Integration and Disintegration* (New York: Praeger, 1957); Carlo M. Cipolla, ed., *The Economic Decline of Empires* (London: Methuen, 1970); Christopher Chase-Dunn and Thomas D. Hall, *Rise and Demise: Comparing World Systems* (Boulder, Colo.: Westview, 1997); Robert Wesson, *The Imperial Order* (Berkeley: University of California Press, 1967); Karen Barkey and Mark von Hagen, eds., *After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building* (Boulder, Colo.: Westview, 1997); Rupert Emerson, *From Empire to Nation* (Boston: Beacon, 1960); S.N. Eisenstadt, *The Political Systems of Empires* (Glencoe, N.Y.: Free Press, 1963); John H. Kautsky, *The Politics of Aristocratic Empires* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982); S.E. Finer, *The History of Government*, vols. 1–3 (Oxford: Oxford University Press, 1997).

⁷ См.: Paul Kennedy, *The Rise and Decline of the Great Powers* (New York: Vintage, 1987); Geir Lundestad, *The American «Empire»* (Oslo: Norwegian University Press, 1990); Imanuel Geiss, «Great Powers and Empires: Historical Mechanisms of Their Making and Breaking», in Geir Lundestad, ed., *The Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy*, pp. 23–46 (Oslo: Scandinavian University Press, 1994).

⁸ См.: Richard Koebner, *Empire* (New York: Grosset and Dunlop, 1965), pp. 1–60.

⁹ В качестве исключения из этого правила см.: Alexander Wendt and Daniel Friedheim, «Hierarchy Under Anarchy: Informal Empire and the East German State», *International Organization* 49 (autumn 1995): 689–721; Rey Koslowski and Friedrich V. Kratochwil, «Understanding Change in

International Politics: The Soviet Empire's Demise and the International System», *International Organization* 48 (spring 1994): 215–47; Rodney Bruce Hall, *National Collective Identity: Social Constructs and International Systems* (New York: Columbia University Press, 1999).

¹⁰ Yale H. Ferguson and Richard W. Mansbach, *Politics: Authority, Identities, and Change* (Columbia: University of South Carolina Press, 1996).

¹¹ Leonard Binder et al., eds., *Crises and Sequences of Political Development* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1971). См. также: Daniel Lerner, *The Passing of Traditional Society* (Glencoe, Ill.: Free Press, 1958); Karl Deutsch, «Social Mobilization and Political Development», *American Political Science Review* 55 (September 1961): 493–514; Edward A. Shils, *Political Development in the New States* (The Hague: Mouton, 1962). Критику этого взгляда см.: Irene L. Gendzier, *Managing Political Change: Social Scientists and the Third World* (Boulder, Colo.: Westview, 1985).

¹² Литература, посвященная проблемам транзита, чрезвычайно обширна. Прежде всего см.: Juan Linz and Alfred Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1996); Mary Ellen Fischer, ed., *Establishing Democracies* (Boulder, Colo.: Westview, 1996); Lisa Anderson, ed., *Transitions to Democracy* (New York: Columbia University Press, 1999). Подробный обзор литературы см.: Georg Sørensen, *Democracy and Democratization: Processes and Prospects in a Changing World* (Boulder, Colo.: Westview, 1993).

¹³ См.: Robert Conquest, ed., *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future* (Palo Alto, Calif.: Hoover Institution Press, 1986); Henry S. Rowen and Charles Wolf Jr., eds., *The Future of the Soviet Empire* (New York: St. Martin's, 1987); David J. Dallin, *The New Soviet Empire* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1951).

¹⁴ Ariel Cohen, *Russian Imperialism: Development and Crisis* (Westport, Conn.: Praeger, 1996), pp. 151–52; Alexander J. Motyl, «The End of Sovietology: From Soviet Studies to Post-Soviet Studies», in Alexander J. Motyl, ed., *The Post-Soviet*

Nations: Perspectives on the Demise of the USSR, pp. 302–14 (New York: Columbia University Press, 1992); Giovanni Sartori, «Totalitarianism, Model Mania, and Learning from Error», *Journal of Theoretical Politics* 5 (1993): 5–22; Abbott Gleason, *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War* (New York: Oxford University Press, 1995).

¹⁵ См.: V.I. Lenin, «Imperialism: The Highest Stage of Capitalism», *Selected Works in One Volume*, pp. 169–263 (New York: International Publishers, 1971); J.A. Hobson, *Imperialism: A Study* (London: Allen and Unwin, 1905); Rudolf Hilferding, *Das Finanzkapital* (Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1910). См. также: Winfried Baumgart, *Imperialism: The Idea and Reality of British and French Colonial Expansion, 1880-1914* (Oxford: Oxford University Press, 1982); V.G. Kiernan, *Imperialism and Its Contradictions* (New York: Routledge, 1995); Fieldhouse, *Economics and Empire*, pp. 38–62.

¹⁶ Jeremy Azrael, ed., *Soviet Nationality Policies and Practices* (New York: Praeger, 1978); Seweryn Bialer, «How Russians Rule Russia», *Problems of Communism* 15 (September-October 1964): 45–52; «Nationalities and Nationalism in the USSR: Special Issue», *Problems of Communism* 16 (September-October 1967); Bohdan Nahaylo and Victor Swoboda, *Soviet Disunion: A History of the Nationalities Problem in the USSR* (New York: Free Press, 1990); Gerhard Simon, *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union* (Boulder, Colo.: Westview, 1991); Alexandre Bennigsen and S. Enders Wimbush, *Muslim National Communism in the Soviet Union* (Chicago: University of Chicago Press, 1979); Alexander J. Motyl, *Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity, and Stability in the USSR* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1980); Alexander J. Motyl, «Sovietology in One Country or Comparative Nationality Studies?» *Slavic Review* 48 (spring 1989): 83–88; Motyl, *Thinking Theoretically About Soviet Nationalities*; Edward Allworth, ed., *Soviet Nationality Problems* (New York: Columbia University Press, 1971); Alexandre Bennigsen and Marie Broxup, *The Islamic Threat to the Soviet State* (London: Croom Helm, 1983); Michael Rywkin, *Moscow's Muslim Challenge* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1982); S.

- Enders Wimbush, ed., *Soviet Nationalities in Strategic Perspective* (London: Croom Helm, 1985).
- ¹⁷ Hølene Carrère d'Encausse, *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt* (New York: Newsweek Books, 1979). См. также: Marco Buttino, ed., *In a Collapsing Empire: Underdevelopment, Ethnic Conflicts, and Nationalism in the Soviet Union* (Milan: Feltrinelli, 1993); Alvin Gouldner, «Stalinism: A Study in Internal Colonialism», *Telos* 10 (winter 1977–78): 5–48.
- ¹⁸ См.: Charles F. Furtado Jr. and Andrea Chandler, eds., *Perestroika in the Soviet Republics: Documents on the National Question* (Boulder, Colo.: Westview, 1992). Некоторые советские аналитики также пытались переосмыслить понятие «тоталитаризм». См.: Г. Арбатов, Е. Баталов, «Политическая реформа: эволюция советского государства», *Коммунист* (март 1989): 35–46; В. Тишков, «Народы и государство», *Коммунист* (январь 1989): 49–59; А.А. Кара-Мурза, А.К. Воскресенский (ред.), *Тоталитаризм как исторический феномен* (М.: философское общество СССР, 1989).
- ¹⁹ Валери Бунс начала применять имперскую терминологию еще за несколько лет до распада СССР. См.: Bunce, «The Empire Strikes Back: The Evolution of the Eastern Bloc from a Soviet Asset to a Soviet Liability», *International Organization* 39 (winter 1985): 1–46.
- ²⁰ Mark Beissinger, «The Persisting Ambiguity of Empire», *Post-Soviet Affairs* 11 (1995): 149–57.
- ²¹ См.: Alexander J. Motyl, *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* (New York: Columbia University Press, 1999), pp. 1–15.
- ²² Giovanni Sartori, «Guidelines for Concept Analysis», in Giovanni Sartori, ed., *Social Science Concepts*, pp. 15–85 (Beverly Hills, Calif.: Sage, 1984); Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 8–15.
- ²³ Oswald Spengler, *The Decline of the West* (New York: Modern Library, 1932). См. также: Arnold Toynbee, *A Study of History* (New York: Weathervane, 1972); H. Stuart Hughes, *Consciousness and Society: The Reorientation of European Social Thought, 1890–1930* (New York: Vintage, 1958); Pieter Geyl, *Debates with Historians* (New York: Meridian, 1971), pp. 150–64.
- ²⁴ Francis Fukuyama, «The End of History?» in Fareed Zakaria, ed., *The New Shape of World Politics*, pp. 1–27 (New York: Foreign Affairs, 1997).
- ²⁵ Hughes, *Consciousness and Society*; Robert M. Adams, *Decadent Societies* (San Francisco, Calif.: North Point, 1983); Brooks Adams, *The Law of Civilization and Decay* (New York: Knopf, 1943).
- ²⁶ См.: Theo Sommer, «Europa im Aufbruch», *Die Zeit*, January 5, 2000, p. 4; Bill Emmott, «The Twentieth Century», *Economist*, September 11, 1999, pp. 5–44. В особенности см.: Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1989), и Dan Smith, ed., *The State of War and Peace Atlas*, rev. 3rd ed. (London: Penguin, 1997).
- ²⁷ См.: John Barrow, *Theories of Everything: The Quest for Ultimate Explanation* (New York: Fawcett Columbine, 1991); Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 9–11.
- ²⁸ См.: Yale Ferguson and Richard Mansbach, *The State, Conceptual Chaos, and the Future of International Relations Theory* (Boulder, Colo.: Rienner, 1989); Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 132–33.
- ²⁹ Johan Galtung, «A Structural Theory of Imperialism», *Journal of Peace Research* 8 (1971): 81–117.
- ³⁰ Karl Deutsch, «Cracks in the Monolith: Possibilities and Patterns of Disintegration in Totalitarian Systems», in Harry Eckstein and David E. Apter, eds., *Comparative Politics: A Reader*, pp. 497–508 (New York: Free Press, 1963).
- ³¹ Rein Taagepera, «Expansion and Contraction Patterns of Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 475–504; Taagepera, «Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D.», *Social Science History* 3 (October 1979): 115–38; Taagepera, «Size and Duration of Empires: Systematics of Size», *Social Science Research* 7 (1978): 108–27; Taagepera, «Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 3000 to 600 B.C.», *Social Science Research* 7 (1978): 180–96.
- ³² То обстоятельство, что траектории империй похожи на траектории великих держав, не должно удивлять: в конце концов, империи – это тоже великие державы. Такое сходство позволяет рассматривать вторые в ка-

честве разновидности первых. Но данный факт не должен быть для нас более обязывающим, чем, скажем, наличие сходства между империями и федерациями или между политическими империями и финансовыми империями. Мы вполне можем рассматривать империи как самостоятельные феномены и пытаться понять их вне связи с другими объектами.

³³ Подробнее об этом см.: Barrow, *Theories of Everything*, pp. 14–20.

³⁴ James Fearon, «Counterfactuals and Hypothesis Testing in Political Science», *World Politics* 43 (January 1991): 169–95.

³⁵ Nelson Goodman, *Fact, Fiction, and Forecast* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983). См. также: Philip E. Tetlock and Aaron Belkin, eds., *Counterfactual Thought Experiments in World Politics* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996).

³⁶ См.: Carl Hempel, *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science* (New York: Free Press, 1965); Ernst Nagel, *The Structure of Science*, 2nd ed. (Indianapolis, Ind.: Hackett, 1977).

³⁷ Robert Audi, *The Cambridge Dictionary of Philosophy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), p. 382.

³⁸ Alexander J. Motyl, «Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective», *Comparative Politics* 31 (January 1999): 127–45.

³⁹ Alexander J. Motyl, «After Empire: Competing Discourses and Interstate Conflict in Postimperial Eastern Europe», in Barnett Rubin and Jack Snyder, eds., *Post-Soviet Political Order: Conflict and State Building*, pp. 14–33 (London: Routledge, 1998); Motyl, «Imperial Collapse and Revolutionary Change: Austria-Hungary, Tsarist Russia, and the Soviet Empire», in Jürgen Nautz and Richard Vahrenkamp, eds., *Die Wiener Jahrhundertwende*, pp. 813–32 (Vienna: Böhlau, 1993); Motyl, «From Imperial Decay to Imperial Collapse: The Fall of the Soviet Empire in Comparative Perspective», in Richard Rudolph and David Good, eds., *Nationalism and Empire: The Habsburg Monarchy and the Soviet Union*, pp. 15–43 (New York: St. Martin's, 1991).

⁴⁰ Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 11–18.

⁴¹ См.: Giovanni Sartori, «Concept Misformation in

Comparative Politics», *American Political Science Review* 64 (December 1970): 1033–53; Sartori, «Comparing and Miscomparing», *Journal of Theoretical Politics* 3 (1991): 243–57.

⁴² См.: «The Role of Theory in Comparative Politics: A Symposium», *World Politics* 48 (October 1995): 1–49; Thomas A. Spragens Jr., *The Dilemma of Contemporary Political Theory* (New York: Dunellen, 1973); Douglas Chalmers, «Interpretive Frameworks: A Structure of Theory in Political Science», unpublished paper, 1987.

⁴³ См., например, уничтожающую критику работы Аренда Лейпхарта: Jan S. Lustick: «Lijphart, Lakatos, and Consociationalism», *World Politics* 50 (October 1997): 88–117.

Глава 1

¹ Johan Galtung, «A Structural Theory of Imperialism», *Journal of Peace Research* 8 (1971): 8.

² Ibid., pp. 82–83.

³ Ibid., p. 85.

⁴ Alexander J. Motyl, «Thinking About Empire», in Karen Barkey and Mark von Hagen, eds., *After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building*, pp. 19–29 (Boulder, Colo.: Westview, 1997). Майкл Дойль оспаривает этот тезис. См.: *Empires* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986), p. 34.

⁵ Johan Galtung, «A Structural Theory of Imperialism», pp. 83, 89.

⁶ Наличие культурно неоднородного населения, местного и неместного, не отменяет этнического, культурного или религиозного разнообразия. Дискуссию об этническом разнообразии «ядра» Османской империи см. в книге: Justin McCarthy, *Muslims and Minorities: The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire* (New York: New York University Press, 1983). О культурной неоднородности см.: Donald J. Puchala, «International Encounters of Another Kind», *Global Society* 11 (1997): 5–29; Rushton Coulborn, «Structure

- and Process in the Rise and Fall of Civilized Societies», *Comparative Studies in Society and History* 8 (1965–1966): 404–31.
- ⁷ Alexander J. Motyl, *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* (New York: Columbia University Press, 1999), pp. 118–22. См. также: Jean Gottmann, ed., *Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics* (Beverly Hills, Calif.: Sage, 1980).
- ⁸ D.W. Meinig, *The Shaping of America: Atlantic America, 1492–1800*, vol. 1 (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986), p. 370. См. также: Geoffrey Parker, *The Geopolitics of Domination* (London: Routledge, 1988), pp. 66–75.
- ⁹ Gary B. Miles, «Roman and Modern Imperialism: A Reassessment», *Comparative Studies in Society and History* 32 (October 1990): 641.
- ¹⁰ C. Wright Mills, *The Power Elite* (New York: Oxford University Press, 1959); John A. Armstrong, «Administrative Elites in Multiethnic Polities», *International Political Science Review* 1 (1980): 107–28. См. также: John A. Armstrong, *The European Administrative Elite* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1973).
- ¹¹ Carter V. Findley, *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789–1922* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980), pp. 12, 15. См. также: Michael Ursinus, «Byzanz, Osmanisches Reich, türkischer Nationalstaat: Zur Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen am Vorabend des Ersten Weltkriegs», in: Richard Lorenz, ed., *Das Verfall der Mächte: Vom Untergang grosser Reiche* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000), p. 153.
- ¹² См.: Cho-yun Hsu, «The Roles of the Literati and of Regionalism in the Fall of the Han Dynasty», in Norman Yoffee and George L. Cowgill, eds., *The Collapse of Ancient States and Civilizations*, pp. 176–95 (Tucson: University of Arizona Press, 1988).
- ¹³ См.: Michael Voslensky, *Nomenklatura: The Soviet Ruling Class* (New York: Doubleday, 1984); Seweryn Bialer, *Stalin's Successors: Leadership, Stability, and Change in the Soviet Union* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980); Jerry Hough, *The Soviet Prefects* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969).
- ¹⁴ Bruce Parrott, «Analyzing the Transformation of the Soviet Union in Comparative Perspective», in Karen Dawisha and Bruce Parrott, eds., *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1997), p. 7.
- ¹⁵ Galtung, «Structural Theory of Imperialism», p. 89.
- ¹⁶ Gerhard Masur, *Simon Bolivar* (Albuquerque: University of New Mexico Press, 1948), p. 678; цитируется по книге: Benedict Anderson, *Imagined Communities* (London: Verso, 1983), p. 54. См. также: Hans-Joachim K nig, «Der Zerfall des Spanischen Weltreichs in Amerika: Ursachen und Folgen», in Lorenz, *Das Verfall der Mächte*, p. 133.
- ¹⁷ Meinig, *Shaping of America*, vol. 1, p. 378.
- ¹⁸ Об этой расплывчатости как о философской проблеме см.: Linda C. Burns, *Vagueness: An Investigation into Natural Language and the Sorites Paradox* (Dordrecht, The Netherlands: Kluwer, 1991).
- ¹⁹ О пещурцах см.: H.H. Gerth and C. Wright Mills, eds., *From Max Weber: Essays in Sociology* (New York: Oxford University Press, 1958), pp. 80–81; Amitai Etzioni, *A Comparative Analysis of Complex Organizations* (New York: Free Press, 1975).
- ²⁰ Arnold Toynbee, *A Study of History* (New York: Weathervane, 1972), p. 288.
- ²¹ Некоторые из этих транспортных систем рассматриваются в следующих работах: Richard J.A. Talbert, ed., *Atlas of Classical History* (London: Routledge, 1985), pp. 51–53, 124–27; Martin Gilbert, *Soviet History Atlas* (London: Routledge and Kegan Paul, 1979), pp. 35–36; Paul Robert Magocsi, *Historical Atlas of East-Central Europe* (Seattle: University of Washington Press, 1993), pp. 90–92; John Haywood, *Atlas of World History* (New York: Barnes and Noble, 1997). См. также: Michael Mann, *The Sources of Social Power: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*, vol. 1 (Cambridge: Cambridge University Press, 1986), pp. 275–77; Meinig, *Shaping of America*, vol. 1, pp. 65–76.
- ²² О тоталитаризме см.: Alexander J. Motyl, «The End of Sovietology: From Soviet Studies to Post-Soviet Studies»,

in Alexander J. Motyl, ed., *The Post-Soviet Nations: Perspectives on the Demise of the USSR*, pp. 302–14 (New York: Columbia University Press, 1992).

²³ David A. Lake, «The Rise, Fall, and Future of the Russian Empire», in Dawisha and Parrott, *The End of Empire?* p. 35.

²⁴ О различиях между гегемонистским, формальным и неформальным типами правления см.: Doyle, *Empires*, pp. 34–45.

²⁵ John Darwin, *The End of the British Empire: The Historical Debate* (Oxford: Basil Blackwell, 1991), p. 4.

²⁶ S.N. Eisenstadt, *The Political Systems of Empires* (Glencoe, N.Y.: Free Press, 1963). См. также: Anton Bebler and Jim Seroka, eds., *Contemporary Political Systems: Classifications and Typologies* (Boulder, Colo.: Rienner, 1990).

²⁷ Размышляя об определяющих характеристиках империй, ученые во многом единодушны. Рональд Сани определяет империю как «особую форму доминирования или контроля, присущую двум политическим единицам, которые вовлечены в иерархические, неравные взаимоотношения». Майкл Дойль полагает, что «империя – это такая разновидность отношений, формальных или неформальных, в рамках которых одно государство контролирует реализацию политического суверенитета другого политического образования». Джордж Лихтхейм понимает под империей «отношение государства-гегемона к народам или странам, находящимся под его контролем». С.Н. Эйзенштадт отмечает, что «фундаментальные взаимоотношения центра и периферии, сложившиеся в царской империи, характеризовались (как, впрочем, и в других исторических империях) дифференциацией, специализацией и кристаллизацией в целом и их политических центров в частности в качестве автономных, структурно и символически обособленных сущностей». По мнению Дэвида Лэйка, «в империях один из партнеров уступает ключевые контрольные полномочия другому партнеру; иными словами, две политики соединяются в таком политическом взаимоотношении, в котором один партнер контролирует другого».

Гейр Лундестад утверждает, что «под империей имеется в виду иерархическая система политических взаимоотношений, в которых один центр власти значительно сильнее другого». Наконец, Александр Вендт и Даниель Фридрих говорят, что «неформальные империи являются такими структурами транснациональной политической власти, которые сочетают эгалитарный принцип суверенитета *de jure* с иерархическим принципом политического контроля *de facto*». См.: Ronald Grigor Suny, «The Empire Strikes Out: Russia, the Soviet Union, and Theories of Empire,» paper prepared for «Empires and Nations: The Soviet Union and the Non-Russian Peoples», conference, University of Chicago, October 24–26, 1997, p. 5; Doyle, *Empires*, p. 45; George Lichtheim, *Imperialism* (New York: Praeger, 1971), p. 5; S.N. Eisenstadt, «Center-Periphery Relations in the Soviet Empire», in Alexander J. Motyl, ed., *Thinking Theoretically About Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR* (New York: Columbia University Press, 1992), p. 206; Lake, «Rise, Fall, and Future», p. 34; Geir Lundestad, *The American «Empire»* (Oslo: Norwegian University Press, 1990), p. 37; Alexander Wendt and Daniel Friedheim, «Hierarchy Under Anarchy: Informal Empire and the East German State», *International Organization* 49 (autumn 1995): 695.

²⁸ См.: Niklas Luhmann, *Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984), pp. 30–52.

²⁹ Важнейшую роль в трактовке языка как системы сыграли работы Фердинанда де Соссюра.

³⁰ Robert Jervis, *System Effects: Complexity in Political and Social Life* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997).

³¹ Immanuel Wallerstein, *The Modern World System*, vols. 1–2 (New York: Academic, 1974, 1979); James Rosenau, *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990).

³² Talcott Parsons, *Societies: Evolutionary and Comparative* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966); Luhmann, *Soziale Systeme*; Claude Levi-Strauss, *Structural*

- Anthropology* (New York: Basic, 1963); David Eastern, *A Framework for Political Analysis* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1965); Eastern, *A Systems Analysis of Political Life* (New York: Wiley, 1965). Блестящий обзор структуралистских теорий см. в книге: Jonathan Culler, *Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics, and the Study of Literature* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1975). См. также: Giovanni Sartori, «Concept Misformation in Comparative Politics», *American Political Science Review* 64 (December 1970): 1033–53.
- ³³ Rosenau, *Turbulence in World Politics*, pp. 49–50; Luhmann, *Soziale Systeme*, pp. 35–36.
- ³⁴ Критику системного теоретизирования см. в работах: Ronald Chilcote, *Theories of Comparative Politics: The Search for a Paradigm* (Boulder, Colo.: Westview, 1981), pp. 161–62; Malcolm Waters, *Modern Sociological Theory* (London: Sage, 1994), pp. 131–72.
- ³⁵ Об иррациональности человека см.: Karen Schweers Cook and Margaret Levi, eds., *The Limits of Rationality* (Chicago: University of Chicago Press, 1990); Kolja Rudzio, «Verfluchte Psyche», *Die Zeit*, October 7, 1999, p. 31.
- ³⁶ С.Н. Эйзенштадт во введении к книге: S.N. Eisenstadt, ed., *The Decline of Empires* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967), p. 1.
- ³⁷ Murray Forsyth, ed., *Federalism and Nationalism* (New York: St. Martin's, 1989).
- ³⁸ Edward N. Luttwak, *The Grand Strategy of the Roman Empire* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1976), pp. 80–84. См. также: Stephen L. Dyson, *The Creation of the Roman Frontier* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1985).
- ³⁹ Frantz Fanon, *The Wretched of the Earth* (New York: Grove, 1977); Albert Memmi, *The Colonizer and the Colonized* (Boston: Beacon, 1967).
- ⁴⁰ Miles, «Roman and Modern Imperialism», p. 643.
- ⁴¹ Ibid., p. 647.
- ⁴² Jervis, *System Effects*, pp. 76–87.
- ⁴³ Ibid., pp. 177–91.
- ⁴⁴ Luhmann, *Soziale Systeme*, p. 382.
- ⁴⁵ David Easton, *The Analysis of Political Structure* (New York: Routledge, 1990), pp. 273–79.
- ⁴⁶ См.: Luhmann, *Soziale Systeme*, p. 384.
- ⁴⁷ Kenneth Waltz, *Theory of International Relations* (New York: Random House, 1978), pp. 170–76.
- ⁴⁸ Janet L. Abu-Lughod, *Before European Hegemony: The World System, A.D. 1250–1350* (New York: Oxford University Press, 1989), p. 368.
- ⁴⁹ Robert C. Tucker, ed., *The Marx-Engels Reader*, 2nd ed. (New York: Norton, 1978), p. 438.
- ⁵⁰ Barrington Moore Jr., *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: Beacon, 1966).
- ⁵¹ *Plato's Republic* (Indianapolis, Ind.: Hackett, 1974), p. 196.
- ⁵² Ibid., p. 198.
- ⁵³ Mark Hagopian, *The Phenomenon of Revolution* (New York: Harper and Row, 1974).
- ⁵⁴ Chalmers Johnson, *Revolutionary Change* (Palo Alto, Calif.: Stanford University Press, 1982); Theda Skocpol, *States and Social Revolutions* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979); Joseph Tainter, *The Collapse of Complex Societies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988); Fanon, *Wretched of the Earth*, pp. 37–39.
- ⁵⁵ Ekkart Zimmermann, *Political Violence, Crises, and Revolutions: Theories and Research* (Boston: G.K. Hall, 1983); Martin J. Nicke, ed., *Herrschaft und Krise* (Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag, 1973).
- ⁵⁶ Tucker, *The Marx-Engels Reader*, p. 438; Johnson, *Revolutionary Change*, p. 94; Skocpol, *States and Social Revolutions*, pp. 30–31; Tainter, *Collapse of Complex Societies*, p. 120; Fanon, *Wretched of the Earth*, p. 71.
- ⁵⁷ Robert A. Kann, *The Habsburg Empire: A Study in Integration and Disintegration* (New York: Praeger, 1957), p. 134.
- ⁵⁸ Cho-yun Hsu, «Roles of the Literati», p. 189.
- ⁵⁹ Carlo M. Cipolla, introduction to Carlo M. Cipolla, ed., *The Economic Decline of Empires* (London: Methuen, 1970), p. 2. См. также интервью с Вольфом Домбровским: «Menschen machen Katastrophen», *Die Zeit*, August 26, 1999, p. 15.
- ⁶⁰ См.: Colin Renfrew, «Systems Collapse as Social Transformation: Catastrophe and Anastrophe in Early

- State Societies», in Colin Renfrew and Kenneth L. Cooke, eds., *Transformations: Mathematical Approaches to Culture Change*, pp. 481–505 (New York: Academic, 1979).
- ⁶¹ Herbert Kaufman, «The Collapse of Ancient States and Civilizations as an Organizational Problem», in Yoffee and Cowgill, *Collapse of Ancient States and Civilizations*, pp. 233–35; Niccolo Machiavelli, *The Prince and the Discourses* (New York: Modern Library, 1950), pp. 91–93. См. также: Edward Hallett Carr, *What Is History?* (New York: Vintage, 1961), pp. 130–34.
- ⁶² James D. Fearon, «Causes and Counterfactuals in Social Science: Exploring an Analogy Between Cellular Automata and Historical Processes», in Philip E. Tetlock and Aaron Belkin, eds., *Counterfactual Thought Experiments in World Politics*, pp. 39–67 (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996). См. также: Manus I. Midlarsky, *The Disintegration of Political Systems: War and Revolution in Comparative Perspective* (Columbia: University of South Carolina Press, 1986).
- ⁶³ Charles F. Doran, «Why Forecasts Fail: The Limits and Potential of Forecasting in International Relations and Economics», *International Studies Review* 1 (1999): 11.
- ⁶⁴ См.: Stephen Jay Gould, *The Panda's Thumb: More Reflections in Natural History* (New York: Norton, 1980), pp. 179–93.
- ⁶⁵ George Soros, *The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered* (New York: Public Affairs, 1998).
- ⁶⁶ William McNeill, *Plagues and Peoples* (Garden City, N.Y.: Anchor, 1976).
- ⁶⁷ Brian Fagan, *Floods, Famines, and Empires: El Niño and the Fate of Civilizations* (New York: Basic, 1999). См. также: «The Big Heat», *Economist*, August 28, 1999, p. 64.
- ⁶⁸ Sidney Hook, *The Hero in History* (Boston: Beacon, 1955), p. 203.
- ⁶⁹ Alexander Rabinowitch, *The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd* (New York: Norton, 1976), pp. 202–206.
- ⁷⁰ Robert G. Wesson, *The Imperial Order* (Berkeley: University of California Press, 1967), p. 36.
- ⁷¹ Ibid., p. 334.
- ⁷² Хорошие примеры внутренне противоречивых рассуждений, в которых доказывается наличие выбора там, где его явно не было, см. в статьях: Steven L. Solnick, «The Breakdown of Hierarchies in the Soviet Union and China: A Neoinstitutional Perspective», *World Politics* 48 (January 1996): 209–38; James D. Fearon and David D. Laitin, «Explaining Interethnic Cooperation», *American Political Science Review* 90 (December 1996): 715–35.
- ⁷³ См: Imre Lakatos, «Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes», in Imre Lakatos and Alan Musgrave, eds., *Criticism and the Growth of Knowledge*, pp. 91–196 (Cambridge: Cambridge University Press, 1970); Stephen Gaukroger, *Explanatory Structures* (Hassocks, U.K.: Harvester, 1978).
- ⁷⁴ Anthony Giddens, *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration* (Cambridge, U.K.: Polity, 1984).
- ⁷⁵ См.: Robert A. Denemark, «World Systems History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations», *International Studies Review* 1 (1999): 69; Michael Taylor, «Structure, Culture, and Action in the Explanation of Social Change», *Politics and Society* 17 (June 1989): 115–62; Roger Petersen, «Mechanisms and Structures in Comparison», in John Bowen and Roger Petersen, eds., *Critical Comparisons in Politics and Culture*, pp. 61–77 (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).
- ⁷⁶ Arthur Danto, *Narration and Knowledge* (New York: Columbia University Press, 1985), pp. 257–84.
- ⁷⁷ Сказанное не означает, что ценности вообще не имеют отношения к общественным наукам. Скорее, верно обратное. Но они ни в коем случае не могут служить единственным обоснованием достоверности той или иной теории. В вопросах морали выбор, разумеется, играет самую существенную роль.
- ⁷⁸ Gabriel A. Almond, *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science* (Newbury Park, Calif: Sage, 1990), pp. 51–53, 117–35.
- ⁷⁹ Jack A. Goldstone, *Revolution and Rebellion in the Early Modern World* (Berkeley: University of California Press,

- 1991); Jack A. Goldstone, «Ideology, Cultural Frameworks, and the Process of Revolution», *Theory and Society* 20 (August 1991): 405–53; Skocpol, *States and Social Revolutions*; Nikki Keddie, «Can Revolutions Be Predicted; Can Their Causes Be Understood?» in Nikki Keddie, ed., *Debating Revolutions*, pp. 3–26 (New York: New York University Press, 1995); Said Amir Arjomand, «Iran's Islamic Revolution in Comparative Perspective», *World Politics* 38 (April 1986): 383–414.
- ⁸⁰ См.: Bob Sutcliffe, *Imperialism* (New York: St. Martin's, 1999).
- ⁸¹ См.: Doyle, *Empires*, pp. 19–34; Wolfgang J. Mommsen, *Theories of Imperialism* (New York: Random House, 1980).
- ⁸² Yale H. Ferguson and Richard W. Mansbach, «Global Politics at the Turn of the Millenium: Changing Bases of 'Us' and 'Them'», *International Studies Review* 1 (1999): 79.
- ⁸³ Imanuel Geiss, «Great Powers and Empires: Historical Mechanisms of Their Making and Breaking», in Geir Lundestad, ed., *The Vail of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy* (Oslo: Scandinavian University Press, 1994), p. 33. Но империи, бесспорно, порождают войны. См.: William Eckhardt, «Civilizations, Empires, and Wars», *Journal of Peace Research* 27 (1990): 9–24.
- ⁸⁴ Reinhold Niebuhr, *The Structure of Nations and Empires* (Fairfield, N.J.: Augustus M. Kelley, 1977), p. 66.
- ⁸⁵ Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 133–36.
- ⁸⁶ См.: Parker, *Geopolitics of Domination*, pp. 1–9, 64–75.
- ⁸⁷ Lundestad, *American «Empire»*, p. 55.
- ⁸⁸ Geoffrey Parker, *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500-1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 132.
- ⁸⁹ Lake, «Rise, Fall, and Future», p. 34. См. также: Yale Ferguson and Richard Mansbach, *The State, Conceptual Chaos, and the Future of International Relations Theory* (Boulder, Colo.: Rienner, 1989).
- ⁹⁰ См.: Robert Gilpin, *War and Change in World Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981), pp. 106–155; David Friedman, «A Theory of the Size and Shape of Nations», *Journal of Political Economy* 85 (1977): 59–77. Хендрик Спруйт предлагает весьма запутанную версию данного тезиса в следующей работе: «Explaining Imperial Decline: The Obsolescence and Dissolution of Empires in the Modern Era», paper prepared for the convention of the American Political Science Association, Washington, D.C., August 27–31, 1997. См. также: Robert O. Keohane, *International Politics and State Power* (Boulder, Colo.: Westview, 1989), pp. 35–66.
- ⁹¹ См.: Peter Liberman, *Does Conquest Pay?* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996).
- ⁹² D. K. Fieldhouse, *Economics and Empire, 1830–1914* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1973), p. 464.
- ⁹³ См.: Charles A. Kupchan, *The Vulnerability of Empire* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994), pp. 90–104; Jack Snyder, *Myths of Empire* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991), pp. 31–65.
- ⁹⁴ Geoffrey W. Conrad and Arthur A. Demarest, *Religion and Empire: The Dynamics of Aztec and Inca Expansionism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), pp. 120–21.
- ⁹⁵ Об избыточной протяженности см.: David A. Lake, «Anarchy, Hierarchy, and the Variety of International Relations», *International Organization* 50 (winter 1996): 1–33; Ronald Findlay, «Toward a Model of Territorial Expansion and the Limits of Empire», unpublished manuscript, Columbia University, May 1994.
- ⁹⁶ Jean-Jacques Rousseau, *The Social Contract, in Discourse on Political Economy and The Social Contract* (New York: Oxford University Press, 1994).
- ⁹⁷ Многие из этих проблем отражены в работе Дэвида Лэйка. С одной стороны, этот автор настаивает на том, что «подъем иерархии (т.е. империи) повышает издержки доминирующего государства по управлению зависимыми территориями». В частности, «для того чтобы добиться от подчиненной стороны согласия на иерархический тип взаимоотношений, ее потери компенсируются трансфертами или иными платежами со стороны центра. По мере того как власти зависимых территорий слагают с себя ответственность за состояние дел в той или иной сфере, «компенсационный пакет», предлагаемый метрополией, становится

ся все больше». С другой стороны, «жажда ренты», которая «порождает во внешней политике государства империалистический уклон, ...вредит экономике и препятствует ее росту. Со временем, по мере того как диспропорции нарастают, государство может улучшить свои показатели, сокращая ренту, освобождая экономику от монополизма и стимулируя рост. ...Когда государство обращается от взимания ренты к стимулированию роста, происходит выработка контракта об оптимальном размере политического образования» (Lake, «Anarchy, Hierarchy», pp. 42, 47, 50). В своем анализе Лэйк допускает четыре просчета. Во-первых, ему приходится «очеловечивать» государство или пользоваться семантически пустыми формулами типа «государство может улучшить», «государство обращается» и т.п. Во-вторых, этот автор явно привержен понятию оптимального размера, хотя из его же собственных рассуждений следует, что оно является пустым. В-третьих, утверждения Лэйка о том, что империи разделяют двойственную природу, присущую любым другим отношениям иерархического типа, низводит эти государственные образования до уровня просто больших государств. В-четвертых, и это самое главное, Лэйк безосновательно настаивает на том, что учет плюсов и минусов влияет на предпочтения элит. Из этой предпосылки следует, что компромиссы, касающиеся управленческих затрат, поисков ренты, экономического роста, действительно расцениваются элитами как компромиссы – причем постоянно, а не только в те моменты, когда в делах намечается неполадок, – и что элиты, опираясь на данный базис, принимают решение в пользу или против империи. Но если под *выбором* понимать четко фиксируемый отрезок времени, на протяжении которого взвешиваются альтернативы и рассматриваются различные варианты, то тогда элитам вовсе не приходится выбирать. Выбор в упомянутом контексте оказывается таким же пустым понятием, как и оптимальный размер.

⁹⁸ Критический взгляд на теорию рационального выбора представлен в следующих работах: Donald Green and Ian Shapiro, *Pathologies of Rational Choice Theory*

(New Haven, Conn.: Yale University Press, 1994); Jane L. Mansbridge, ed., *Beyond Self-Interest* (Chicago, Ill.: Chicago University Press, 1990). См. также: Jonathan Cohn, «Irrational Exuberance», *New Republic*, October 25, 1999, pp. 25–31.

⁹⁹ См.: Gerd Roellecke, «Du hast keine Wahl, aber triff sie», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, July 1, 2000.

¹⁰⁰ См.: Ernst Nagel, *The Structure of Science*, 2nd ed. (Indianapolis, Ind.: Hackett, 1977), pp. 30–32; Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 8–11.

¹⁰¹ Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 131–45.

¹⁰² Charles Diehl, «The Economic Decay of Byzantium», in Cipolla, *Economic Decline of Empires*, p. 101. Я рассматривал эту проблему в статье «Thinking About Empire», pp. 19–29. См. также: Alexander Demandt, «Die Weltreiche in der Geschichte», in Alexander Demandt, ed., *Das Ende der Weltreiche: Van den Persen bis zur Sowjetunion* (Munich: Beck, 1997), pp. 223–27.

¹⁰³ Fernand Braudel, *The Structures of Everyday Life: The Limits of the Possible* (New York: Harper and Row, 1981); David Hackett Fischer, *The Great Wave: Price Revolutions and the Rhythm of History* (New York: Oxford University Press, 1996); Jared Diamond, *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies* (New York: Norton, 1997). См. также: Charles Tilly, *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons* (New York: Russell Sage, 1984).

¹⁰⁴ Doyle, *Empires*, pp. 128–38.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 130.

Глава 2

¹ Herbert Kaufman, «The Collapse of Ancient States and Civilizations as an Organizational Problem», in Norman Yoffee and George L. Cowgill, eds., *The Collapse of Ancient States and Civilizations* (Tucson: University of Arizona Press, 1988), pp. 228–29.

² A.H.M. Jones, «The Social, Political, and Religious Changes During the Last Period of the Roman Empire», in

- S.N. Eisenstadt, ed., *The Decline of Empires* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967), p. 69.
- ³ Carlo M. Cipolla, introduction to Carlo M. Cipolla, ed., *The Economic Decline of Empires* (London: Methuen, 1970), pp. 5, 6–7.
- ⁴ Cho-yun Hsu, «The Roles of the Literati and of Regionalism in the Fall of the Han Dynasty», in Yoffee and Cowgill, *Collapse of Ancient States*, p. 189.
- ⁵ Rein Taagepera: «Expansion and Contraction Patterns for Large Polities: Context for Russia», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 475–504; Taagepera, «Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D.», *Social Science History* 3 (October 1979): 115–38; Taagepera, «Size and Duration of Empires: Systematics of Size», *Social Science Research* 1 (1978): 108–27; Taagepera, «Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 3000 to 600 B.C.», *Social Science Research* 7 (1978): 180–96.
- ⁶ Warren Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society* (Palo Alto, Calif.: Stanford University Press, 1997), pp. 7–8.
- ⁷ Christopher Chase-Dunn and Thomas D. Hall, *Rise and Demise: Comparing World Systems* (Boulder, Colo.: Westview, 1997), pp. 200–29. Bas van Fraassen, *Laws and Symmetry* (Oxford: Clarendon, 1989). Michael E. Brown, «The Causes and Regional Dimensions of Internal Conflict», in Michael E. Brown, ed., *The International Dimensions of Internal Conflict* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996), pp. 576–81.
- ⁸ Bas van Fraassen, *Laws and Symmetry* (Oxford: Clarendon, 1989).
- ⁹ Michael E. Brown, «The Causes and Regional Dimensions of Internal Conflict», in Michael E. Brown, ed., *The International Dimensions of Internal Conflict* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996), pp. 576–81.
- ¹⁰ О «концепциях, оспариваемых по существу» см.: William Connolly, *The Terms of Political Discourse* (Lexington, Mass.: Heath, 1974).
- ¹¹ Giovanni Sartori, «Totalitarianism, Model Mania, and Learning from Error», *Journal of Theoretical Politics* 5 (1993): 5–22.
- ¹² См.: Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (New York: Harcourt Brace, 1951); Hans Buchheim, *Totalitarian Rule: Its Nature and Characteristics* (Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1968); Karl Dietrich Bracher, *Die totalitäre Erfahrung* (Munich: Piper, 1987); Stephen F. Cohen, *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917* (New York: Oxford University Press, 1985); Bartłomiej Kaminski, «The Anatomy of the Directive Capacity of the Socialist State», *Comparative Political Studies* 22 (April 1989): 66–92; Barrington Moore Jr., *Terror and Progress – USSR* (New York: Harper, 1954); Stephen E. Hanson, «Social Theory and the Post-Soviet Crisis», *Communist and Post-Communist Studies* 28 (1995): 119–30; Ian Kershaw and Moshe Lewin, eds., *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997); Ian Kershaw, *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*, 2nd ed. (London: Edward Arnold, 1989); «Historikerstreit» (Munich: Piper, 1987); Norman Davies, *Europe: A History* (Oxford: Oxford University Press, 1996), pp. 945–48. История понятия рассматривается в работе: Abbott Gleason, *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War* (New York: Oxford University Press, 1995).
- ¹³ Carl J. Friedrich and Zbigniew Brzezinski, *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956).
- ¹⁴ Franz Neumann, *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism, 1933-1944* (London: Oxford University Press, 1944).
- ¹⁵ Alexander J. Motyl, *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* (New York: Columbia University Press, 1999), pp. 3–15.
- ¹⁶ Ibid, pp. 2–3.
- ¹⁷ Karl Deutsch, «Cracks in the Monolith: Possibilities and Patterns of Disintegration in Totalitarian Systems», in Harry Eckstein and David E. Apter, *Comparative Politics: A Reader* (New York: Free Press, 1963), pp. 498.
- ¹⁸ О стабильности империй см.: Alexander J. Motyl, *Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity, and Stability in the USSR* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987) pp. 1–19.

- ¹⁹ Было бы интересно поразмышлять на тему о том, нельзя ли добиться абсолютной устойчивости империй с помощью компьютерных моделей. Я признателен Полли Кюммель за эту идею.
- ²⁰ См.: Alexander J. Motyl, «The End of Sovietology: From Soviet Studies to Post-Soviet Studies», in Alexander J. Motyl, ed., *The Post-Soviet Nations: Perspectives on the Demise of the USSR*, pp. 302–14 (New York: Columbia University, 1992).
- ²¹ См.: Seweryn Bialer, *Stalin's Successors: Leadership, Stability, and Change in the Soviet Union* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980).
- ²² Valerie Bunce, *Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), pp. 39–40.
- ²³ См.: Alec Nove, *The Soviet Economy*, rev. ed. (New York: Praeger, 1967); Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled*, rev. ed. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967); Barrington Moore Jr., *Soviet Politics: The Dilemma of Power* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1950); Richard L. Wenthall, «On 'Established' Communist Party Regimes», *Studies in Comparative Communism* 7 (winter 1974): 335–58; Chalmers Johnson, ed., *Change in Communist Systems* (Palo Alto, Calif.: Stanford University Press, 1970); Maria Hirsowicz, *The Bureaucratic Leviathan: A Study in the Sociology of Communism* (New York: New York University Press, 1980); Igor' Birman, *Ekonomika nedostach* (New York: Chalidze, 1983).
- ²⁴ Włodzimierz Brus, *The Economics and Politics of Socialism* (London: Routledge and Kegan Paul, 1973), pp. 13–14.
- ²⁵ Deutsch, «Cracks in the Monolith», pp. 498–99.
- ²⁶ Ibid., p. 499.
- ²⁷ Ibid., pp. 501–2.
- ²⁸ Ibid., p. 502.
- ²⁹ Ibid. В своих выводах Дойч отнюдь не одинок. Энтони Доунс, в частности, пишет: «Поведение больших организаций вообще невозможно контролировать, ибо всякая попытка взять под контроль большую организацию порождает еще одну организацию, столь же масштабную. При этом каждый чиновник старается исказить данные, передаваемые вверх, преувеличивая те моменты, которые для него выгодны, и пре-

уменьшая все остальные» (Downs, *Inside Bureaucracy* [Boston: Little Brown, 1967], pp. 262, 266). Ему вторит Джозеф Тэйнтнер: «Динамика затрат, направляемых на обработку информации, обнаруживает тенденцию к снижению эффективности. ...По мере того как социальная группа становится больше, коммуникационная нагрузка усиливается еще быстрее. В свою очередь, масштабы обрабатываемой информации растут – до некоторого предела, задаваемого возможностями системы. Как только эта точка пройдена, качество обработки данных резко падает: в этот процесс вкладываются все большие деньги, в то время как информация становится все менее качественной и достоверной» (Tainter, *The Collapse of Complex Societies* [Cambridge: Cambridge University Press, 1988], p. 99). Пророческий анализ нежизнеспособности Советского Союза см. в работе: Bohdan Hawrylyshyn, *Road Maps to the Future: Toward More Effective Societies* (Oxford: Pergamon, 1980).

- ³⁰ Deutsch, «Cracks in the Monolith», pp. 506–7.
- ³¹ Geoffrey Parker, *The Geopolitics of Domination* (London: Routledge, 1988), pp. 149–50.
- ³² G.W. Bowersock, «The Dissolution of the Roman Empire», in Yoffee and Cowgill, *Collapse of Ancient States*, pp. 170–71.
- ³³ См.: E.A. Thompson, *Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire* (Madison: University of Wisconsin Press, 1982).
- ³⁴ Geir Lundestad, «The Fall of Empires: Peace, Stability, and Legitimacy», in Geir Lundestad, ed., *The Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy* (Oslo: Scandinavian University Press, 1994), p. 393. См. также: Charles Tilly, *Coercion, Capital, and European States, A.D. 900–1990* (Cambridge, U.K.: Basil Blackwell, 1990), p. 24.
- ³⁵ Карло Чиполла пишет: «Фундаментальное значение имеет тот факт, что общественное потребление в зрелых империях вызывает явную тенденцию к росту. Отражением этого феномена является усиление налогового бремени. Одной из общих особенностей империй, находящихся на поздних стадиях развития, становится нарастающий объем ресурсов, которые выкачиваются государством из экономики» (*Economic*

Decline of Empires, p. 6). В том же духе высказывается и Роберт Гилпин: «Поначалу, в силу своего исходного превосходства над другими государствами, молодое государство развивается весьма бурно. Со временем, однако, тяга к экспансии ослабевает. Наконец, по мере того как цена реализации экспансионистской политики сравнивается с ее приобретениями, экспансия иссякает, и устанавливается равновесие. ... Общество, достигшее пределов своего расширения, переживает все большие трудности с поддержанием своих позиций и противодействием неизбежному упадку. Потом оно сталкивается со сложностями в приросте аграрной и индустриальной сферы. В силу внутренних и внешних факторов потребление растет, а вместе с ним растут и производственные издержки; государство вступает в полосу фискального кризиса. Диффузия экономического, технологического или организационного потенциала подрывает его сравнительные преимущества над другими обществами, в особенности находящимися на периферии системы. Эти молодые государства, со своей стороны, пользуются благом низких затрат, высокой отдачей от собственных ресурсных запасов и преимуществами отсталости. Со временем меняющиеся показатели роста старых и молодых государств приводят к серьезному перераспределению власти в системе, что в конечном счете ведет к нарушению сложившегося в ней равновесия» (Gilpin, *War and Change in World Politics* [Cambridge: Cambridge University Press, 1991], pp. 155, 185).

³⁶ Alexander J. Motyl, «Thinking About Empire», in Karen Barkey and Mark von Hagen, eds., *After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building*, pp. 19–29 (Boulder, Colo.: Westview, 1997).

³⁷ Kaufman, «Collapse of Ancient States», pp. 221–22.

³⁸ См.: Tilly, *Coercion, Capital, and European States*, pp. 192–225. Джон Киган выражает надежду на то, что человечество «отнюдь не обречено воевать или решать спорные вопросы только с помощью насилия» (John Keegan, *A History of Warfare* [New York: Knopf, 1994], p. 386). Джон Мюллер (John Mueller, *Retreat from Doomsday: Obsolescence of Modern War* [New York: Basic,

1989]) и Майкл Мандельбаум (Michael Mandelbaum, «Is Major War Obsolete?» *Survival* 40 [winter 1998–1999]: 20–38) еще более решительно настаивают на том, что войны между великими державами устарели. Индуктивные аргументы в пользу подобного вывода довольно слабы, но даже если он окажется верным, его можно будет применять только в отношении будущего и, следовательно, империй будущего. Что же касается империй прошлого, то здесь мы с полным основанием можем рассматривать войну как данность. См. также: Kaiser, *Politics and War: European Conflict from Philip II to Hitler* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990).

³⁹ D.W. Meinig, *The Shaping of America: Atlantic America, 1492–1800*, vol. I (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986), pp. 381–85; Richard Koebner, *Empire* (New York: Grosset and Dunlop, 1965), pp. 105–93.

⁴⁰ Разумеется, такая точка зрения должна основываться на предпосылке, согласно которой все элиты добиваются власти и, следовательно, участвуют в состязании. На этот тезис опираются, в частности, Тилли и Бреулли: Charles Tilly, *From Mobilization to Revolution* (New York: Random House, 1978); John Breuilly, *Nationalism and the State* (Manchester, U.K.: Manchester University Press, 1982). См. также: Charles Taylor, «Faith and Identity: Religion and Conflict in the Modern World», *Newsletter of the Institut für die Wissenschaften vom Menschen*, no. 63 (November 1998–January 1999), pp. 128–31.

⁴¹ Джон Дарвин пишет: «Британская империя завершила свое существование вовсе не из-за того, что англичане утратили к ней интерес или же сложили с себя имперские обязательства. Напротив, признание необходимости того, что колониальное самоуправление придется расширять, соседствовало у них с намерением сохранить статус своей страны как великой державы» (Darwin, *The End of the British Empire: The Historical Debate* [Oxford: Basil Blackwell, 1991], p. 114).

⁴² Bernard Porter, «Die Transformation des British Empire», in Alexander Demandt, ed., *Das Ende der Weltreiche: Von den Persen bis zur Sowjetunion* (Munich: Beck, 1997), pp. 169–71.

⁴³ Cho-yun Hsu, «Roles of the Literati», p. 194.

- ⁴⁴ Ibid., p. 187.
- ⁴⁵ Ibid., p. 195.
- ⁴⁶ Ibid., pp. 191, 193.
- ⁴⁷ Ibid., pp. 194–95. См. также: Chase-Dunn and Hall, *Rise and Demise*, pp. 158–63.
- ⁴⁸ Michael W. Doyle, *Empires* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986), pp. 101–2. См. также: Helmuth Schneider, «Das Ende des Imperium Romanum im Westen,» in Richard Lorenz, ed., *Das Verdammern der Macht: Vom Untergang grosser Reiche* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000), p. 31.
- ⁴⁹ Alexander Demandt, «Die Auf- und Ab- und Untergang des römischen Reiches,» in Demandt, *Das Ende der Weltreiche*, p. 40.
- ⁵⁰ Peter Garnsey and Richard Saller, *The Roman Empire: Economy, Society, and Culture* (Berkeley: University of California Press, 1987), p. 20.
- ⁵¹ Philippe Contamine, *War in the Middle Ages* (Oxford: Basil Blackwell, 1984), p. 9.
- ⁵² Arther Ferrill, *The Fall of the Roman Empire* (London: Thames and Hudson, 1986).
- ⁵³ Bernard Lewis, «Some Reflections on the Decline of the Ottoman Empire», in Cipolla, *Economic Decline of Empires*, p. 217.
- ⁵⁴ Ibid., p. 228.
- ⁵⁵ Engin D. Akarli, «Economic Policy and Budgets in Ottoman Turkey, 1876–1909», *Middle Eastern Studies* 28 (July 1992): 446, 466–467. См. также: Donald Quataert, *Social Disintegration and Popular Resistance in the Ottoman Empire, 1881–1908* (New York: New York University Press, 1983).
- ⁵⁶ Akarli, «Economic Policy and Budgets», p. 448.
- ⁵⁷ Carter V. Findley, *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789–1922* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980), pp. 337–47.
- ⁵⁸ Akarli, «Economic Policy and Budgets», p. 460.
- ⁵⁹ Geoffrey Parker, *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), pp. 126–28.
- ⁶⁰ Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey*, 2nd ed. (London: Oxford University Press, 1968); Benjamin Miller and Korina Kagan, «The Great Powers and Regional Conflicts: Eastern Europe and the Balkans from the Post-Napoleonic Era to the Post-Cold War Era», *International Studies Quarterly* 41 (1997): 51–85.
- ⁶¹ Treadgold, *History of the Byzantine State and Society*, p. 677. См. также: Franz Georg Maier, «Byzanz: Selbstbehauptung und Zerfall einer Grossmacht», in Lorenz, *Das Verdammern der Macht*, pp. 53–54.
- ⁶² George Ostrogorsky, *History of the Byzantine State* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1969), p. 323.
- ⁶³ Ibid., p. 481.
- ⁶⁴ Charles Diehl, «The Economic Decay of Byzantium», in Cipolla, *Economic Decline of Empires*, p. 100.
- ⁶⁵ Maier, «Byzanz», p. 49.
- ⁶⁶ Treadgold, *History of the Byzantine State and Society*, p. 813.
- ⁶⁷ Ostrogorsky, *History of the Byzantine State*, pp. 499–533; Archibald R. Lewis, *Nomads and Crusaders, A.D. 1000–1368* (Bloomington: Indiana University Press, 1988), pp. 154–55, 192–93.
- ⁶⁸ Doyle, *Empires*, p. 120.
- ⁶⁹ Ibid., p. 102.
- ⁷⁰ Renate Pieper, «Des Ende des Spanischen Kolonialreiches in Amerika», in Demandt, *Das Ende der Weltreiche*, p. 79.
- ⁷¹ Hans-Joachim K nig, «Der Zerfall des Spanischen Weltreichs in Amerikas: Ursachen und Folgen», in Lorenz, *Das Verdammern der Macht*, p. 145.
- ⁷² Doyle, *Empires*, pp. 331–35; K nig, «Der Zerfall des Spanischen Weltreichs», p. 147.
- ⁷³ Franz Ansprenger, *The Dissolution of the Colonial Empires* (London: Routledge, 1989), pp. 266–89.
- ⁷⁴ Eric J. Hobsbawm, *Industry and Empire: From 1750 to the Present Day* (London: Penguin, 1968), pp. 218–21; Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers* (New York: Vintage, 1987), pp. 275–91.
- ⁷⁵ Kennedy, *Rise and Fall of the Great Powers*, pp. 347–72; Roland H hne, «Die Auf- und Ab- und Untergang des franz sischen Kolonialreiches, 1946–1962,» in Lorenz, *Das Verdammern der Macht*, pp. 205–35.
- ⁷⁶ Darwin, *End of the British Empire*, p. 120. См. также: Horst

- Dippel, «Die Aufl sung des Britischen Empire oder die Suche nach einem Reichersatz f r formale Herrschaft», in Lorenz, *Das Verd mmern der Macht*, p. 252.
- ⁷⁷ Michael Graham Fry, «Colonization: Britain, France, and the Cold War», in Karen Dawisha and Bruce Parrott, eds., *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1997), pp. 128–35.
- ⁷⁸ Kennedy, *Rise and Fall*, p. 366.
- ⁷⁹ Tilly, *Coercion, Capital, and European States*, p. 198.
- ⁸⁰ Ansprenger, *Dissolution of the Colonial Empires*, pp. 159–207; Fry, «Colonization», pp. 138–45.
- ⁸¹ Tainter, *Collapse of Complex Societies*, p. 127.
- ⁸² Carlo M. Cipolla, introduction to *Economic Decline of Empires*, pp. 13–14.
- ⁸³ *Ibid.*, pp. 7–13.
- ⁸⁴ Проделанный Дэвидом Гудом анализ экономики поздней империи Габсбургов свидетельствует, что в зрелых империях рост происходит в тех случаях, когда государство отказывается от вмешательства в экономику. См.: David Good, *The Economic Rise of the Habsburg Empire, 1750–1914* (Berkeley: University of California Press, 1984); William R. Thompson, «Long Waves, Technological Innovation, and Relative Decline», *International Organization* 44 (spring 1990): 202–7.
- ⁸⁵ Tainter, *Collapse of Complex Societies*, pp. 99–106.
- ⁸⁶ Paul Claval, «Centre/Periphery and Space: Models of Political Geography», in Jean Gottmann, ed., *Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics*, pp. 63–71 (Beverly Hills, Calif.: Sage, 1980).

Глава 3

- ¹ Richard Lorenz, «Das Ender der Sowjetunion», in Richard Lorenz, ed., *Das Verd mmern der Macht: Vom Untergang grosser Reiche* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000), p. 278.
- ² Seweryn Bialer, *Stalin's Successors: Leadership,*

Stability, and Change in the Soviet Union (Cambridge: Cambridge University Press, 1980); Ed A. Hewett, *Reforming the Soviet Economy* (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1988); James R. Millar, *The ABCs of Soviet Socialism* (Urbana: University of Illinois Press, 1981).

- ³ János Kornai, *The Socialist System: The Political Economy of Communism* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992); Richard E. Ericson, «Soviet Economic Structure and the National Question», in Alexander J. Motyl, ed., *The Post-Soviet Nations: Perspectives on the Demise of the USSR*, pp. 240–71 (New York: Columbia University Press, 1992); Igor' Birman, *Ekonomika nedostach* (New York: Chalidze, 1983).
- ⁴ Ronald Grigor Suny, *Revenge of the Past* (Palo Alto, Calif.: Stanford University Press, 1993); Bruce Parrott, «Analyzing the Transformation of the Soviet Union in Comparative Perspective», in Karen Dawisha and Bruce Parrott, eds., *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective*, pp. 3–29 (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1997); Høllene Carrère d'Encausse, *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt* (New York: Newsweek Books, 1979).
- ⁵ Timothy Garton Ash, «The Empire in Decay», *New York Review of Books*, September 29, 1988, p. 56.
- ⁶ Joseph Rothschild, *The Return to Diversity* (Oxford: Oxford University Press, 1989); Rudolf T kes, ed., *Opposition in Eastern Europe* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1979); Elemør Hankiss, *East European Alternatives* (Oxford: Clarendon, 1990); Teresa Rakowska-Harmstone and Andrew Gyorgy, eds., *Communism in Eastern Europe* (Bloomington: Indiana University Press, 1979); Rej Koslowski and Friedrich V. Kratochwil, «Understanding Change in International Politics: The Soviet Empire's Demise and the International System», *International Organization* 48 (spring 1994): 235–41; Zdenek Mlynær, *Krisen und Krisenbew Itigung in Sowjetblock* (Vienna: Bund-Verlag and Braum ller, 1983).
- ⁷ Stephen M. Meyer, «The Military», in Timothy J. Colton and Robert Legvold, eds., *After the Soviet Union: From Empire to Nations* (New York: Norton, 1992), p. 113. См.

- также: William E. Odom, *The Collapse of the Soviet Military* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998).
- ⁸ Seweryn Bialer, *The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline* (New York: Knopf, 1986).
- ⁹ Paul Robert Magocsi, *Historical Atlas of East-Central Europe* (Seattle: University of Washington Press, 1993), pp. 73–75.
- ¹⁰ Robert Kann, *The Habsburg Empire: A Study in Integration and Disintegration* (New York: Praeger, 1957), pp. 25–37.
- ¹¹ Robert Kann, *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918* (Berkeley: University of California Press, 1974).
- ¹² Kann, *The Habsburg Empire*, p. 10.
- ¹³ A.J.P. Taylor, *The Habsburg Monarchy, 1809–1918* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp. 123–40.
- ¹⁴ Alan Sked, *The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918* (London: Longman, 1989), pp. 192–93.
- ¹⁵ Istvan Deak, «The Fall of Austria-Hungary: Peace, Stability, and Legitimacy», in Geir Lundestad, ed., *The Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy* (Oslo: Scandinavian University Press, 1994), p. 85.
- ¹⁶ Peter F. Sugar, «The Nature of the Non-Germanic Societies Under Habsburg Rule», *Slavic Review* 22 (March 1963): 1–30.
- ¹⁷ Frederick Engels, *Germany: Revolution and Counterrevolution* (New York: International, 1969). См. также: Barbara Jelavich, *The Habsburg Empire in European Affairs, 1814–1918* (Chicago: Rand McNally, 1969), pp. 57–68.
- ¹⁸ Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers* (New York: Vintage, 1987), pp. 217–19.
- ¹⁹ Deak, «Fall of Austria-Hungary», pp. 89–90.
- ²⁰ Istvan Deak, *Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918* (Oxford: Oxford University Press, 1990).
- ²¹ Edward C. Thaden, *Russia's Western Borderlands, 1710–1870* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984).
- ²² Marc Raeff, *Understanding Imperial Russia* (New York: Columbia University Press, 1984), pp. 36–37.
- ²³ Ronald Grigor Suny, *The Making of the Georgian Nation* (Bloomington: Indiana University Press, 1988); Edward Allworth, ed., *Central Asia: A Century of Russian Rule* (New York: Columbia University Press, 1967); John A. Armstrong, «Mobilized Diaspora in Tsarist Russia: The Case of the Baltic Germans», in Jeremy Azrael, ed., *Soviet Nationality Policies and Practices*, pp. 63–104 (New York: Praeger, 1978); Ronald Grigor Suny, ed., *Transcaucasia: Nationalism and Social Change* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983); Seymour Becker, *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968).
- ²⁴ Martin C. Spechler, «Economic Advantages of Being Peripheral: Subordinate Nations in Multinational Empires», unpublished manuscript, University of Indiana. См. также: Erkki Pihkala, «Der baltische Handel Finnlands, 1835–1944», *Jahrb cher f r Geschichte Osteuropas* 23 (1975): 1–25.
- ²⁵ Walter M. Pinter, «The Burden of Defense in Imperial Russia, 1725–1914», *Russian Review* 43 (1984): 249, 242, 245. См. также: John L.H. Keep, «The Russian Army's Response to the French Revolution», *Jahrb cher f r Geschichte Osteuropas* 28 (1980): 500–23.
- ²⁶ Kennedy, *Rise and Fall of the Great Powers*, pp. 236–40.
- ²⁷ См. также: Joseph Tainter, *The Collapse of Complex Societies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 124.
- ²⁸ A.H.M. Jones, «The Social, Political, and Religious Changes During the Last Period of the Roman Empire», in S.N. Eisenstadt, ed., *The Decline of Empires* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967), pp. 159–60.
- ²⁹ См.: Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled*, rev. ed. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967); Jerry F. Hough and Merle Fainsod, *How the Soviet Union Is Governed* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979); Barrington Moore Jr., *Soviet Politics: The Dilemma of Power* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1950).
- ³⁰ Solomon Wank, «The Disintegration of the Habsburg and Ottoman Empires: A Comparative Analysis», in Dawisha and Parrott, *End of Empire?* p. 112.
- ³¹ Ibid., pp. 110–11.

- ³² Kann, *The Habsburg Empire*, p. 154.
- ³³ См.: Charles A. Kupchan, *The Vulnerability of Empire* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994), pp. 33–104.
- ³⁴ Samuel R. Williamson Jr., *Austria-Hungary and the Origins of the First World War* (Houndmills, U.K.: Macmillan, 1991), p. 215.
- ³⁵ Tainter, *Collapse of Complex Societies*, pp. 124–26. См. также: David Hackett Fischer, *The Great Wave: Price Revolutions and the Rhythm of History* (New York: Oxford University Press, 1996); Jahangir Amuzegar, «OPEC as Omen», *Foreign Affairs* 11 (November–December 1998): 95–111.
- ³⁶ См.: Henry Munson Jr., *Islam and Revolution in the Middle East* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1988), pp. 11–12.
- ³⁷ Fischer, *Great Wave*, pp. 82–83.
- ³⁸ Leslie Dienes, *Soviet Asia: Economic Development and National Policy Choices* (Boulder, Colo.: Westview, 1987).
- ³⁹ Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey*, 2nd ed. (Oxford: Oxford University Press, 1968).
- ⁴⁰ Henri Pirenne, *Mohammed and Charlemagne* (London: Allen and Unwin, 1939). См. также: Immanuel Wallerstein, *The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century* (New York: Academic, 1976); Immanuel Wallerstein, *The Modern World System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World Economy, 1600–1750* (New York: Academic Press, 1980); Janet L. Abu-Lughod, *Before European Hegemony: The World System, A.D. 1250–1350* (New York: Oxford University Press, 1989).
- ⁴¹ John Noble Wilford, «Collapse of Earliest Known Empire Is Linked to Long, Harsh Drought», *New York Times*, August 24, 1993, pp. C1, C10; William H. McNeill, *Plagues and Peoples* (Garden City, N.Y.: Anchor, 1976), pp. 175–85.
- ⁴² Geoffrey W. Conrad and Arthur A. Demarest, *Religion and Empire: The Dynamics of Aztec and Inca Expansionism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), p. 69.
- ⁴³ Brian Fagan, *Floods, Famines, and Empires: El Niño and the Fate of Civilizations* (New York: Basic, 1999), p. xvi.
- ⁴⁴ Douglas Hofstadter, *G del, Escher, Bach* (New York: Vintage, 1989); Richard Boyd, Philip Gasper, and J. D. Trout, eds., *The Philosophy of Science* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991).
- ⁴⁵ Ehrhard Behrens, «'P = NP?': Oder, Anders Gefragt: Ist Glöckchen in der Mathematik entbehrlich?» *Die Zeit*, March 4, 1999, p. 43.
- ⁴⁶ James Rosenau, *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990), p. 90.
- ⁴⁷ Fagan, *Floods, Famines, and Empires*, p. 51.
- ⁴⁸ Tainter, *Collapse of Complex Societies*, p. 127. Хотя большая часть проблем, поднимаемых Тэйнтнером, воспринимается мной с пониманием, в целом схема этого автора не слишком применима к изучению империй в целом и имперского коллапса в частности. Во-первых, базовой единицей его исследования выступает «общество», а не та или иная конкретная полития. Во-вторых, он рассматривает коллапс не с точки зрения общества *per se*, но в перспективе его сложности: «Общество рушится в тот момент, когда оно обнаруживает быструю и значительную утрату устоявшегося уровня социально-политической сложности» (р. 4). Поскольку общество и сложность в интерпретации Тэйнтнера предстают почти синонимами, его следует понимать так, что крах одной из этих составляющих или обеих сразу возможен только там, где «образуется вакуум власти... в котором дезинтеграции не в силах противостоять никто» (р. 202). Наконец, подход Тэйнтнера к краху и сложности слишком широк для меня, ибо я интересуюсь гораздо более узкой темой империй как особой разновидности политических систем. Одним из непосредственных следствий этого различия в перспективе является то, что с его точки зрения империя Габсбургов вовсе не рухнула, в то время как для меня очевидно, что ее постиг полный крах.
- ⁴⁹ Theda Skocpol, *States and Social Revolutions* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979).
- ⁵⁰ Robert Gilpin, *War and Change in World Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).
- ⁵¹ A.B. Bosworth, *Conquest and Empire: The Reign of*

- Alexander the Great (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 174.
- ⁵² James O'Connor, *The Meaning of Crisis* (Oxford: Basil Blackwell, 1987); Alexander J. Motyl, «Reassessing the Soviet Crisis: Big Problems, Muddling Through, Business as Usual», *Political Science Quarterly* 104 (summer 1989): 269–80.
- ⁵³ Kennedy, *Rise and Fall of the Great Powers*, pp. 232–41.
- ⁵⁴ Alexander J. Motyl, *Sovietology, Rationality, Nationality: Coming to Grips with Nationalism in the USSR* (New York: Columbia University Press, 1990), pp. 103–18.
- ⁵⁵ Richard Pipes, *The Formation of the Soviet Union* (New York: Atheneum, 1974).
- ⁵⁶ Geoffrey Parker, *The Geopolitics of Domination* (London: Routledge, 1988), pp. 76–99.
- ⁵⁷ Kennedy, *Rise and Fall of the Great Powers*, pp. 209–15.
- ⁵⁸ Hans-Ulrich Wehler, *The German Empire, 1871–1918* (Dover, N.H.: Berg, 1985), pp. 42–44.
- ⁵⁹ Kennedy, *Rise and Fall of the Great Powers*, pp. 268–74; Wehler, *German Empire*, pp. 201–9.
- ⁶⁰ David Stevenson, *The First World War and International Politics* (Oxford: Clarendon, 1988), pp. 230–31; Alan Sharp, *The Versailles Settlement: Peacemaking in Paris, 1919* (New York: St. Martin's, 1991), pp. 102–29.
- ⁶¹ Wank, «Disintegration of the Habsburg and Ottoman Empires», p. 111.
- ⁶² *Ibid.*, pp. 110–11.
- ⁶³ *Ibid.*, pp. 110–13.
- ⁶⁴ Bialer, *Stalin's Successors and The Soviet Paradox*.
- ⁶⁵ Gerhard Simon, «Die Disintegration der Sowjetunion», in Alexander Demandt, ed., *Das Ende der Weltreiche: Von den Persen bis zur Sowjetunion*, pp. 174–210 (Munich: Beck, 1997); Motyl, *Sovietology, Rationality, Nationality*, pp. 59–71.
- ⁶⁶ Reneo Lukic and Allen Lynch, *Europe from the Balkans to the Urals: The Disintegration of Yugoslavia and the Soviet Union* (Oxford: Oxford University Press, 1996), p. 383.
- ⁶⁷ Alexander J. Motyl, «Totalitarian Collapse, Imperial Disintegration, and the Rise of the Soviet West», in Michael Mandelbaum, ed., *The Rise of Nations in the Soviet Union: American Foreign Policy and the Disintegration of the USSR*, pp. 44–63 (New York: Council on Foreign Relations, 1991); Alexander J. Motyl, «Empire or Stability? The Case for Soviet Dissolution», *World Policy Journal* 8 (summer 1991): 499–524.
- ⁶⁸ Valerie Bunce, *Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), p. 41.
- ⁶⁹ Archie Brown, *The Gorbachev Factor* (Oxford: Oxford University Press, 1996). Противоположный взгляд см. в работе: John Armstrong, «Gorbachev: Limits of the Fox in Soviet Politics», *Soviet and Post-Soviet Review* 19 (1992): 89–97.
- ⁷⁰ Alexander J. Motyl, «The Sobering of Gorbachev: Nationality, Restructuring, and the West», in Seweryn Bialer, ed., *Politics, Society, and Nationality Inside Gorbachev's Russia*, pp. 149–73 (Boulder, Colo.: Westview, 1989).
- ⁷¹ Valerie Bunce, *Do New Leaders Make a Difference? Executive Succession and Public Policy Under Capitalism and Socialism* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981); George W. Breslauer, *Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics* (London: Alien and Unwin, 1982).
- ⁷² Kann, *The Habsburg Empire*, pp. 163–64.
- ⁷³ Motyl, *Sovietology, Rationality, Nationality*, pp. 111–18.
- ⁷⁴ Rothschild, *Return to Diversity*; Michael Bernhard, *The Origins of Democratization in Poland: Workers, Intellectuals, and Oppositional Politics, 1976–1980* (New York: Columbia University Press, 1993); Bartomiej Kamicki, *The Collapse of State Socialism: The Case of Poland* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991); Joni Lovenduski and Jean Woodall, *Politics and Society in Eastern Europe* (Bloomington: Indiana University Press, 1987); Zbigniew Rau, ed., *The Reemergence of Civil Society in Eastern Europe and the Soviet Union* (Boulder, Colo.: Westview, 1991).
- ⁷⁵ Romuald J. Misiunas and Rein Taagepera, *The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1980* (Berkeley: University of California Press, 1983); Rein Taagepera, *Estonia: Return to Independence* (Boulder, Colo.: Westview, 1993); V. Stanley Vardys and Judith B. Sedaitis, *Lithuania: The Rebel Nation*

(Boulder, Colo.: Westview, 1997).

⁷⁶ Motyl, *Post-Soviet Nations*; Alexander J. Motyl, ed., *Thinking Theoretically About Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR* (New York: Columbia University Press, 1992).

⁷⁷ Raimondo Strassoldo, «Centre-Periphery and System-Boundary: Culturological Perspectives», in Jean Gottmann, ed., *Centre and Periphery: Spatial Variations in Politics* (Beverly Hills, Calif.: Sage, 1980), p. 45.

⁷⁸ Motyl, «Reassessing the Soviet Crisis».

Глава 4

¹ По словам Арнольда Тойнби, «политическая или культурная вражда к бывшим имперским хозяевам редко удерживает новые государства, пытающиеся утвердиться и поддержать стабильность, от заимствования у предшественников административных навыков или даже чиновничьих кадров». См.: Toynbee, *A Study of History* (New York: Weathervane, 1972), p. 314.

² О государственной состоятельности см.: Joel Migdal, *Strong Societies, Weak States* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988); Stephen M. Walt, *Revolution and War* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996), pp. 21–22; Alfred Stepan, *The State and Society: Peru in Comparative Perspective* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978); James A. Caporaso, ed., *The Elusive State: International and Comparative Perspectives* (Newbury Park, Calif.: Sage, 1989); Philip G. Cerny, *The Changing Architecture of Politics: Structure, Agency, and the Future of the State* (London: Sage, 1990).

³ См.: Michael Doyle, *Empires* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986), pp. 128–35.

⁴ Geir Lundestad, «The Fall of Empires: Peace, Stability, and Legitimacy», in Geir Lundestad, ed., *The Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy* (Oslo: Scandinavian University Press, 1994), p. 384.

⁵ См.: Ian Lustick, *Unsettled States, Disputed Lands: Britain*

and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1993); Alexander J. Motyl, «Reifying Boundaries, Fetishizing the Nation: Soviet Legacies and Elite Legitimacy in the Post-Soviet States», in Ian Lustick and Brendan O’Leary, eds., *Rightsizing the State* (Oxford: Oxford University Press, forthcoming).

⁶ Rogers Brubaker, *Nationalism Reframed* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).

⁷ Doyle, *Empires*, pp. 128–38.

⁸ Robert Kann, *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918* (Berkeley: University of California Press, 1974).

⁹ Solomon Wank, «The Disintegration of the Habsburg and Ottoman Empires: A Comparative Analysis», in Karen Dawisha and Bruce Parrott, eds., *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1997), p. 105.

¹⁰ Istvan Deak, «The Habsburg Empire», in Karen Barkey and Mark von Hagen, eds., *After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building*, pp. 129–41 (Boulder, Colo.: Westview, 1997).

¹¹ Alan Sharp, *The Versailles Settlement: Peacemaking in Paris, 1919* (New York: St. Martin’s, 1991), pp. 165–84; Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey*, 2nd ed. (London: Oxford University Press, 1968).

¹² Andreas Kappeler, *Russland als Vielvölkerstaat* (Munich: Beck, 1992); Hugh Seton Watson, *The Decline of Imperial Russia, 1855–1914* (New York: Praeger, 1961).

¹³ Ewan Mawdsley, *The Russian Civil War* (Boston, Mass.: Allen and Unwin, 1987).

¹⁴ Alexander J. Motyl, *Sovietology, Rationality, Nationality: Coming to Grips with Nationalism in the USSR* (New York: Columbia University Press, 1990), pp. 116–17.

¹⁵ См.: Hans-Ulrich Wehler, *The German Empire, 1871–1918* (Dover, N.H.: Berg, 1985), pp. 9–51; Wolfgang J. Mommsen, *Der autoritäre Nationalstaat: Verfassung, Gesellschaft und Kultur im deutschen Kaiserreich* (Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1990), pp. 234–56.

¹⁶ Andreas Hillgruber, «The Historical Significance of the First World War: A Seminal Catastrophe», in Gregor Sch Ilgen, ed., *Escape into War? The Foreign Policy of*

- Imperial Germany* (Oxford: Berg, 1990), p. 175.
- ¹⁷ David Stevenson, *The First World War and International Politics* (Oxford: Clarendon, 1988), p. 310.
- ¹⁸ Paul Kennedy, *The Rise and Decline of the Great Powers* (New York: Vintage: 1987), pp. 275–333.
- ¹⁹ См.: Woodruff D. Smith, *The Ideological Origins of Nazi Imperialism* (New York: Oxford University Press, 1986). Как отмечает Дэвид Кайзер, «Гитлер в гораздо большей степени, чем любой другой деятель современной истории, продемонстрировал на своем примере конечные пределы вмешательства личности в международную политику. Несмотря на печальный опыт Первой мировой войны и ограниченность ресурсов в 1930-е годы, которые, безусловно, отвращали многих других немецких руководителей от подготовки еще одной общеевропейской войны, этот человек, благодаря искусным манипуляциям в политике, экономике и военном деле, сумел покорить большую часть Западной Европы и привести свои армии на берега Волги. ...Но в долгосрочной борьбе с экономически превосходящим противником он выстоять не мог, как не мог воспользоваться дипломатическими средствами, когда военное счастье от него отвернулось. Его противники не только возложили на Гитлера и нацистский режим всю ответственность за Вторую мировую войну, но также настояли на тотальной победе и безоговорочной капитуляции» (Smith, *Politics and War: European Conflict from Philip II to Hitler* [Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990], pp. 390–91). Дискуссию о различных интерпретациях роли, которую сыграл Гитлер, см.: Ian Kershaw, *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*, 2nd ed. (London: Edward Arnold, 1989); Michael R. Marrus, *The Holocaust in History* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1988).
- ²⁰ Я также обращал внимание на данное обстоятельство, хотя и в другой связи. См.: Alexander J. Motyl, «Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective», *Comparative Politics* 31 (January 1999): 127–45.
- ²¹ Rogers Brubaker, «Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples», in Barkey and von Hagen, *After Empire*, pp. 155–80; Brubaker, *Nationalism Reframed*, pp. 117–18.
- ²² Alexander J. Motyl, «After Empire: Competing Discourses and Interstate Conflict in Postimperial Eastern Europe», in Barnett Rubin and Jack Snyder, eds., *Post-Soviet Political Order: Conflict and State Building*, pp. 14–33 (London: Routledge, 1998).
- ²³ Alexander Yanov, *Weimar Russia and What We Can Do About It* (New York: Slovo, n.d.). Збигнев Бжезинский полагает, что более адекватным является сопоставление постсоветской России с постосманской Турцией. См. его статью: «Living with Russia», *National Interest*, no. 61 (fall 2000): 5–16.
- ²⁴ Alexander J. Motyl, «Institutional Legacies and Reform Trajectories», in Adrian Karatnycky, Alexander J. Motyl, and Boris Shor, eds., *Nations in Transit*, 1997, pp. 17–22 (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1997).
- ²⁵ Alexander J. Motyl, *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* (New York: Columbia University Press, 1999), pp. 51–58.
- ²⁶ Edward Allworth, ed., *Ethnic Russia in the USSR* (New York: Pergamon, 1980); S. Enders Wimbush, «The Great Russians and the Soviet State: The Dilemmas of Ethnic Dominance», in Jeremy R. Azrael, ed., *Soviet Nationality Policies and Practices*, pp. 349–60 (New York: Praeger, 1978).
- ²⁷ Lilia Shevtsova and Scott A. Bruckner, «Toward Stability or Crisis?» *Journal of Democracy* 8 (January 1997): 12–26. См. также: Lilia Shevtsova, *Yeltsin's Russia: Myths and Reality* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999); Alexander J. Motyl, «Structural Constraints and Starting Points: The Logic of Systemic Change in Ukraine and Russia», *Comparative Politics* 29 (July 1997): 433–47.
- ²⁸ Valerie Sperling, ed., *Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance* (Boulder, Colo.: Westview, 2000).
- ²⁹ См.: Anders Åslund and Marth Brill Olcott, eds., *Russia After Communism* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999); P I Kolstř, *Political Construction Sites: Nation Building in Russia and*

- the Post-Soviet States* (Boulder, Colo.: Westview, 2000); U.S. National Intelligence Council and Bureau of Intelligence and Research, Conference Report: Federation in Russia: How Is It Working? (Washington, D.C.: National Intelligence Council, 1999); Dietmar M. Iler, *Regionalisierung des postsowjetischen Raumes* (Berlin: Osteuropa-Institut, 1997).
- ³⁰ См.: Valentin Michajlov, «Tatarstan: Jahre der Souveränität. Eine kurze Bilanz», *Osteuropa* 49 (April 1999): 366–86; John F. Young, «The Republic of Sakha and Republic Building: The Neverendum of Federalization in Russia», in Kimitaka Matsuzato, ed., *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World*, pp. 177–207 (Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000); Michael Rywkin, «The Autonomy of Bashkirs», *Central Asian Survey* 12 (1993): 47–57.
- ³¹ См.: Jack F. Matlock, «Dealing with a Russia in Turmoil», *Foreign Affairs* 75 (May–June 1996): 38–51; Sherman Garnett, «Russia's Illusory Ambitions», *Foreign Affairs* 76 (March–April 1997): 61–76; Stephen M. Meyer, «The Military», in Timothy J. Colton and Robert Legvold, eds., *After the Soviet Union: From Empire to Nations*, pp. 113–46 (New York: Norton, 1992); Anatol Lieven, *Ukraine and Russia: A Fraternal Rivalry* (Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace, 1999); William E. Odom, *The Collapse of the Soviet Military* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998).
- ³² См.: Thomas Graham and Arnold Horelick, *U.S.-Russian Relations at the Turn of the Century* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999).
- ³³ Anatol Lieven, *Chechnya: Tombstone of Russian Power* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998).
- ³⁴ О второй чеченской войне см.: Rajan Menon and Graham E. Fuller, «Russia's Ruinous Chechen War», *Foreign Affairs* 79 (March–April 2000): 32–44; Uwe Halbach, «Der Weg in den zweiten Tschetschenien-Krieg», *Osteuropa* 50 (January 2000): 11–30; Gail W. Lapidus, «Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya», *International Security* 23 (summer 1998): 5–49.
- ³⁵ Center for Peace, Conversion, and Foreign Policy of Ukraine, «The Armed Forces of Ukraine: Orientations of Servicemen», occasional report, October 13, 1999, Kyiv.
- ³⁶ См.: Margarita Mercedes Balmaceda, «Gas, Oil, and the Linkages Between Domestic and Foreign Policies: The Case of Ukraine», *Europe-Asia Studies* 50 (March 1998): 257–86; Eric A. Miller and Arkady Toritsyn, «Elite Foreign Policy in the Former Soviet Union», unpublished manuscript, n.d.; Rajan Menon, Ghia Nodia, and Yuri Fyodorov, eds., *Russia, the Caucasus, and Central Asia: The Twenty-first-Century Security Environment* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1999); Andreas Heinrich, «Der ungeklärte Status des Kaspischen Meeres», *Osteuropa* 49 (July 1999): 671–83.
- ³⁷ Rajan Menon, «In the Shadow of the Bear: Security in Post-Soviet Central Asia», *International Security* 20 (summer 1995): 149–81; Rajan Menon, «After Empire: Russia and the Southern 'Near Abroad'» in Michael Mandelbaum, ed., *The New Russian Foreign Policy*, pp. 100–66 (New York: Council on Foreign Relations, 1998).
- ³⁸ Paul D'Anieri, Robert Kravchuk, and Taras Kuzio, *Politics and Society in Ukraine* (Boulder, Colo.: Westview, 1999); Tor Bukkvoll, *Ukraine and European Security* (London: Royal Institute of International Affairs, 1997), pp. 84–87; Anatoly S. Gritsenko, *Civil-Military Relations in Ukraine: A System Emerging from Chaos* (Groningen, The Netherlands: Centre for European Security Studies, 1997); Andrew Wilson and Igor Burakovsky, *The Ukrainian Economy Under Kuchma* (London: Royal Institute of International Affairs, 1996), pp. 32–37.
- ³⁹ Menon, «In the Shadow of the Bear»; Heinrich Tiller, «Die militärische Entwicklung in den Nachfolgestaaten der ehemaligen Sowjetunion», in Hans-Hermann Hoffmann, ed., *Zwischen Krise und Konsolidierung* (Munich: Carl Hanser Verlag, 1995), p. 352.
- ⁴⁰ См.: Hendrik Spruyt, «The Prospects for Neoimperial and Nonimperial Outcomes in the Former Soviet Space», in Dawisha and Parrott, *End of Empire?* pp. 315–37.
- ⁴¹ См.: I.S. Koropeckyj and Gertrude Schroeder, eds., *Economics of Soviet Regions* (New York: Praeger, 1981).
- ⁴² См.: Motyl, «Reifying Boundaries, Fetishizing the Nation». Я, разумеется, исхожу из того, что государственные границы по-прежнему исключительно важны. См.:

- John F. Helliwell, *How Much Do National Borders Matter?* (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1998).
- ⁴³ Как показывает Эккехард Борнтрагер, пересмотр границ является делом гораздо более распространенным, нежели можно предположить из официальных разговоров об их нерушимости. См.: Ekkehard W. Borntrager, *Borders, Ethnicity, and National Self-Determination* (Vienna: Braumüller, 1999).
- ⁴⁴ Olga Oliker, «An Examination of Territorial Changes Within the USSR, 1921–1980», unpublished manuscript, 1990.
- ⁴⁵ Martha Brill Olcott, Anders Åslund, and Sherman W. Garnett, *Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999), pp. 230–32.
- ⁴⁶ Andrea Chandler, *Institutions of Isolation: Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917–1993* (Montreal: McGill-Queen's University Press, 1998), p. 111.
- ⁴⁷ Paul Kolstoe, *Russians in the Former Soviet Republics* (Bloomington: Indiana University Press, 1995), pp. xi, xii, 133, 170, 244; Charles King and Neil J. Melvin, eds., *Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union* (Boulder, Colo.: Westview, 1998).
- ⁴⁸ Об отношении русских к своим новым государствам и об осознании ими собственной идентичности см.: David D. Laitin, *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1998); Евгений Головаха, Наталья Панина, «Российско-украинские отношения в общественном мнении Украины и России», в книге: Дмитрий Фурман (ред.), *Украина и Россия: общества и государства* (М.: Права человека, 1997), сс. 259–77; Richard Rose, *Russians Outside Russia: A 1991 VCIOM Survey* (Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, 1997); Vera Tolz, «Conflicting 'Homeland Myths' and Nation-State Building in Postcommunist Russia», *Slavic Review* 57 (summer 1998): 267–94; Olga Alexandrova, «Russland und sein 'nahes Ausland'», in H. Hmann, *Zwischen Krise und Konsolidierung*, pp. 325, 330–33; «Возродится ли союз?» *Независимая газета* — *Сценарии*, 23 мая 1996, сс. 4–5; Motyl, «After Empire», pp. 28–30; Chauncy D. Harris, «Ethnic Tensions in Areas of the Russian Diaspora», *Post-Soviet Geography* 34 (April 1993): 233–38; Leon Aron, «The Foreign Policy Doctrine of Postcommunist Russia and Its Domestic Context», in Mandelbaum, *New Russian Foreign Policy*, pp. 23–63; Yitzhak Brudny, *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998).
- ⁴⁹ О состоянии российской экономики см.: Richard E. Ericson, «The Post-Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism?» unpublished paper, January 1999; Erik Berglof and Romesh Vaitilingam, *Stuck in Transit: Rethinking Russian Economic Reform* (London: Centre for Economic Policy Research, 1999); Roland Gütz, «Die Modernisierung Russlands: Wunsch und Wirklichkeit», *Osteuropa* 49 (July 1999): 701–17.
- ⁵⁰ О важности институтов см.: Harry Eckstein, Frederic J. Florn Jr., Erik P. Hoffmann, and William Reisinger, *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations* (Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1998); Michael Mandelbaum, ed., *Post-Communism: Four Perspectives* (New York: Council on Foreign Relations, 1996); Stephen E. Hanson, «The Leninist Legacy and Institutional Change», *Comparative Political Studies* 28 (July 1995): 306–14; Holger Schulze, *Neo-Institutionalism: Ein analytisches Instrumentarium zur Erklärung gesellschaftlicher Transformationsprozesse* (Berlin: Osteuropa-Institut, 1997).
- ⁵¹ О перспективах возрождения российской экономики см.: Anders Åslund and Mikhail Dmitriev, «Economic Reform Versus Rent Seeking», in Anders Åslund and Martha Brill Olcott, eds., *Russia After Communism*, pp. 91–130 (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999); «After the Crisis: The Russian Economy in 1999», special issue of *Harriman Review* 11 (June 1999); Clifford Caddy and Barry Ickes, «Russia's Virtual Economy», *Foreign Affairs* 77 (September–October 1998): 53–67.
- ⁵² Глубокий анализ проблем СНГ см. в следующих рабо-

- тах: Olcott, Tslund, and Garnett, *Getting It Wrong*, and Richard Sakwa and Mark Webber, «The Commonwealth of Independent States, 1991–1998: Stagnation and Survival», *Europe-Asia Studies* 51 (May 1999): 379–415.
- ⁵³ К сходному выводу Поль д'Аньери приходит в своей неопубликованной работе: Paul D'Anieri, «International Cooperation Among Unequal Partners: The Emergence of Bilateralism in the Former Soviet Union», unpublished manuscript, June 1997, pp. 33–35.
- ⁵⁴ См. электронную публикацию, осуществленную Институтом по изучению конфликта, идеологии и политики Бостонского университета: Miriam Lanskoj, «Caucasus», part 2 of «The NIS Observed: An Analytical Review» 5 (September 13, 2000), <mlanskoj@bu.edu> on September 23, 2000.
- ⁵⁵ О Беларуси см. следующие работы: Д.Е. Фурман (ред.), *Белоруссия и Россия: общества и государства* (М.: Права человека, 1998); Karen Dawisha and Bruce Parrott, eds., *Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus, and Moldova* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997); Steven M. Eke and Taras Kuzio, «Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus», *Europe-Asia Studies* 52 (May 2000): 523–47; Uladzimir Padhol and David R. Marples, «Belarus: The Opposition and the Presidency», *Harriman Review* 12 (fall 1999): 11–18.
- ⁵⁶ Термин «Евроленд» был предложен немецкой газетой «Die Zeit».
- ⁵⁷ Эти выводы основываются на многочисленных беседах с политиками, дипломатами и политическими аналитиками из Соединенных Штатов и Западной Европы. Несомненно, никто из них всерьез не ожидает, что расширение НАТО затронет прибалтийские государства и Украину. См. также: Stephen Blank, «The Baltic States and Russia: The Strategic and Ethnic Contexts», *Harriman Review* 10 (1998): 15–32.
- ⁵⁸ Sherman Garnett and Rachel Levenson, «The Middle Zone and Postenlargement Europe», in Stephen J. Blank, ed., *NATO After Enlargement: New Challenges, New Missions, New Forces*, pp. 73–93 (Carlisle, Penn.: Strategic Studies Institute, 1998); F. Stephen Larrabee, «Ukraine's Place in European and Regional Security», in Lubomyr A. Hajda, ed., *Ukraine in the World* (Cambridge, Mass.: Ukrainian Research Institute, 1998), p. 261. См.: Paul D'Anieri and Bruan Schmiedeler, «European Security After the Cold War: The Policy of 'Insulationism'», paper presented at the Midwest Conference of the International Studies Association, East Lansing, Mich., November 21, 1992; Vladimir Baranovsky, ed., *Russia and Europe: The Emerging Security Agenda* (Oxford: Oxford University Press, 1997).
- ⁵⁹ Timothy Garton Ash, «Europe's Endangered Liberal Order», *Foreign Affairs* 77 (March–April 1998): 51–65; «Survey: EMU», *Economist*, April 11, 1998, pp. 1–22; Sergey Rogov, *Russia and NATO's Enlargement* (Alexandria, Va.: Center for Naval Analyses, 1995); Michael Mandelbaum, *NATO Expansion: A Bridge to the Nineteenth Century* (Chevy Chase, Md.: Center for Political and Strategic Studies, 1997).
- ⁶⁰ См.: Madeleine Albright, «Enlarging NATO», *Economist*, February 15, 1997, pp. 21–23; James Sher, *Ukraine's New Time of Troubles* (Camberley, U.K.: Conflict Studies Research Centre, 1998); Bruce Clark, «NATO», *Economist*, April 24, 1999, pp. 3–18.
- ⁶¹ Eric van Breska, Martin Brusis, Claus Gierig, Andras Inotai, and Monika Wohlfeld, eds., *Costs, Benefits, and Chances of Eastern Enlargement for the European Union* (G tersloh, Germany: Bertelsmann Foundation, 1998); John Peet, «European Union», *Economist*, May 31, 1997, pp. 13–15. О противодействии дэмпингу см.: World Bank, *Entering the Twenty-first Century: World Development Report, 1999–2000* (New York: Oxford University Press, 2000), pp. 56–60.
- ⁶² European Union, *Agenda 2000: Eine st rkere und erweiterte Union* (Brussels: Europ ische Kommission, 1997); Advisory Council on International Affairs, *An Inclusive Europe* (The Hague: Advisory Council on International Affairs, 1997).
- ⁶³ Center for Peace, Conversion, and Foreign Policy of Ukraine, «Ukraine on the Way to the European Union», occasional report no. 71, Kyiv, October 15, 1998; Werner Weidenfeld, ed., *Central and Eastern Europe on the Way*

- to the European Union (G tersloh, Germany: Bertelsmann Foundation, 1995); Robert Cottrell, «Europe Survey», *Economist*, October 23, 1999, pp. 14–15; Clark, «NATO».
- ⁶⁴ Наряду со всем прочим, членство в ЕС, согласно действующим в союзе правилам, требует, чтобы Эстония, Словения, Польша, Венгрия и Чехия упразднили соглашения о свободной торговле со своими восточными соседями. См.: Breffni O'Rourke, «Eastern Europe: EU, Eastern Candidates Discuss Sensitive Trade Issues», <<http://www.rferl.org/nca/features/1999/05/F.RU.;990520134805.html>> (June 7, 1999).
- ⁶⁵ См.: Rey Koslowski, «European Migration Regimes: Emerging, Enlarging, and Deteriorating», *Journal of Ethnic and Migration Studies* 24 (October 1998): 735–49; Olcott, Tslund, and Garnett, *Getting It Wrong*, pp. 198–99.
- ⁶⁶ Oleksandr Pavliuk, *The European Union and Ukraine: The Need for a New Vision* (New York: EastWest Institute, 1999).
- ⁶⁷ Michael Ludwig, «Angst vor einer neuen Mauer im Osten Polens», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, July 5, 2000, p. 6; Natalia Tchourikova, «Ukraine: EU Entry Depends on Internal Developments», *RFE/RL Weekday Magazine*, October 21, 1998; Reuters, «Kuchma Says European Union Slight Ukraine», October 28, 1998, electronically distributed by Ukraine List, no. 88, September 12, 2000, ed. Dominique Arel, Brown University <darel@brown.edu>.
- ⁶⁸ Center for Peace, Conversion, and Foreign Policy of Ukraine, *Foreign Policy of Ukraine Newsletter*, March 11–17, 2000, p. 10. Словакия последовала примеру Чехии, которая ввела новый визовый режим в начале 2000 года. См.: Center for Peace, Conversion, and Foreign Policy of Ukraine, *Foreign Policy of Ukraine Newsletter*, January 8–14, 2000, p. 4.
- ⁶⁹ Helmut Schmidt, «Wer nicht zu Europa gehört», *Die Zeit* <http://www.zeit.de/2000/41/Politik/200041_selbstbehauptung.html> (October 11, 2000); «Survey: European Union», *Economist*, May 31, 1997, p. 14.
- ⁷⁰ Richard Langhorne, *The Coming of Globalization* (London: St. Martin's, 2001); Ulrich Beck, *Was Ist Globalisierung?* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997); *Is Global*

Capitalism Working? A Foreign Affairs Reader (New York: Council on Foreign Relations, 1999).

- ⁷¹ Edward Luttwak, *Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy* (New York: HarperCollins, 1999).
- ⁷² Alexander Gerschenkron, *Economic Backwardness in Historical Perspective* (New York: Praeger, 1962).
- ⁷³ Heinz Timmermann, «Russland: Strategischer Partner der Europäischen Union? Interessen, Impulse, Widersprüche», *Osteuropa* 49 (October 1999): 1003.
- ⁷⁴ Otto Kirchheimer, «Confining Conditions and Revolutionary Breakthroughs», *American Political Science Review* 4 (December 1965): 964–74. Разумеется, революционеры тоже могут бороться за рыночные реформы. См.: Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 32–36.
- ⁷⁵ Olcott, Tslund, and Garnett, *Getting It Wrong*, pp. 69–72.
- ⁷⁶ Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 43–50.
- ⁷⁷ Аналогичные аргументы см.: Georgi M. Derlugian, «Rouge et Noire: Contradictions of the Soviet Collapse», *Telos* 26 (summer 1993): 13–25.
- ⁷⁸ Johan Galtung, «Geopolitics After the Cold War: An Essay in Agenda Theory», in Armand Clesse, Richard Cooper, and Yoshikazu Sakamoto, eds., *The International System After the Collapse of the East-West Order* (Dordrecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff, 1994), p. 202.
- ⁷⁹ Motyl, *Revolutions, Nations, Empires*, pp. 157–61.

Заключение

- ¹ Karen Dawisha, «Constructing and Deconstructing Empire in the Post-Soviet Space», in Karen Dawisha and Bruce Parrott, eds., *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* (Armonk, N.Y.: Sharpe, 1997), p. 342.
- ² См.: Mark Beissinger, Crawford Young, eds., *The Search for the Efficacious State in Africa and Eurasia* (forthcoming); Valerie Sperling, «The Domestic and International Obstacles to State-Building in Russia», in Valerie Sperling, ed., *Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for*

Democratic Governance, pp. 1–23 (Boulder, Colo.: Westview, 2000); Allen Lynch, «The Crisis of the State in Russia», *International Spectator* 30 (April–June 1995): 21–33.

³ Leslie Dienes, «Corporate Russia: Privatization and Prospects in the Oil and Gas Sector», *Donald W. Treadgold Papers in Russian, East European, and Central Asian Studies*, no. 5, March 1996, Henry M. Jackson School of International Studies, University of Washington, Seattle.

⁴ См.: Thomas Graham, «A World Without Russia?» paper presented at the Jamestown Foundation, Washington, D.C., on June 9, 1999.

⁵ Gerhard Simon, «Die Disintegration der Sowjetunion», in Alexander Demandt, ed., *Das Ende der Weltreiche: Von den Persen bis zur Sowjetunion* (Munich: Beck, 1997), pp. 209–10.

⁶ John Peet, «European Union», *Economist*, May 31, 1997, pp. 13–15.

⁷ См.: Helmut Schmidt, «Wege aus Europas Krise», *Die Zeit*, October 14, 1999, pp. 6–7; Andrew Moravcsik, ed., *Centralization or Fragmentation? Europe Facing the Challenges of Deepening, Diversity, and Democracy* (New York: Council on Foreign Relations, 1998). См. также крайне алармистскую позицию: Martin Feldstein, «EMU and International Conflict», *Foreign Affairs* 76 (November–December 1997): 60–73.

⁸ Joseph S. Nye Jr., «Redefining the National Interest», *Foreign Affairs* 78 (July–August 1999): 22–35; Peter W. Rodman, «The Fallout from Kosovo», *Foreign Affairs* 78 (July–August 1999): 45–51.

Содержание

Введение. Определение империи	7
Вместо предисловия.....	24
I. Начала империй	27
II. Упадок империй	73
III. Коллапс империй	114
IV. Возрождение империй.....	150
Заключение. Утраченная империя	189
Примечания	193

Александр Мотыль

**Пути империй:
упадок, крах и возрождение
имперских государств**

Дизайн серии С. Кочетковой

Редактор Л. Бусуек

Компьютерная верстка О. Козак